А. Ф. Григорьев

АРХИТЕКТОНИКА ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА ТЕРСКО-ГРЕБЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Ставрополь
2020

УДК 398.8
ББК 82.3(2)
Г83

Печатается по решению
РИС ГБОУ ВО «Ставропольский
государственный педагогический
институт»

Рецензенты:

В.Н. Гончаров доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» (Ставрополь)

Б.М. Целковников доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный университет» (Краснодар)

Григорьев, А.Ф.

Г83 Архитектоника песенного фольклора терско-гребенского казачества : монография / А.Ф. Григорьев – Ставрополь : Изд-во «Тимченко О.Г.», 2020. – 180 с.

ISBN 978-5-6044707-2-5

В монографии исследуется архитектоника песенного фольклора гребенских и терских казаков, песенный фольклор которых как продукт материально-духовной деятельности этноса сосредотачивает в себе его ценностные и самобытные черты. Проблематика сохранения культурных ценностей, воплощенных в песенном фольклоре, приобретает особую остроту в период глобализации и унификации традиционной культуры. В издание включены тексты песенного фольклора по рукописным материалам фольклорно-этнографических экспедиций 70-годов прошлого столетия по станицам Чеченской Республики. Издание представляет интерес для историков, культурологов, студентов вузов и всех, кого интересует феномен песенного фольклора гребенских казаков.

УДК 398.8
ББК 82.3(2)

ISBN 978-5-6044707-2-5

© Григорьев А. Ф., 2020
© ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», 2020
© Издательство «Тимченко О.Г.», 2020

Содержание

ГЛАВА I. Теоретико-методологические аспекты феномена песенного фольклора казаков на Тереке 6

1.1. Историографический обзор фольклористики терско-гребенского казачества 6

1.2. Истоки, генезис песенного фольклора казаков на Тереке .. 21

ГЛАВА 2. По следам фольклорно-этнографических экспедиций 25

Песни станицы Гребенская 27

Песни станицы Старогладковская. 41

Песни станицы Червленная. 45

Песни станицы Шелковская..... 52

Песни станицы Старый Щедрин 62

Песни станицы Каргалинская. 70

Песни станицы Калиновская..... 74

Песни станицы Наурская 102

Песни, записанные в г. Прохладном (КБ АССР) 108

Песни станицы Зольская 113

ГЛАВА 3. Архитектоника песенного фольклора терско-гребенского казачества 123

3.1. Жанровая ретроспектива песенного фольклора казаков..... 123

3.2. Хронотоп казаков в архитектонике песенного фольклора..... 130

3.3. Мировосприятие казаков в мифопоэтике песенного фольклора 138

3.4. Ментальные и духовно-нравственные ценности в песенной историософии казаков 143

3.5. Музыкально-стилевые особенности песенного фольклора.... 153

3.6. Эволюция и трансформация архитектоники песенного фольклора казаков 161

Литература 168

От автора

В эпоху перемен, когда разрушаются моральные и этнические нормы, объединяющим и консолидирующим фактором и эффективным средством воспитания молодежи становятся культура и образование, сохраняющие духовные ценности народа и определяющие его будущее.

В условиях поликультурного и многонационального Ставрополья проблема сохранения и воспроизводства традиционной культуры народов приобретает особую остроту, социально-политическую, социокультурную и научно-практическую значимость. Реальные процессы усиления этнической мобилизации, самоидентификации, отмеченные во всем мире с середины XX века, сопутствуют нарастающей унификации духовно-материальной культуры, а также процессам глобализации. Именно тенденция культурной глобализации особенно обостряет интерес к культурной самобытности и актуализирует проблемы сохранения и возрождения национальных культурных ценностей.

Это вполне естественно актуализирует проблему роли и значимости традиционной культуры в воспитании духовно-нравственных ценностей в таком исторически многонациональном регионе, как Ставропольский край, в связи с чем, актуализируется и проблема выявления педагогического потенциала традиционного песенного фольклора терско-гребенского казачества как средства воспитания молодежи.

В монографию включены тексты песенного фольклора по рукописным материалам фольклорно-этнографических экспедиций 70- годов по станицам Чеченской Республики и Ставропольского края.

Архитектоника применительно к песенному фольклору представляется основным принципом построения и развития внутриструктурных специфических компонентов песенного фольклора в системе его сложных взаимосвязей с внешними структурными средовыми факторами и условиями, влияющими на его развитие. Архитектоника объединяет в себе соотношение внутриструктурных специфических компонентов фольклора, расположение и взаимосвязь его компонентов, образующих вместе некоторое художественное единство, подвержена изменению и трансформации под влиянием объективных факторов и внешних условий. Приемы ар-

хитектоники в песенном фольклоре гребенских казаков позволяют проследить эволюцию генезиса во всех сложных взаимосвязях: хронотопа, формирования и развития музыкальной лексики, жанровых особенностей, взаимообусловленных мировоззренческих уровней бытийности и выявить общие тендинции развития.

Задачи исследования направлены на изучение архитектоники песенного фольклора гребенских казаков, выявление ее изменений и трансформаций.

ГЛАВА I. Теоретико-методологические аспекты феномена песенного фольклора казаков на Тереке

1.1. Историографический обзор фольклористики терско-гребенского казачества

Систематизация и обобщение различных гипотез и версий зарождения казачества на Тереке, а также исследование их ритуально-обрядовых традиций позволили по-новому взглянуть на фольклор гребенского казачества как результат многовекового поликультурного и полиэтнического взаимодействия древнерусских и аборигенных племен Северного Кавказа.

В контексте выявления педагогического потенциала песенного фольклора гребенских казаков, прежде всего, необходимы историографический обзор и систематизация всей имеющейся базы научных знаний и полевых исследований в области песенной фольклористики. И здесь мы подразделяем историографию на научные исследования и материалы фольклорных экспедиций, которые условно можно разделить на три периода: этнографические исследования и материалы дореволюционных авторов, советский период и исследования современных ученых.

В числе первых этнографических источников, содержащих сведения о гребенских казаках, являются дневники Л.Н. Толстого, которые он вел в станице Старогладковской в 1851–1854 гг. [*Толстой*... 1961]. В них впервые дается описание обрядов, знахарских приемов лечения и др. Как известно, дневники и личные наблюдения Л.Н. Толстого легли в основу повести «Казаки», в подзаголовке которой автор указывает дату (1852 год) своего пребывания на Тереке. В повести нашли отражение, прежде всего, мирная жизнь гребенских казаков, их быт и нравы. Этнографические данные, приведенные в повести, являются достоверными и единственными в своем роде, поскольку последующие работы подтвердили верность описания Л.Н. Толстым положения гребенских казачек, особого говора гребенцов, обычая куначества, празднеств масленицы и других традиций. Хрестоматийным стало и предание гребенцов в изложении Л.Н. Толстого: «Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Тереком, между чечен-

цами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизнии нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Предание, еще до сих пор свежее между казаками, говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек, вызывал с Гребня к своему лицу стариков, дарил им землю по сю сторону реки, увещевал жить в дружбе и обещал не принуждать их ни к подданству, ни к перемене веры. Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими...» [*Толстой* 1961:176].

Этнографический материал из повести Л.Н.Толстого «Казаки» впервые был проанализирован Б.С. Виноградовым [*Виноградов* 1957: 33–43*; Виноградов* 1959: 157–172]. Исследователь сравнил некоторые сведения из повести с высказываниями официальных казачьих историков, а также окончательный и черновой варианты «Казаков». Это позволило Б.С. Виноградову сделать вывод о том, что в своем понимании гребенского казачества Л.Н. Толстой сделал шаг вперед по сравнению с официальной историографией, для которой термин «по-азиатски» применительно к гребенцам был естественен. Л.Н. Толстой в окончательной редакции повести ввел новое понятие «по-казачьи» (применительно к убранству жилища, говору, некоторым обычаям). Это свидетельствует о том, что бытовой уклад гребенцов великий писатель понимал не как механическое соединение разнородных элементов, и тем более, голое заимствование, а как оригинальное явление. Произведение Л.Н. Толстого открыло ранее неизвестные стороны жизни гребенского казачества. И уже в дореволюционный период многие авторы ссылались на «Казаков» как на первоисточник. Не только Л.Н. Толстой, но и многие другие офицеры, служившие на Тереке, не могли пройти мимо особенностей жизни и быта гребенцов, пытались отразить и сохранить их для следующих поколений исследователей. Ценную информацию содержала работа А. Ржевуского [*Ржевуский* 1888], в которой было дано описание жилищ и хозяйства гребенцов, их свадебных и поминальных обрядов, масленичных празднеств, приведены тексты некоторых казачьих песен. Лингвистические материалы [*Караулов* 1907: 102–109] позволяют охарактеризовать особенности говора гребенцов. Определенный интерес представляют слова, заимствованные из языков других народов, термины, которые в прошлом обозначали те или иные стороны религиозных верований и быта.

Накопление историко-этнографического материала по терско-гребенскому казачеству резко возросло в 80-е гг. XIX в., когда в Тифлисе стало выходить выдающееся дореволюционное издание «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). Цель его — восстановить историю отдельных сел, показать особенности жизни и быта населения. Авторами нового сборника были преимущественно сельские учителя-краеведы, собравшие ценный материал по материальной и духовной культуре гребенского казачества. (91) В 1893 г. в СМОМПК появилась статья учителя Червленского станичного училища Т. Рогожина [*Рогожин* 1893: 57–67]. Она посвящена описанию религиозных верований гребенских казаков, в основном многочисленным языческим представлениям, которые сохранились в их религиозной системе. Так, Т. Рогожин описал веру гребенцов в домового, лобасту, привел поверья, связанные с крестами, ладаном, свечами, иконами и т.п. В начале XX в. в СМОМПК вышли очерки Ф.С. Гребенца. Один из них содержит сведения о свадебных обрядах казаков станицы Новогладковской [*Гребенец* 1909: 9–47]. По мнению автора, гребенцы — это «новый смешанный тип населения» на Тереке, которые заимствовали костюмы, оружие, игры, военное воспитание и прочее у своих соседей горцев, а также грузин, армян, кабардинцев, калмыков, ногайцев. И только старая вера и семейный быт сохранились от предков. Второй очерк Ф.С. Гребенца посвящен истории станицы Новогладковской [*Гребенец* 1915: 77–116]. В ней автор характеризует хозяйственные занятия казаков, их пищу, одежду, жилища. Небольшой раздел касается религиозных верований новогладковцев. Ф.С. Гребенец дал описание старообрядческого скита, располагавшегося у станицы.

Издание СМОМПК активизировало историко-краеведческие поиски на Тереке, выявило представляющих интерес авторов, сделало достоянием общественности не только и не столько военно-политическую историю гребенских казаков, сколько их мирную жизнь (хозяйственные занятия, обычаи и обряды). Была восстановлена история ряда станиц, впервые записаны многие фольклорные произведения. Три очерка Г. Малявкина о станице Червленной увидели свет в «Этнографическом обозрении» [*Малявкин* 1891: №№1–3]. В них впервые подробно был описан обряд «пускания кораблей» по Тереку, много внимания уделил автор моло-

дежному досугу, семейным отношениям и этикету. Серьезный вклад в изучение гребенского казачества внесли авторы дореволюционного издания «Записки Терского общества любителей казачьей старины» (ЗТОЛКС) в начале XX в., где публиковались документы и предания, относящиеся к Гребенскому войску [*Исторические сведения*...1912: 29–52; *Гребенская*...1914: 24*; Кулебякин* 1915: 43–74*; Юдин* 1915: 5–33 и др.]. В Сборнике общества был опубликован очерк Г.А. Ткачева о станице Червленной, где воссоздана история заселения станицы, генеалогия некоторых фамилий гребенцов-червленцев, особенности быта, дано краткое описание некоторых празднеств [*Ткачев* 1912].

Ценные материалы о гребенцах появились и в периодической печати, в частности, в газете «Терские ведомости». Здесь публиковались сведения о казачьих верованиях, воспоминания старожилов, образцы фольклора, велись жаркие споры о происхождении гребенцов [*К.* 1885: №83, 86,87*,* 89, 92, 96, 100*; Г.М.* 1891: №4, 8, 13,26, 29, 50*; Малявкин* 1892: №1*; Волков* 1896; *Ткачев* 1909: №№109–112*; Ткачев* 1910: №№ 67,69, 76, 78, 90, 110, 111, 114]. Среди этнографических источников середины XVIII в., опубликованных только в советский период, несомненный интерес представляет «Описание гребенских казаков», введенное в научный оборот М.О. Косвеном [*Косвен* 1961:245–247]. Этот документ представляет несомненный интерес, поскольку содержит описания жилищ гребенцов, сведения о религиозной обстановке в станицах, указания легенд на места их раннего проживания. Особый интерес представляют фольклорные источники (легенды, песни, пословицы), в которых отразились этногенетические сюжеты, домонотеистические и иные верования.

В историю песенного фольклора несомненный вклад внесли дореволюционные собиратели. С середины XIX в. в печать попадают отдельные записи песен из гребенских станиц [*Старинные исторические песни* 1852: 266]. Однако планомерная собирательская работа начинается с изданием СМОМПК. В его первом выпуске была опубликована «Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах населяющих оныя». Она ориентировала краеведов на изучение национальных особенностей, образа жизни мужчин и женщин, обычаев, обрядов и др. [*Сборник материалов* 1881]. В очерки быта казачьих станиц включались не

только описания обрядов, гуляний и праздников, но и сопровождавшие их песни. В выпусках сборника были напечатаны материалы М. Карпинского [*Карпинский* 1897; 1898; 1900], Ф.С. Гребенца [*Гребенец* 1909], В.П. Пожидаева [*Пожидаев* 1915] с приведенными текстами старинных песен и былин гребенских казаков.

В «Записках Терского общества любителей казачьей старины» также публиковались тексты гребенских песен с указанием собирателей [*Записки*... 1914 №2: 24–42; *Записки*... 1914 №3: 72–77].

Первый сборник гребенских казачьих песен увидел свет благодаря собирательской деятельности подхорунжего 1-го Кизляро-Гребенского полка Ф.С. Панкратова, печатавшегося под псевдонимом Ф.С. Гребенец [*Белецкая* 1991: 41]. В сборник вошли 249 «исторических (старинных)», «военно-бытовых», «любовных и обрядовых», «скоморошных» песен. В предисловии к своему труду Панкратов сообщал, почему он стал собирать песенный фольклор казаков: «Еще на школьной скамье, в гимназии, видя, как с каждым годом все более и более, благодаря проникновению цивилизации забываются свои родные песни, я задался мыслью воскресить забываемую народную литературу первых колонизаторов Кавказа. Шесть лет работал я над сбором песен по гребенским станицам, ходил во «беседы», и наконец труды мои увенчались успехом, хотя и неполным. Еще тысячи песен сохраняются в устах гребенцов, которые я в будущем постараюсь передать». По замечанию автора, в песнях, как в родниковой воде, отражаются история, обряды, обычаи, верования и помышления гребенского казачества, и «каждый читающий может составить вполне ясное понятие о его быте, духе, мировоззрении, характере», т.е. о самобытности гребенцов [*Гребенцы в песнях* 1895: V]. Собиратель отметил, что при записывании песен он старался строго придерживаться того языка, на котором они пелись, и поэтому в текстах встречается много слов и выражений, понятных одним гребенцам; пояснение к ним он прилагал в постраничных и затекстовых примечаниях.

Паспортизация как таковая в сборнике отсутствовала, однако Панкратов перечислял своих добровольных помощников, под которыми подразумевал в первую очередь информантов. Это есаул станицы Щедринской И.Д. Скороходов, урядник той же станицы Ф.П. Пономарев; казак станицы Червленной Гавриил Рогожин («он же Чупчук») и «бабука Акимовна» Багдашкина, а также «бабука Вер-

ка» Курносова и А.М. Филиппова (все из Червленной), «тетка Леонтьевна» Гаурова (ст. Щедринская) и молодой казак станицы Новогладковской Трофим Иванов. Перечисленные имена дают исследователю редкую возможность: узнать, как казаки называли друг друга в быту. В примечаниях к некоторым песням содержались сведения о том, в какой момент обряда песня обычно исполнялась.

Сборник Ф.С. Панкратова послужил основой для дальнейших экспедиций и публикаций, источником перепечаток при издании сводов исторических песен и былин. Значительный вклад в исследование фольклора терских и гребенских казаков внес А.М. Листопадов, он называл былины «былинными песнями» и выдвинул тезис об особой песенной форме донского эпоса, преобразованный из жанра былины [Листопадов 1949: 339]. Особую разработку и дискуссии получила тематика развития эпоса в казачьем фольклоре. Песенная форма казачьего эпоса рассматривалась как вторичная по отношению к сказительской.

Таким образом, в дореволюционный период был собран значительный историко-этнографический материал по некоторым гребенским станицам. В послереволюционный период этнографические работы в терско-гребенских станицах не проводились, что было связано с социально-политической обстановкой в стране, расказачиванием и геноцидом казачества.

Систематическое собирание гребенского фольклора было продолжено лишь после Великой Отечественной войны, когда кафедра литературы Грозненского пединститута и редакция газеты «Грозненский рабочий» организовали фольклорную экспедицию в гребенские станицы (Старощедринскую, Червленную и Старогладковскую). Результатом стал выход в 1946 г. сборника «Песни гребенских казаков» [*Путилов* 1946]. В него вошли 233 песенных текста, с комментариями и указанием вариантов к большей части песен.

Экспедиция под руководством Б.Н. Путилова доказала, что в обследованных станицах ведущее место занимали три жанра: «историческая песня в её последовательных модификациях, баллада и необрядовая лирика с многообразными жанровыми видами». Календарная обрядовая поэзия, тесно связанная с земледельческой практикой, «в своей значительной части была чужда казачеству», основными занятиями которого были виноградарство, скотоводство и рыбная ловля; «сравнительно слабую разработку получала и

свадебная обрядовая поэзия». Примечательно, что «на казачьих свадьбах обрядовую функцию зачастую выполняли обыкновенные лирические песни, не связанные с обрядом ни по содержанию, ни генетически». По поводу «популярнейшего поэтического жанра — частушки» Б. Н. Путилов заметил, что казачий фольклор ее не воспринял [*Путилов* 1946: 16—17, 35].

Сборник, в который вошли записи экспедиции Б. Н. Путилова, является уникальным, и не только потому, что его своевременность определялась мотивами, обозначенными в предисловии, а именно: 1) недоступностью дореволюционных изданий, как широкому кругу читателей, так и специалистам; 2) существенными недостатками прежних публикаций (литературная обработка текстов, их несоответствие живому исполнению, языковым особенностям песни, несоблюдением правил паспортизации и т.д.); 3) необходимостью дать представление о современном состоянии старого поэтического фольклора в одном из казачьих районов Терека. Уникальность сборника – в попытке передать структуру песенного текста в соответствии с музыкальным настроением песни; в расположении текстов по исполнителям и по станицам, что дает возможность анализа репертуара отдельных певцов, одной станицы, гребенских станиц в целом; в исчерпывающей жанровой характеристике местного репертуара в сравнении с песенными традициями гребенского казачества с традициями других групп казаков, а также с общерусской традицией в целом. В изданных сборниках впервые был осуществлен анализ поэтического содержания в контексте жанровых особенностей гребенского песенного фольклора, глубокий анализ проблемы эволюции песенного жанра, представлена разработка специфики различных жанров, бытовавших на Тереке, а также разработана методология сравнительно-исторического изучения гребенского песенного фольклора. Научные работы Б.Н. Путилова по праву можно считать основой методологии фольклористики. Б.Н. Путилов, безусловно, внес бесценный вклад в фольлористику как науку о песенном фольклоре гребенцов.

В сентябре 1965 г. под руководством преподавателей Чечено-Ингушского педагогического института В.Г. Чеботаревой и Ю.Г. Агаджанова была организована фольклорная экспедиция «По следам Б. Н. Путилова». Она подтвердила целесообразность повторных записей для выявления изменений локального песенного

репертуара. Состоянию традиционного казачьего фольклора в советский период [*Чеботарева* 1968] и календарной обрядовой поэзии на Тереке [*Чеботарева* 1972] были посвящены статьи В.Г. Чеботаревой.

Продолжение собирания песенного фольклора гребенских казаков было обусловлено реорганизаций ЧИГПИ в Чечено-Ингушский государственный университет и введением в учебный план фольклорной практики, начиная с 1972 г. (руководители А.А. Мальсагов и Е.М. Белецкая). Базовыми станицами стали Старый Щедрин и Старогладковская. За 20 лет фольклорной практики был накоплен значительный песенный архив, большая часть которого осталась в Грозном и сгорела во время военных событий в Чечне в 90-е гг. XX в. Часть экспедиционных материалов 1965–1967 гг. была опубликована в сборнике Ю.Г. Агаджанова «Песни Терека» (1974), а также вместе с более поздними записями – в иллюстрированном издании (художник С.В. Наймушина) сборника «Терек вспышный» (1991–2007).

В 1961 г. начала сбор материалов Терская этнографическая экспедиция МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Л.Б. Заседателевой. Полученные данные касались многих сторон материальной и духовной культуры терского казачества.

В 90-е гг. XX в. наступает новый этап в изучении казачества. Он связан с процессами возрождения, которые охватили не только «титульные» этносы Северного Кавказа, но и этнические старожильческие группы, в том числе терско-гребенское казачество. Именно эти процессы дали мощный толчок историческим и этнографическим исследованиям. Административное нахождение гребенцов в составе Чеченской республики, пережившей две антитеррористические кампании и связанные с этим бедствия, исход населения с исконных земель, до сих пор сказываются на его изучении.

Проблемы формирования местных особенностей в музыкальном фольклоре, специфика регионального традиционного песенного фольклора исследовались в трудах В.М. Щурова и В.А. Лапина [Лапин 1985; Щуров 1987]. Поиску и формулировке специфических для музыкального фольклора проблем исторического изучения посвящены исследования В.А. Лапина. Его работы содержат разработку метода исторического анализа музыкального фольклора во взаимообусловленности социальных и этнических процессов на материале традиций Северо-Запада. Использование последних до-

стижений в области межотраслевого синтеза позволило осуществить опыт создания исторической концепции русского музыкального фольклора.

В последние десятилетия возросло количество научных конференций и публикуемых трудов, связанных с историей и культурой терско-гребенского казачества, расширился круг проблем, начался пересмотр устаревших точек зрения и концепций. Больше внимания стало уделяться вопросам взаимоотношениям казаков с горскими народами; материальной и духовной культуре. Однако специальных работ, посвященных исследованию традиционной культуры гребенских казаков, крайне не достаточно.

В этой связи назрела потребность в воссоздании целостной картины основных элементов духовной культуры гребенцов. Значительным вкладом в исследование фольклора терских и гребенских казаков следует признать многочисленные исследования Е.М. Белецкой, посвященные истории собирательской работы и бытованию фольклора в гребенских станицах. В них обобщаются многолетние наблюдения собирателей, начиная с экспедиционных записей 1965 г. [*Белецкая* 1985; 2000; 2004; 2004а; 2008; 2010 и др.]. В своих публикациях автор исследует поэтический аспект песенного фольклора гребенцов [Белецкая 2004]. В них рассматривается жанровая система фольклора гребенских казаков, художественные особенности казачьих песен, исследуется поэтический аспект песенного фольклора гребенцов.

Анализу традиционного песенного фольклора казаков на Тереке как средства познания картины мира, посвящен труд А.Ф. Григорьева [*Григорьев* 2011], в котором значительно расширено понятие «традиционный песенный фольклор», позволяющее существенно раздвинуть рамки его интерпретации и наполнить новым содержанием культурологические знания, рассматривая его как модель действительности, уровень бытийности, область социокультурного освоения через этнически-самобытное преломление, сферу становления внутримузыкальной смысловыразительности и конструктивности. В монографии А.Ф. Григорьева впервые основательно исследованы пространственно-временные и религиозно-мифологические представления гребенских казаков, системы архетипов и символов, мономифов и ментальных ценностей, что позволило автору реконструировать этническую картину мира гре-

бенцов. Автору удалось осуществить анализ текстов песенного фольклора гребенских казаков, запечатлевших архетипические образы через символизацию окружающего мира и осмысление исторических событий. Это способствовало выявить системы архетипов и символов, образующих схему этнических констант этнической картины мира.

В ходе анализа жанровой ретроспективы песенного фольклора в монографии обоснован теоретический тезис о том, что традиционный песенный фольклор гребенских казаков, созданный в результате многовекового взаимодействия доминирующего славянского суперэтноса с соседствующими этносами горских народов, взаимосвязан со многими культурно-историческими пластами и наиболее целостно запечатлел специфику социокультурного пространства и трансформацию хронотопа гребенских казаков. Убедительно прослеживается трансформация хронотопа в ретроспективе песенных жанров, где наиболее древний по происхождению жанр былины воплотил и сохранил в себе следы архаического средневекового хронотопа, тогда как в исторической песне пространственно-временные представления гребенцов приобретают конкретно-прагматические черты. В качестве этнических констант были определены религиозно-мифологические и пространственно-временные представления, системы мономифов, архетипов, символов и социокультурное пространство, а в качестве ценностных доминант – система ментальных ценностей гребенских казаков в историософии их песенного фольклора, что нашло воплощение в гениальных образцах песенного фольклорного творчества гребенцов.

В 2017 году издана монография А.Ф. Григорьева «Историософия гребенских казаков в этнической картине мира», которая является последовательным развитием основных идей и теоретических положений, сформулированных автором в обоснование концепции этнической картины гребенских казаков. В ходе анализа и обобщения содержания песенного фольклора гребенских казаков выявлена система образной символики, воплощающей символико-метафорическое мировосприятие гребенских казаков и подчеркивающей космогонический уровень их представлений. Интересно и глубоко исследуются птичья, змеиная символика, концепты культурного ландшафта в системе символов. В процессе анализа содержания песенного фольклора гребенских казаков ав-

тором выявлен архетипический образ зла и противодействующей силы, архетипический комплекс любовно-брачной тематики, воплощенный через символику сокола, кукушки, соловья, ласточки, голубя и лебедя и т.д.. Исследуя культурный ландшафт гребенских казаков, включающий концепты рек Терека и Сунжи (его притока), Каспийского моря и Кавказских гор, автор представляет его природно-ландшафтным социокультурным комплексом «гармоничной нерасчлененной взаимосвязи природы с человеком, со свойственной еще архаикоязыческой мифологизацией», который, по убеждению автора, явился стержневой доминантой в формировании этнической картины мира казаков.

А.В. Костина в рецензии на монографию А.Ф. Григорьева отмечает «в процессе анализа песенных текстов автором было доказано, что в результате специфической духовно-практической деятельности этноса, именно традиционный песенный фольклор преобразует мифы в бытийно-реальные события. Выявляя мономифы и систему ментальных ценностей гребенских казаков, автор выделяет концепты героики и свободы, добра и зла, жизни и смерти, чести и славы, любви и разлуки в песенной историософии. Все это, безусловно, дает основание автору назвать мышление казаков принципиально мифологизированным и метафоричным. Через систему символов и архетипов в песенном фольклоре наиболее целостно и концентрированно нашли отражение религиозно-мифологические и пространственно-временные представления» [см. вступ. ст. Костиной к монографии Григорьева 2017].

По нашему убеждению, именно музыкально-поэтическое содержание песенного фольклора обеспечивает целостную интерпретацию генезисных и бытийных структур особого музыкально-поэтического способа познания и освоения этнической картины мира, поскольку песенный фольклор органически пронизывает собой онтологию человеческого мира, многообразие форм человеческой деятельности, тем самым, препятствуя формальному, традиционно-статистическому стремлению втиснуть картину мира в проверенную и «безопасную» ячейку теории художественного видообразования. Выявляя сущность и специфику песенного фольклора, автор значительно расширил границы его познания, что позволило интерпретировать фольклор «средством познания этнической картины мира гребенских казаков» [Григорьев 2011].

Изучение песенных текстов гребенского песенного фольклора было основано на анализе широкой источниковой базы, включая, прежде всего, работу по обработке материалов фольклорных экспедиций по станицам Червленной, Наурской, Калиновской, Шелковской (ЧИАССР), а также станицам Ставропольского края (Зольская, Государственная, Старопавловская, Галюгаевская и др.) [Материалы ФЭЭ 1987].

Масштабные изменения в культуре казаков произошли в пореформенный период. Это было связано с окончанием военных действий на Северном Кавказе, реформами, миграционной политикой правительства. Масса нововведений была принесена на Терек иногородними – орудия труда, образцы фольклора и пр. «Обрусению» казаков способствовало и укрепление на Тереке позиций православной церкви. Традиционные празднества и обряды подвергались всё большему упрощению и уходили в прошлое. Во всех станицах были открыты светские школы. Они способствовали распространению не только знаний, но и новых ценностей, норм поведения. Процесс секуляризации культуры набирал силу. Русский литературный язык постепенно вытеснял местный диалект. Под влиянием городской культуры изменился материал и конструкция жилищ, их внутреннее убранство, блюда и напитки, казачки стали одеваться «по-русски», «по-городскому» и др. Менялись формы досуга. Нивелировка казачьей культуры по общероссийским (затем советским) стандартам в XX в. привела к утрате многих прежних этнокультурных черт.

Проблема исторической памяти, не только письменной (историография), но и устной («историоговорение») [*Матвеев* 2007: 47], обусловленная многими факторами, находит отражение в материалах научных конференций и «круглых столов», в публикуемых исследованиях, статьях и монографиях. Взгляд на историю как на способ самопознания и самоидентификации общества, осознанную память о прошлом, передающуюся по различным каналам ретрансляции [*Репина и др.* 2004: 276; *Репина* 2006: 734], дает возможность нового обращения к традиционному народному творчеству. Фольклорные произведения служат в качестве важного источника для историков, так как место и роль устной истории в последние десятилетия стали более значимыми. Не случайно важными составляющими в изучении исторической картины мира каза-

чества являются опыт и наследие таких научных дисциплин и направлений второй половины XX столетия, как: 1) историческая антропология; 2) литературоведение, фольклористика и этнография; 3) устная история [*Матвеев* 2005: 39].

Сегодня на Ставрополье продолжается активная работа по сохранению не материального фонда культурного наследия терско-гребенского казачества. В последнее десятилетие организована фольклорно-этнографическая работа по сохранению песенного фольклора терского казачества на базе Государственного казачьего ансамбля песни и танца «Ставрополье», при котором создан методический отдел по фольклору и этнографии. Ежегодно методист по фольклору и этнографии Е.В. Толстокорова выезжает в фольклорно-этнографические экспедиции по Ставропольскому краю. По результатам фольклорно-этнографической работы издаются нотные сборники с нотной расшифровкой и аудиоприложением аутентичных записей в живом исполнении носителей. В 2014 году был издан сборник песен терских казаков станицы Лысогорской, в который вошли 57 песен. Фольклорный материал записан, расшифрован и подготовлен к изданию методистом по фольклору и этнографии Государственного казачьего ансамбля песни и танца «Ставрополье», автором-составителем Е.В. Толстокоровой [Толстокорова 2014]. В предисловии предлагается небольшой исторический экскурс формирования казачьей культуры станицы Лысогорской, знакомство с исполнителями песен. Сборник систематизирован по жанрам и включает лироэпические, духовный стих, воинские, свадебные, лирические, бытовые, песни Великой Отечественной войны, снабжен фотографиями станичников и современных исполнителей песен. Песенные тексты передают специфичность местного диалекта. В 2019 году тем же автором был издан песенный сборник с романтичным названием «И туда гора, и сюда гора», в который вошли песни села Александрии Благодарненского района Ставропольского края. Сборник сопровождается историческими сведениями об основании села Александвии, воспоминаниями носителями песенных традиций, фотографиями, описанияем обрядов, нотными расшифрофками и музыковедческими коментариями автора.

В 2019 году издается песенный сборник «Славный, вспышный, быстрый Терек» В.В. Сулаева под редакцией А.А. Козырева. В сборник вошли песни терских казаков, записанных В.В. Сулаевым по ре-

зультатам его фольклорно-этнографической экспедиции по станицам Калиновская Наурского района и Первомайской Грозненского района Чеченской Республкики. Сборник содержит нотные расшифровки песен, историю основания станиц, бытового уклада казаков, музыковедческие коментарии об музыкально-стилевых особенностях песен.

Определенная работа осуществляется и Ставропольским краевым Домом народного художественного творчества по систематизации аудиофондов и изданию песенных сборников.

Работа по сохранению песенного фольклора осуществляется Региональным Фондом традиционной казачьей и славянской культуры Ставрополья «Возрождение». В 2015 году при его поддержке был издан сборник «Песни терских казаков» [Григорьев 2015в], который включал различных по жанру 50 песен, записанных автором в станице Калиновской Чеченской республике еще в 1979 году.

В 2018 году издается 2 выпуск сборника песен терских казаков [Григорьев 2018а], который включает песни, записанные в станице Червленной Чеченской республики собирателем песенного фольклора этнографом А.С. Кабановым у казаков-червленцев Трифона Романовича Миронова, Константина Липатовича Морозова. Сборник сопровождается аудио-приложением с аутентичной записью исполнителей песен по материалам этнографической экспедиции (1967 г.), нотная расшифровка аудиозаписей выполнена Е.В. Толстокоровой. Данный сборник является продолжением сборника «Песни терских казаков. Выпуск 1. Станица Калиновская» и предназначен для исследователей песенного фольклора терских казаков, руководителей творческих коллективов, преподавателей и студентов музыкальных учебных заведений.

Огромное значение в сохранении песенного фольклора приобретают фольклорные фонды по материалам фольклорно-этнографических экспедиций А.Ф. Григорьева, А.С. Кабанова, Ю. Е. Чиркова, Л.А. Якоби, а также изданные аудиодиски терско-гребенского песенного фольклора Ю.Е. Чиркова в исполнении ансамбля «Братина» [Чирков 2003-2009].

Несмотря на многочисленность собранных фольклорных материалов песенного фольклора, сохраняется проблема разрозненности аудиофондов по частным фондам, отсутствие системности в изучении феномена песенного фольклора, его сохранности и до-

ступности. В публикациях А.Ф. Григорьева актуализируется необходимость создания Единого сохранного фонда, обеспечивающего сохранность нематериального Фонда и его доступность с целью возможности его воспроизводства и научного изучения. В научном журнале «Kant» 2017 - № 4 (25) автором опубликована научная статья о необходимости создания Национального электронного депозитария ценностей этнокультуры народов Ставрополья “Возрождение”» как средства и механизма сохранение традиционной культуры народов многонационального Ставрополья [Григорьев 2017в].

Огромное внимание уделяется проблемам сохранения песенного фольклора терско-гребенского казачества, который интерпретируется средством духовно-нравственного воспитания, общероссийской гражданской консолидации, формирования культуры межнационального общения [Григорьев 2014, 2014а, 2014б, 2015, 2015а, 2016, 2017а].

Сохраняет актуальность и научно-практическую значимость проблематика традиционной культуры казачества в различных аспектах, а именно: роль и значение традиционной песенной культуры в сохранении этноса; антропологическая сущность песенного фольклора в формировании национального самосознания, мировоззрения личности, ее духовно-нравственных личностных ценностей, общероссийской гражданской консолидации в контексте поликультурного взаимодействия с народами многонационального Ставрополья и Северного Кавказа.

Анализ литературы в области культурологии и фольклористики показал, что ритуально-обрядовые традиции и песенный фольклор гребенских казаков остаются все еще не достаточно изученными научными областями.

Потребность в возрождении традиционного песенного фольклора особенно актуальна в период возрождения и восстановления культурных традиций, поскольку именно средствами традиционного фольклора наиболее рельефно очерчивается и прослеживается процесс культурно-исторической эволюции народа, его характер, менталитет национальной культуры и преемственность поколений.

В данном контексте фольклорная традиция гребенских казаков, аккумулирующая социально-культурный опыт народа, выступает веским основанием для её изучения и практического использования. Это особенно важно в условиях постепенного стирания

этнокультурных традиций. К сожалению, сегодня все реже стали вспоминать о том, что традиционная культура – это не только память о культурно-исторических ценностях своих предков, но это способ сохранить свою национальную идентичность, самобытность, сохранить свое настоящее и будущее.

1.2. Истоки, генезис песенного фольклора казаков на Тереке

Историко-морфологический ракурс обуславливает более ограниченный, чем предполагает ареальное исследование, отбор описываемых параметров музыкально-фольклорной традиции. Рассматривались те компоненты, которые с наибольшей глубиной и полнотой отражают как самобытность, так и историческую изменчивость картины мира и образно-поэтической системы, состава песенного репертуара и его жанровой дифференциации. В этномузыкологии и фольклористике в контексте изучения регионального, традиционного песенного фольклора, намечена устойчивая тенденция исследования традиционной региональной культуры в тесной взаимосвязи с локальной историей с точки зрения общего исторического процесса.

Без тщательного изучения истории, этногенеза и эволюции этноса, исследование традиционной культуры и, в частности, песенного фольклора его специфических особенностей будет не полным и вряд ли научно обоснованным. Совершенно очевидно, что историческая наука и весь комплекс связанных с ней понятий не просто приложимы к песенному фольклору, но служат своеобразным «гравитационным полем», в котором естественно отражаются его самобытные черты. Поэтому в исследовании истоков зарождения песенного фольклора гребенских казаков нельзя не вспомнить саму историю их появления на гребнях Кавказских гор, а затем на Тереке. Анализ различных исторических источников, систематизация различных гипотез зарождения казачества позволили автору сформулировать концепцию автохтонного происхождения гребенских казаков и выстроить эволюцию их этногенеза в определенном порядке: «гребенское ядро» на Северном Кавказе начало формироваться с X века в процессе тесного взаимодей-

ствия с горскими и тюркскими соседними народами и последующего пребывания славянских групп на Терек из различных древнерусских княжеств и областей: новгородской, рязанской, донской и др. [Григорьев 2011: 180].

Наша трактовка этногенеза гребенского казачества основана на гипотезе эволюционного антропо-полиэтнического процесса многовекового взаимодействия, в котором славянские племена, населявшие территорию Терека и Предкавказья под различными именами с древних времен, в результате многовекового взаимодействия с тюркскими и горскими племенами составили генетическое ядро гребенского казачества [Григорьев 2011: 179]. Из этого следует, что автохтонное происхождение гребенского казачества протекало во взаимодействии славянских племен с различными кочевыми и полукочевыми степными и горскими племенами на исторически традиционных для казачества территориях, а процесс дальнейшего укрепления и оформления казачества в особое военное социокультурное сообщество проходил при тесном взаимодействии с Российским государством [Григорьев 2011: 181].

Генезис песенного фольклора гребенских казаков прошел сложный эволюционный путь, сопровождаясь многовековым полиэтническим взаимодействием славянского, горского и тюркского этносов через социокультурное освоение культурно-ландшафтной среды и национально-самобытное преломление, сферу становления внутримузыкальной смысловыразительности и конструктивности. К сожалению, сохранившиеся песни датируются сравнительно поздним периодом развития традиционного песенного фольклора, и многие песенные жанры представлены в завершающей фазе своего развития, что не позволяет объективно с достоверной научной точностью осуществить генезис песенного фольклора гребенцов, однозначно определив этапы его исторического развития.

Говоря о мировоззренческой компоненте, необходимо напомнить, что гребенцы довольно долго сохраняли и ревностно отстаивали старообрядческие религиозные традиции, унаследованные от языческих верований своих древних предков. Для гребенского старообрядчества был характерен особый тип соединения христианства с традиционными языческими представлениями. Старообрядчество гребенских казаков запечатлело ярковыраженные пласты восточнославянского язычества, которые оказались тесно переплетены и

включены в христианскую обрядность. Н.Н. Великая отмечает «языческие представления об окружающем мире, таким образом, сохранились на Тереке гораздо дольше, чем в Центральной России, поэтому гребенская религиозная система имела ряд особенностей, и ее вполне обоснованно можно рассматривать как один из вариантов народного христианства» [Великая 2000: 16-19]. Гребенские старообрядцы считали себя хранителями древнерусских обычаев и порядков, верными сынами древнехристианской церкви.

Древнерусские новгородские ушкуйники, сплавившись по Волге к устью Терека, принесли с собой и песенные традиции. Одним из древнейших жанров гребенского песенного фольклора являются былины, называемые у казаков «старинами». В древнерусских новгородских былинах об удальце Василии Буслаеве, который верит только в собственную силу и смелость, раскрывается особый мир. Гусляр Садко покоряет своей игрой морского царя. Былинный цикл посвящен князьям Владимиру Красное Солнышко и Владимиру Мономаху, оборонявшим Русь от завоевателей [Соколова 2004: 257-258]. Основная идея былин и древнерусских летописных повестей – освобождение, воплощенная в девизе «вот постой-ка за веру, за отечество». Не случайными образами в былинах являются калики перехожие, которых принято было считать паломниками в Святую землю, поскольку они шли поклоняться Гробу Господню в Иерусалим. Калики не только не противопоставлялись богатырям, но часто сами считались богатырями, поскольку паломничество было традиционной формой искупления грехов и приравнивалось к духовному подвигу [Соколова 2004: 258]. М.В. Соколова, не без основания, указывает на то, что древние славянские сказания, песни, заговоры и прибаутки были близки по своему складу к древней поэзии Вед и Авесты [Соколова 2004: 253-254]. В древне-эпическом жанре былины нашла свое отражение история, запечатлевшая подвиги героев-богатырей из народа, это повествования о русских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче. Сохранились различные предания, не лишенные мифологизации. В репертуаре гребенских казаков сохранились былины, которые, с одной стороны, совпадали с общерусскими сюжетами, а с другой – обладали специфическими чертами [Белецкая 2006: 158]. Хорошо известно, например, предание о старом дубе, который издревле хранил русских казаков и русскую

веру, поскольку по преданиям на дубах находили вросшие в дерево медные кресты. Развивая традиции древнерусской народной поэзии и песенного творчества, гребенское казачество вырабатывало свою песенную традицию и свой своеобразный репертуар. Здесь рождаются уже местные былины «Уж ты, батюшка, быстрой Терек», «Не по морю было по Хвалынскому».

Гребенские казаки так же, как и славяне-язычники, одухотворяли и олицетворяли всю природу. Природа, существующая в пространстве и времени, была населена богами, олицетворяющими не только силы природы, но и человеческие нравственные ценности. Силам природы придавался личностный характер. Почитая своих предков и преклоняясь перед силами природы, человек, обожествляя и одухотворяя их, верил в наличие родственных связей с природными явлениями. В этих представлениях выражалось особое, впоследствии утраченное отношение человека к миру природы. Человек обладал чувством аналогии, родства структуры космоса и своей собственной структуры, что особенно ярко воплотилось в песенном фольклоре гребенцов [Григорьев 2011]. Следы такого древнего архаического мировосприятия, метафоричности мышления, символизации образов наиболее целостно сохранились именно в песенном фольклоре гребенцов, что красноречиво говорит о древнеязыческой первооснове их фольклора.

ГЛАВА 2. По следам фольклорно-этнографических экспедиций

За короткий исторический период казаки смогли выработать свой речевой диалект, собственный характерный певческий стиль и свою самобытную певческую традицию. В различных явлениях быта и культуры терско-гребенского казачества прослеживается глубокая связь с культурой горских народов. Г.Н. Марахтанова в этой связи справедливо замечает, что песенная символика, обнаруживающая общность с символическими образами горских народов, формирует особую эмоциональную окраску песен: часто встречаются образы Терека, гор, ветвистой чинары, вороного коня, седелечка черкасского, черной бурочки, карамзиповой черкесочки, белого башлыка, булатного кинжала и прочее [Марахтанова 2007].

Музыкальный фольклор активно бытовал в среде казаков: пели в горе и в радости, в походах, на привалах, в поле, дома, в беседах, на свадьбах, в гуляньях. Круг жанров музыкального фольклора тесно связан с формами военной и хозяйственной жизни казаков. В циклизации репертуара наиболее значимым является его дифференциация между мужчинами и женщинами. Именно эти половозрастные группы исполнителей сохраняли и поддерживали местную музыкальную традицию. Формы музыкального быта терского казачества неразрывно связаны с двумя социальными институтами жизни: формами войскового быта, когда мужчины находились на службе (т.е. вокальным творчеством мужчин) и формами станичного быта, когда творчество мужчин и женщин объединялось, именно поэтому преобладающая тематика лирических песен - мужская. Песни исполняются разными ансамблевыми составами: однородными, дуэтами мастеров (мужскими) или смешанными [Марахтанова 2007].

Специфика песенного репертуара казачества ярко проявляется в содержании и строении поэтических текстов: бесспорное преобладание «мужской» воинской тематики, эпических образов. Проводы в поход, на войну - особая часть казачьего быта. Провожальные песни начинают военно-бытовой тематический цикл и исполняются, когда казака провожают на службу - на проводах. По характеру провожальные песни весьма разнообразны: мужские и женские, протяжные и частые, сочетающие печаль и бодрость,

трагическое и комическое. Основная сюжетная схема подобных песен обладает потенциальными возможностями к расширению за счет дополнительных образов: если поется о том, что на ракитовом кусту сидит ворон или орел - умирающий обращается к ним с просьбой о поклоне родным, упоминание о ранах молодца дополняет песню обращением к ранам, которое иногда используется в функции зачина.

Вершиной всего музыкального песенного творчества казаков фольклористы считают лирическую песню. По тематике песни их разделяют на мужские и женские. Мужские песни спокойнее, эпичнее, они могут быть даже эмоционально «нейтральными», ведущими повествование от имени третьего лица. Женские лирические - наоборот, эмоциональные, с преобладающими монологовыми формами, а также формами обращений (прямой речи) [Марахтанова 2007].

Военно-бытовая лирика терской песенной традиции выражает социальную психологию терского казачества, а также индивидуально-обобщенные чувства и эмоции, вызванные воинским бытом как у мужчин, так и у женщин. Тексты военно-бытовых песен представляют собой локальные варианты общеказачьих сюжетов. Весь корпус в целом с достаточной полнотой отражает основные ситуации воинского быта казаков.

Наряду с песнями о воинском быте наиболее популярны песни о любви. Серьезность, с которой терцы относятся к любовной лирике, объясняется нравственным аспектом темы, которому придается большое значение в жизненном обиходе казачьей станицы. Отсюда, вероятно, и тяготение к жанру «жестокого романса», поэтический строй и тематика которого широко представлены в песенном репертуаре терцев в конце XIX в.

Жанр необрядовой лирики обширен, разнообразен и сложен. Г.Н. Марахтанова отмечает: «Развиваясь на основе общерусской народной песенности, лирика взяла от общерусской народной песенности отдельные сюжеты, поэтические средства, но историческое развитие ее шло своим путем. Лирические любовные и семейные песни, бытующие на Тереке в настоящее время преимущественно в женском репертуаре, в большей степени, чем остальные жанровые группы, сходны с общерусскими сюжетами» [Марахтанова 2007].

Значительное место в репертуаре казаков занимают частые плясовые песни, составляющие примерно половину всей песенной лирики. Употребление частых песен под танец - общерусское явление, специфическим для казачества является заимствованная у горцев лезгинка.

Музыковеды отмечают специфические для терско-гребенского фольклора особенности - многоголосное коллективное мужское пение [Кабанов; Козырев]. На Тереке распространено также женское коллективное пение и пение в смешанных ансамблях.

Песни станицы Гребенская. Станица Гребенская Шелковского района Чеченской республики расположена на левом берегу реки Терек в 3 километрах к северо-востоку от районного центра станицы Шелковской и в 4 километрах к югу от села Воскресеновское. Основана русскими казаками на месте бывшего ногайского аула Яна-кхала, или Янкхала — Новое укрепление. В наши дни здесь проживают русские, чеченцы, ногайцы, татары. Расположена Юго-восточнее Гребенского моста через Терек, через который проходит автодорога из станицы в дагестанский Хасавюрт.

Песни были записаны в фольклорно-этнографической экспедиции 1979 году у старейших жителей станицы. Носителями песенного фольклора были Докторова Мария Фокова (1903 г.р.), Иванова Евдокия Михайловна (1863 г. р.), Кальченко Александра Трофимовна (1900 г.р.), Пешкова Матрена Гавриловна (1900 г.р.), семейная пара Лиманова А.И. (1897 г.р.) и Лиманов Ф.А. (1894 г.р.), Уманцев А.И. (1900 г.р.).

Служба как источник многих трагедий в личной жизни приносила долгую разлуку, подрывала семейное благополучие. В качестве примера можно привести много песен, проникнутых глубокой горестью, наполненных эмоциональными чувствами жизненной конкретности. Служба, воплотившись в традиционном фольклоре во множестве песенных жанров, можно сказать «проросла» в самосознании казаков. Понимание ее как служение царю нашло отражение в поэтических текстах казачьих песен, относящихся не только с XVI по XVII века, но и к XIX веку. Своеобразно выражено социальное самосознание казаков в известной гребенской песне «Не из тучушки ветерочки они дуют», в основе которой лежит предание о встрече казаков с Иваном Грозным. В обращении каза-

ков к царю вместе с напоминаем о том, что прежде «царь-надежа» дарил-жаловал своих казаков, а теперь «ничем ты нас, гребенских казаченьков, не жалуешь», содержится упрек царю, что он жалует только князей да бояр. В одной из лирических песен описание пространства и время предвосхищает сюжетное повествование о тюремном заточении Ермака Тимофеевича у турецкого султана: «На заре было, на зорюшке,/ На заре было на утренней,/ Со восходу солнца красного / Весь денешенек прекрасного./ Во турецкой дальней стороне,/ Там стояла тюрьма темная./ Во тюрьме все двери медные,/ Подпорочки железные». По замечанию А.С. Кабанова, для протяжных песен характерны: соотношение напева и текста в протяжных песнях обладает своей спецификой, выраженной в словообрывах и повторах слов, внутрислоговых мелодических «разводах», широко распеваемых вставках междометий и восклицаний, длительность одной строфы, что является типичным для протяжной песни [Кабанов].

Ночи темные, тучи грозные
(Докторова Мария Фоковна, 1903 г.р.)

Ночи темные, они тучи грозные,
С по над небесью они, братцы, идут,
Они идут потом же, братцы, маршируют.
Про меж собою говорят:
«Трудно, трудно сердцу воспалиться
Нам чеченски горы взять.
Еще разом спотруднее
Нам под шашки подбежать».
Мы под шашки подбежали,
Закричали все: «Ура! Ура! Ура!
Наша взяла!»
Задрожала вся земля.
Командир наш, братцы, Генералов
На пригорочке стоял,
Три словечка нам сказал:
«Трудно, трудно сердцу воспалиться
Нам чеченски горы взять».

Тучки с громом прогремели
(Докторова Мария Фоковна, 1903 г.р.)

Тучки с громом прогремели,
Три дня кряду дождик шел.
Наши храбрые червленцы
Собиралися в поход.
Наш походный атаман
Речь хорошую сказал:
«Вы казаки молодые,
Вы не бойтеся войны».
Его терцы наказали
И загнали в темный лес.
Под ракитовым кустом
Казак голову склонил,
Он не сам ее склонил,
Турок шашкой зарубил.

Ой Мороз, да, ты Морозонько
(Докторова Мария Фоковна, 1903 г.р.)

Ой, Мороз, да, ты Морозонько.
Мороз храбрый казаченько.
За тобою Мороз-Морозонько
Вся Вкраина плачет.
Да не плачь, да ты не журися.
У казака сердце бьется.
Пойдем с нами, с казаками.
Мы горелочки, братцы, напьемся
У казака сердце бьется.
И за горы, горы за крутые
Храбро войско выступает.
И за горы, горы за крутые
Храбро войско выступает.

Беседа беседушка
(Докторова Мария Фоковна, 1903 г.р.)

Беседа наша смиренная,
Ой, да во беседе сидят люди вольные,
Все люди они хорошие.
Ой, да у них речь-та зашла
Про матушку куменную славную Москву.
Ой, да отчего же это Москва зогоралася?
Загоралася Москва от молодой вдовушки.
Выходила молодая вдова,
Выносила из порохового выходу,
Выносила молодая вдова
Свечу воску ярово.
От того ли Москва загоралася.

Не во матушке, было во Россеюшке
(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г. р.)

Не во матушке, было во Россеюшке,
Было в каменной славной Москве,
Там сидела беседушка почетливая,
Ой, почетливая.
Уж там гостюшки были радомные,
Они поют да гуляют,
Они поют да гуляют, прохлаждаются,
Прохлаждаются промежду собой,
Бояре восхваляются.
Восхволился-та один из них.
Уж он не бедностью своей,
А другой уж он хвалится
Удалью своей.
А третий он хвалится
Богатством своим.
Уж он взял себе молоду жену
Со приданными со великими:
Тридцать два жеребца,
Тридцать два молодца.
Жеребец под жеребцом,
Молодец под молодцом.

Да не пыль-кура

(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

Да не пыль-кура,
Да всю по ветреной пору,
Да что еще пыль-кура,
Да всю по ветренной пору.
Как вторая батарея
В поход идет – 2 раза
Через Терек переправлялись
Здесь на правой стороне
В Махан-Юрте ночевали,
Генерал был Свистунов. – 2 раза
Генерал наш, генерал-да,
Поутру рано вставал, – 2 раза
Поутру рано вставал,
Да, вон по войскам разъезжал. – 2 раза
Вон по войскам разъезжал,
Нас в походы провожал. – 2 раза
У нас пушки нарезные,
Шашки востры, как булат – 2 раза
Мы пойдем на смертный бой,
Где стоял Шамиль с войской (ордой) – 2 раза

Не на горке было, на горе

(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

Не на горке было, на горе,
О, да на зеленой,
Было на траве, ой, да на зеленой
Было на траве.
Ой, там стояла матушка Москва. – 2 раза
И – и – ю – ой, да разоренная она до конца – 2 раза
И – и – ой, вой разорил Москву Платов – генерал – 2 раза
И – а, вот на дорогу с нею плату взял – 2 раза
Ой, зеленого вина с полтора ведра – 2 раза
Э – э – вой, ой три боченочка кремня, да песка – 2 раза
И – эй – а – ой, разорил Москву, сам в поход пошел. – 2 раза
Ой, за собою все войска повел. – 2 раза

Не во матушке белокаменной Москве

(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

Не во матушке белокаменной Москве,
Было во Россеюшке.
Гребенской казак на часах стоит,
На часах стоит, как свеча горит.
Как свеча горит, сам слезьми плачет.
«Подуйте-ка ветры буйные,
Разнесите землю с царской могилушки,
Оторвите гробовую доску,
Подымите вы царя белого,
Царя белого, Петра Первого.
Ты встань-ка наш православный царь,
Посмотри ты, на свою армеюшку.
Она стоит-та не по первому, не по-прежнему.»

Про чечена Шамиля

(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

Двадцать третьего апреля
На рассвете белого дня, – 2 раза
Как споем мы, братцы, песню
Про чечена Шамиля. – 2 раза
Шамиль чечен и всех тавлин
Ой собирал со всех гор,
Все чечены и все тавлины
Собирались со всех гор.

Ты неволюшка моя

(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

Ты неволюшка моя,
Проневолила предобра молодца. – 2 раза
Распроклятая кавказска земелюшка – 2 раза
Тут ишел – прошел полка гребенской казак – 2 раза
Попереди едет молодой майор. – 2 раза
Майор едет, да он восхваляется, – 2 раза
Почему-ж ты, конь, спотыкаешься? – 2 раза
Или сбруя на тебе чижелая? – 2 раза
Или надоела тебе царска службушка. – 2 раза

На зоре было, на зорюшке
(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

На зоре было, на зорюшке,
На заре было на утренней,
С восходу солнца красного
Весь денешенек прекрасного.
Во турецкой дальней стороне,
Там стояла тюрьма темная.
Во тюрьме все две медные,
Подпорочки железные,
А замочек тридцать три пуда,
А ключики двадцать два пуда.
Во темнице сидел добрый молодец.
Он не год, он не два сидел,
Посидел он традцать три года.
Отпусти он свою бородушку
Ниже пояса шелковово,
Русы кудри по могучие плечи.
Ты, Ермак Тимофеевич,
Ты, султан, ты султанушка,
Ты, султанское величество,
Ты напой, накорми меня,
Отпусти меня, на волюшку,
Напишу я на белой грамоте,
Соберу я всех казаченек,
А тебя, султан, на высылку пошлю.

Не на реченьке было, на Камышенке
(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

Не на реченьке было, на Камышенке.
Собиралися, съезжалися люди вольные,
Люди вольные, беспаспортные.
Атаманом у них был Ермак Тимофеевич.
Вот он речи говорит, как в трубу трубит:
«Вы послушайте, ребятушки,
Что я буду говорить вам.

Проходит у нас летушко теплое,
Наступает зимушка холодная,
Где мы будем эту зимушку зимовать?
На Яик – город пойдем, будем зимовать.»

Не из тучушки ветерочки дуют
(Иванова Евдокия Михайловна, 1863 г.р.)

Не из тучушки ветерочки дуют.
Ой, из дубравушки во поле шумят,
Ой, из дубравушки во поле шумят.
Чую, сизы орлы в поле они вьются
Ой, по над небесьем орлы летучи.
Ой, по над небесьем орлы летучи.
Чую, серые гусюшки они гогочут.
Ой, по над бережком гуси сидючи.
И – ий - да – е, ой под над бережком гуси сидючи.
Как восплакают да ведь вот наши каза…
вот казаченьки
Перед белым царем стоючи, да-е
Ой, перед белым царем стоючи.
Уж ты, батюшка, ты наш царь, дорогой, да-ой,
Ой православный ты наш государь, ды-о
Православный ты наш государь.
Ты всех дарил, да всех жаловал,
Ой, ты всех дарил, да всех жаловал,
А теперича ты, наш царь, ты надежа.
Ой, ты ничем нас не пожаловал, да-ой,
Ой, ты нас ничем не пожаловал.

Не из тучушки ветерочки дуют
(Пешкова Матрена Гавриловна, 1900 г.р.)

А не из тучушки они ветерочки дуют,
Вой, не с дубравушки во поле шумят,
Что не сизые орлы, они в поле вьются,
Вой да, по над бережком гуси сидючи.
Как расплакалися вот наши казаченьки
Вот перед грозным царем стоючи.

И да вой, перед грозным царем стоючи.
И да – вой, уж, ты батюшка, ты наш царь
Вот православный ты наш государь,
Вой, православный ты наш государь,
Как бывалыча ты наш, царь вот надежда
Много дарил, князей жаловал.
А теперича ты наш, царь, вой надежда,
Вой ты ничем нас не пожалуешь?
- Я, пожалую вас, гребенские казаченьки,
Вой, быстрым Тереком со протоками,
И-и-вой, быстрым Тереком
Все с протоками.

Не из тучушки ветерочки дуют
(Кальченко Александра Трофимовна, 1900 г.р.)

Не из тучушки ветерочки дуют,
Ой, не с дубравушки во поле шумя…. Э-вой,
Ой, не с дубравушки во поле шумят.
Что не серые гусюшки гогочут
Ой, по над бережком гуси сидючи…. Э-ой,
Ой, по над бережком гуси сидючи.
Что не сизые орлы в поле вьются,
Ой, по над небесьем орлы летучи… ий-ой.
Ой, по над небесьем орлы летучи.
То расплакались гребенские казаченьки,
Ой, перед грозным царем стоючи… и-ой.
Ой, перед грозным царем стоючи.
Уж ты царь, царь ты наш батюшка,
Ой, православный ты наш госуда… э-вой,
Ой, православный ты наш государь.
Как бывалыча ты наш царь-надежа.
Ой, много дарил нас, много жалова… э-ой,
Ой, много дарил нас, много жаловал.
А теперича ты наш царь, вот надежда,
Ой, никого ж ты из нас не пожа… э-ой,
Ой, никого ж ты из нас не пожавал.
Только дарил ты, только жалывал,
Ой, быстрым Тереком со протокамы… и-ой,
Ой, быстрым Тереком со протоками.

Ой, на горе жнецы, жито жнуть

(Кальченко Александра Трофимовна, 1900 г.р.)

Ой, на горе жнецы, жито жнуть,
А по пид горою ярым далыною казаки идуть.
Попереди Дорошенко ведэ свое вийско,
Вийско запорожско, хорошенько.
Эй долыною, гей широкою хорошенько,
А позади Сагайдачный,
Шо променяв жинку тютюнь, за люльку
неудачно-необачный.
Эй долыною, гей широкою неудачно.
Мени, мени с жинкою не возиця,
А тютюнь, да мольку казаку в дорозе пригодиця.
Гей долыною, гей широкою пригодиця.
Кто там, кто там в лесе отзовися,
Да выкресим огня, да закурим люльку, не журися,
Гей долыною, гей широкою не журися.

Беседа-беседушка

(Пешкова Матрена Гавриловна, 1900 г.р.)

Беседа-беседушка,
Ой, да во беседе-то сидят,
Сидят люди вольные.
Все люди они хорошие,
Вой да у них речь-то зашла
Во этой беседушке
Про матушку камену славну Москву,
Каменну славную Москву.
Вой да отчего же она,
Эта камена Москва,
Она только загорелася, загорелася.
Ой да загорелася она, ета камена Москва
Не от ветру, не от бу… ой, не от буеру
Не от ветру не от буеру (буря).
Вой да загорелася она,
Ета каменная Москва,
Вот от молодой вдовушки.

Вот да выходила лишь она,
Молодая вдовушка
Да она из права выходу,
Из права выходу.
Ой, да выносила лишь она,
Молодая вдовушка,
Она воску ярову,
Ой, воску ярову свечу,
Воску ярову, ой, воску ярову свечу.
Вой да уронила лишь она, молодая вдовушка,
Только огню-искорку,
Одну искорку.
От да, от того да
Каменная Москва,
Она только загорелася.

Вечер поздний непогодний
(Лиманова А.И., 1897 г.р., Лиманов Ф.А., 1894 г.р.)

Вечер поздний непогодний,
По ущельям среди скал
Ветерок веял холодный,
Шел дождь со снегом пополам.
Той дорожкой проезжали
На полк братцы-казаки.
Бурки черные мелькали
И белелись башлычки.
Вдруг догнал казак с приказом,
Вон догнал и передал,
Чтоб в морозу сотню разом
Шиштопинский полк собрал.
Мы собрались перед светом,
Не прошла ночная тьма
Только с вечеру с рассветом
Наш полковник Маломат.

На заре было, на зореньке

(Лиманова А.И., 1897 г.р., Лиманов Ф.А., 1894 г.р.)

На заре было, на зореньке,
На заре было на утренней.
Ой, на заре было на зореньке,
На заре было на утренней.
Выкаталось солнце ясное
Весь денешунек прекрасное.
На турецкой дальней стороне,
За султанскими воротами,
Там стояла темная темница.
В той темнице двери медныя,
Все запорочки железные,
А ключики тридцать шесть фунтов,
А замочки в полтора пуда.
Там сидел он, добрый молодец,
Что Ермак он Тимофеевич.
Опустил свою бородушку
Ниже пояса шелкового,
Русы кудри по могучим плечам.
- Ты, султан-паша, султанушка,
Ты, султанская величества,
Не позволь меня кормить, поить,
А позволь меня на волю выпустить.
Напишу я на Дону грамоту,
Соберу я всех казаченков,
Соберу я все казачия полки,
Всю я Турцию порежу,
А тебя, я, Султан, в плен возьму.
Ты султан-паша, султанушка.

Воссияет свет

(Уманцев А.И., 1900 г.р.)

Есть воссияет свет государений,
Россия стала в славе жить.
Нет битвы, нет того, чтоб в родстве.
А что же нам, о чем тужить.
Живем, работаем, трудимся.

И помним клятву, что велит,
Скажи-ка, царь, одно лишь слово,
А ну-ка, братцы, казаки,
И мы, казачество, готовы
Содвинуть в бой свои полки.
И с пешим строем мы поладим,
Лошадкам скажем - ну ложись.
Врагов стрельбою позабавим,
На лошадь – вмиг, и с шашкой мчись,
Враги пусть смотрят, где деваться,
Им ускользнуть пришла пора.
Врагам живым не оставаться.
Мы прогремим везде: ура!

Полно нам, братцы, журица
(Уманцев А.И., 1900 г.р.)

Полно, полно нам, братцы, журица,
Полно думать, унывать.
Е-ее-е, не пора ли нам, братцы, веселиться,
С горя песню, братцы, запоем.
Запоем мы, братцы, с горя песню
Про казачее житье.
Е-ее-е, как служили наши отцы,
Е-ее-е, за Аргуном, за рекою.
Государь к нам, братцы, приезжал,
Да спасибо нам, братцы, сказал.
- Послужите, да вы, мои дети,
Как служили да ваши отцы.
Хорошо было, братцы, в отряде.
Ой, Крюковский был впереди,
Ой, Крюковский слезно, братцы, заплакал,
Нам словесно рассказал:
«Ой, помолитесь да вы, дети, богу,
Бог над нами навсегда.
Ой, да над нами, братцы, над слугами».
Во круты горы да мы проходили,
Ой, в атаковке стояли.
Много горя приняли.

Пыль клубится по дороге
(Уманцев А.И., 1900 г.р).

Пыль клубится по дороге
Темной длинной полосой,
А в Червленной по дороге
Скачет полк, полк удалой.
Скачет, мчится, словно буря,
К Гудермесу прискакал,
Где Кази-мулла с ордою
Восемь тысяч его ждал.
Полк не дрогнул,
Шашки вынул
И помчался в бой с ордой.
Орда бежит, а мы за нею.
От большого страху,
Говорят, Шамиль со страху
Рвал свою папаху.

Как на реченьке было на Камышинке
(в исполнении фольклорного ансамбля)

Как на реченьке было, братцы,
Было на Камышинке.
Собиралися, соезжалися
Они люди вольныя.
Они люди вольныя, собиралися,
Они беспачпортные.
Э-э-эй, атаманом был у нас, братцы,
Ермак, да он Тимофеевич,
Атаманом был у нас, братцы,
Ермак, да он Тимофеевич.
Да он речи говорил, Ермак,
Ровно во трубу, да он трубил,
Да он речи говорил, Ермак,
Да он ровно как в трубу, он трубил:
«Вы послушайте, ребятушки,
Толечко подумайте.

Вы послушайте, ребятушки,
Да-ей, толечко подумайте.
Эй, ни меня ли, да Ермака
Толечко послушайте.
Ей, ни меня ли Ермака
Толечко послушайте».

Не орел под облаками
(в исполнении фольклорной группы)

Не орел под облаками
Высоко летает.
Там стандарт над казаками
Гордо, гордо развевает.
С ним казак несокрушимый
Бури не боится.
Он привык неутомимый
По сте… по степям носиться.
Головы он не преклоняет,
Конь его ретиво
С седоком как, вихрь, летает,
Разве… развевает гривой.
С седоком, как вихрь, летает,
Разве… развевает гривой.
Нипочем ему мороз трескучий,
Нипочем бураны.
Что ему песок сыпучий,
Или… или ураганы.
Слышим песню роковую,
Он зовет нас к бою
За народ и Русь святую
Ляжем, ляжем головою.

Песни станицы Старогладковская. Станица Старогладковская Шелковского района Чеченской республики была образована в 1725. В 1711—1712 годах происходит переселение гребенских казаков с правого на левый берег Терека [Караулов 2002: 299.], формируется Гребенское казачье войско. К тому же времени (1711 год) относятся

упоминания о станице Гладковской. Станица Новогладковская была образована в 1740 году, тогда как станица Старогладковская основана в 1725 (по не которым данным 1735 году). Новогладковская - входила в Гребенской казачий полк Кавказского линейного казачьего войска. В 1841 году станица перенесена на 1—2 версты от берега Терека, входила в Кизлярский отдел Терской области.

В старинной Новогладковской станице жили отдельными слободами приверженцы старой веры гребенские казаки и переселенцы-малороссияне православного вероисповедания. Рядом с ними - казанские татары-мусульмане из бывших дезертиров русской армии, женатые на чеченках и сами очеченившиеся за годы и десятилетия, проведенные в горных аулах. Их не только простили после капитуляции Шамиля, но и поверстали в казаки. [https://www.perunica.ru/folk/6731-oy-orel-ty-orel-2009.html].

Песни записывались в фольклорно-этнографической экспедиции 1979 года у носителей песенной традиции: Кожакиной Правковьи Маркияновны (1911 г.р.), Мотова А.В. (1911 г.р.), Верховода П.А. (1904 г.р.), Малогриценко Р.П. (1911 г.р.), Кубиневой М.А. (1904 г.р.). Они исполняли песни «Ой, да во святой Руси», «Ночи темные, тучи грозные», «Под белой березкой», «Что не пыть – кура курится».

Ой, да во святой Руси

Е-е-е-ой, да во святой та Руси,
Было в каменной Москве,
Было в каменной то ли Москве.

Е-е-вой, да на часах казак стоял,
Крепко призадумавши,
Крепко призадумавши.

Е-е-ей, призадумался, сказал,
Слезно призаплакавши,
Слезно призаплакавши.

Е-е-вой, та в правой руке,
Держал шашку вострую,
Держал шашку вострую.

Е-е-та, в левой руке,
Держал строевое ружье,
Держал строевое ружье.

Как ударил казак,
Во мать, во сырую землю,
Во мать, во сырую землю.

Е-е-вой, да ты развались,
Да ты мать, сыра земля,
Да ты мать, сыра земля.

Е-е-е-вой, да ты раскались,
Да ты разойдись, гробовая доска.
Да ты, гробовая доска.

Е-е-вой, да ты восстань,
Да ты поднимись, да родна матушка,
Да ты родна матушка.

Е-е-е-вой, Ты родна матушка,
Душа Катеринушка,
Душа Катеринушка.

Е-е-вой, да как без тебя,
Родна мать,
У нас жизнь похужела, да служба потяжелела.

Ночи темные, тучи грозные

Ночи темные,
Они тучи грозные,
По над небесьем плывут.
Вой, да наши кизлярцы,
Вой, наши кизлярцы,
Вой, да тихим маршицем идут,
Идут, ой, да братцы маршируют.
Е-ей ой, да меж собою говорят.

Они идут братцы маршируют,
Промеж собою говорят:
«Ой, да трудно, трудно сердцу воспалиться,
Да нам Кавказские горы взять,
Еще разом, разом потрудиться,
Нам под шашки подбежать».
Ой да мы под шашки, братцы, подбежали
Закричали все «Ура!»

Под белой березкой

Под белой березкой, где стояли казачьи белые палаты,
Ой, белые палаты, гребенские казаки.
Все потлели, погорели казачьи квартиры,
Один, один остался зеленый садочек.
Во зеленом садочке груша садовая,
Груша, груша садовая, девка молодая.
Девка с молодцем ходила, она речи говорила,
Она речи говорила, за глаза корила.
Ты, да …..(сукин) сын, господин полковник,
Распустил свою Россию,
По всей моей Польше, по всей старой Польше.

Что не пыль – кура курится

Что не пыль – кура,
Ой да, братцы все курится,
Что ни зимнею порой,
По линеюшке, братцы, по Кавказу,
Ой, да, братцы, по Кавказу,
Наш то отряд идет.
А у нас сотенный, братцы, командирик,
Храбрый и-и-ой,
На вороном коне,
Он поближе к нам,
Ой да, братцы, подъезжал,
Ой, да три словечка нам сказал:
«Берегитеся, ой, да вы тавлинцы,
Наш-то отряд скоро придет,
Поразносют ой, вас да, тавлинцев,

Ой, да вас, тавлинцев,
Как орел серых гусей.
Как орел серых гусей.
Да порубят вас,
Ой, да вас тавлинцев,
Как ребяток малых детей».

Песни станицы Червленная. Станица Червленная Шелковского района Чеченской республики одна из древнейших, образованных гребенскими казаками. Тексты песен были восстановлены по семейным архивам Алешечкина Ивана Васильевича, Миронова Трифона Романовича, Морозова Константина Липатьевича и Самсонкиной Евдокии Михайловны. По содержанию преобладают песни военной тематики - походные, строевые, исторические. По архивным записям восстановлены протяжные песни: «Не во матушке было во Россеюшке» и «Не из тучушки ветерочки дуют». В песенном репертуаре казаков значительное место занимают народные баллады, хотя точного отдельного осознания исполнителями этот жанр не получил. Певцы объединяют их иногда с историческими песнями, а чаще - с лирикой. Тематика основного цикла баллад тесно связана со станичным бытом и отражает все перепития военно-полевой службы: проводов на воискую службу, печальное возвращение казака с войны домой, где его никто не ждет; горькие вести о смерти родных, об измене жены; смерть вдали от родины, встреч казаков после долгих боевых походов. По мнению исполнителей, в основе сюжетных линий таких баллад лежат реальные исторические факты. Вместе с тем, наличие яркого эмоционально-лирического наполнения баллад способствует ослаблению в них черт эпического жанра.

Вдруг ударил гром из тучи
(восстановлено по семейным архивам
Алешечкина Ивана Васильевича, 1870 г.р.)

Вдруг ударил гром из тучи,
Три дня сряду туман был,
А когда мы наступали,
Генерал Крюковский был,
А когда мы наступали

Генерал Крюковский был.
Генерал наш знаменитый,
Во всей армией один,
Это орденами грудь покрыл,
Он отдает такой приказ:
«Друзья, вы стройтеся в колонны,
А батарея в армию разъединую,
Развернем мы царские знамены,
Ой, все по-русскому пойдем».
А Кавказские горы
Раздраблены встают степенно.
В тишине Сунжа змеем,
Она извевалась вдоль,
По большой и злой Чечне,
Всем злодеям постолкнули.
Ой, с подзавалов,
Как шутов, половину порубили,
Остальных забрали в плен.

Честь и слава гребенцам
(восстановлено по семейным архивам
Алешечкина Ивана Васильевича, 1870 г.р.)

В пятницу утром рано,
С ними общий был парад.
Из станицы выступали,
Пули сыпались, как град.
Там чеченцы собирались,
Думу думали, как быть,
Всеми силами старались,
Как бы с лагерю нас сбить.
А мы русским своим сердцем,
Не уважили [их там].
Споем песню про чеченцев,
Честь и слава гребенцам.

По синим волнам в окияне
(восстановлено по семейным архивам
Алешечкина Ивана Васильевича, 1870 г.р.)

По синим волнам в окияне,
Где звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
Чугунные пушки гремят,
Есть остров на том окияне,
Пустынный и мрачный гранит.

На острове том есть могила,
А в ней император зарыт,
Зарыт он без почести, брани,
Врагами в сыпучий песок.

Лежит на нем камень чажолый,
Чтоб встать он из гроба не мог.
И в час его грустной кончины
Налет совершается в год.

К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает,
Из гробу тогда император,
Очнувшись, является вдруг.

На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.
Идет он к рулю и садится
И быстро пущается в путь.

По берегу тихими шагами
Он смело и прямо идет.
Соратников громко он кличет
И маршала грозно зовет.

Зовет он любимого сына
И все ему царство сдает.
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

Пыль клюбится по дороге
(восстановлено по семейным архивам
Алешечкина Ивана Васильевича, 1870 г.р.)

Пыль клубится по дороге
Темной длинной полосой.
Там в Червленной по дороге
Скачет полк наш Гребенской. – 2 раза

Скачет, скачет, точно буря,
Близко к лесу подскакал,
Где Казы-мулла с ордою
Десять тысяч войску ждал. – 2 раза

Полк не дрогнул, увидавши
Таку силу пред собой,
Шашки вынул и помчался
На бой смертный с той ордой. – 2 раза

Орда вздрогнула и бежала,
Мы помчалися за ней,
Но ждала нас там засада
И отважных всех людей. – 2 раза

Ту засаду мы разбили
И шли дальше все вперед.
Но не знали, что в овраге
Нас другая битва ждет. – 2раза

Собиралися чеченцы
Все отважные бойцы.
Вот от них же пострадали
Тогда наши гребенцы. – 2 раза

Храбрый Волженский полковник
Первый врезался в орду.
И с полком уже метался
Точно будто бы в цвету. – 2 раза

Здесь открылся бой отважный,
Где забыли мы жену,
Где забыли матерей,
Сестер, братьев и отцов.

Только помнили одно мы,
- Славу дедов гребенцов.
Полк клубился, насмерть бился
С тем бесчисленным врагом.

Враг от страху отступил,
Путь открыл перед полком.
Враги думали, что можно
Нас в могилу всех сложить.

Ищо больше беспокоить
Вот мы стали уже их.
Здесь Волженского убили,
Полк не дрогнул, пошел смело.
Искать путь себе начал,
Перебравшись через Терек,
По станицам разошлись.
В Червленном встретили убитых,
Там сказали матерям,
Кто веселой, кто слезою,
А мать с сыном обнялись.
Мы привыкли видеть жертву,
Для любимого царя.
Там солдаты нам кричали,
Честь и слава вам, Ура!
Ура, славному Кавказу!
Еще славному царю!

Не во матушке было во Россеюшке
(восстановлено по семейным архивам
Миронова Трифона Романовича)

Не во матушке было, было во Россеюшке,
Во Россеюшке в каменной белой Москве.
Да молодой казак уж он на часах стоит,
Да на часах да он слезно плачет.
Ой, да это он стоит, как свеча горит,
Во слезах младец-соловечушка молвил.
Ты наш, батюшка, православный царь,
Вы подуйте-ка ветры буйные,
Разнесите царскую могилешку,
Оторвите гробовую доску,
Отверните золоту парчу.
Ты восстань-ка, православный царь,
Посмотри, говорит, на свою армеюшку.
Что стоит она не по-первому, не по-прежнему,
Что седые-то головы, они поострижены,
А седые бороды они поострижены.

Не во матушке было во Россеюшке
(восстановлено по семейным архивам
Миронова Трифона Романовича
и Морозова Константина Липатьевича)

Не во матушке было во Россеюшке,
Во Россеюшке было, во каменной белой Москве.
Там сидела пербеседушка почетная,
Что честная хвальная,
Хвальная больше радостная.
Они пьют-то бояре, прохлаждаются,
Про меж собою бояре восхваляются.
Как один-то из них
Он не хвалится, улыбается.
Да зачем же вы, бояре, чем хвалитесь,
Да зачем же вы, бояре, величаетесь.
- «Да не кто бы из вас,
Какой город взял?

- Да кто бы лишь из вас
Какой город взял?
- Да кто бы лишь из вас
Какую силу отомял?»
Отомял бы Чечну, ее неверную,
А зажал бы ее во дикую степь.

Не во матушке было во Россеюшке
(восстановлено по семейным архивам
Самсонкиной Евдокии Михайловны, 1884 г.р.)

Не во матушке было во Россеюшке,
Во Россеюшке было, во каменной славной Москве.
Там сидела беседа вся почетная,
Что честная хвальная, больше радостная.
Они пьют-то, гуляют ,прохлаждаются,
Про между собой бояре восхваляются.
Как один-то из них не хвалится,
Не хвалится, улыбается.
Глупые вы, бояре,
Чем вы хвалитесь,
«Но а кто же из вас
Какую силу взял?»

У прусского короля
(восстановлено по семейным архивам
Миронова Трифона Романовича)

У прусского короля
Чужа сила, не своя.
То Прусской король дарил,
Сам не властен ею был.
У Прусского короля
Чужа сила, не своя.
Вся наемная сорокатысячная.
Что Прутской король дарил,
Сам не властен ею был.

Не из тучушки ветерочки дуют
(восстановлено по семейным архивам
Миронова Трифона Романовича)

Не из тучушки ветерочки дуют,
Не дубравушка во поле шумит,
Что не сизые орлы в поле вьются,
По над бережком гуси сидючи.
Тут расплакались молоды наши казаченьки,
Перед грозным царем стоючи:
«Ты наш, батюшка,
Ты наш, православный царь.
Не дозволь ты нас карить-вешать,
Дозволь нам речи говорить.
Как бывалыча, ты наш царь-надежда,
Много даривал, князей жаловал,
А теперь, ты наш царь надежда,
Не пожаловал из нас никого.
- «Подарю я вас мои казаченьки
Рекой большою быстрым Тереком,
Как от самого гребня мои казаченьки,
Вплодь до синя моря Хвалынского».

Песни станицы Шелковская. Станица Шелковская является также одной из старинных поселений казаков. В Шелковской долгое время отдельно друг от друга жили гребенские казаки и казаки из Грузии. Тексты песен были записаны у старожил станицы Савченко Павла Михайловича (1903 г.р.) и Лучаниновой Анны Алексеевны (1905 г.р.). Большая часть текстов восстановлена по рукописным записям Петрова Тимофея Андреевича (1876 г.р.). Преобладают разножанровые песни военной тематики, походные, строевые, исторические, протяжные. В песнях описываются различные исторические события: о битве под Полтавой со шведами, с турками за Дунаем, в песнях нашли отражение события на Кавказе, прославляются казачьи атаманы, вся жизнь казаков сопряжена и связана с войной и походами. Историческая протяжная песня «Не из тучушки ветерочки дуют» считается «гимном» терского казачества, повествует о том, как Иван Грозный подарил терским

казакам реку Терек с притоками. Казачьи исторические песни - скорее лирико-эпические или лирические песни. Им чужды хроникальность, стремление к точной передаче фактов. Они эмоциональнее песен центральных и северных областей России. Эмоциональность достигается при помощи обширного использования эпитетов, образных сравнений, красочных определений, уменьшительных суффиксов, многочисленных повторов. В исторических песнях терского казачества нет "нейтральных" повествований, главные действующие лица - сами казаки (коллективный образ): наши казаченъки, наш полк, вторая батарея, мы, кизлярцы, мы; часто поется о молодом казаке, об атаманушке.

Ночи темные, тучи грозные
(Савченко Павел Михайлович, 1903 г.р.)

Ночи темные, тучи грозные
По над небесом плывут.
Наши храбрые, да наши кизлярцы
Тихим маршем идут.
Они идут братцы, маршируют,
Промеж собою говорят:
«Трудно, трудно сердцу воспалиться
Наши Кавказские горы взять,
Ой, да еще раз, братцы, потруднее
Нам под шашки подбежать».
Мы под шашки разом подбежали,
Закричали все: «Ура!»

Ой, да во святой Руси
(Савченко Павел Михайлович, 1903 г.р.)

Ой, да во святой толи Руси, было во каменной Москве.
Ой, ей вот на часах казак стоючи,
Крепко призадумавшись, сильно призаплакавшись.
Во правой-то ли руке держал боевое ружье,
Во левой-то руке держал шашку вострую.
Как ударил казак во мать, да во сыру землю:
«Да оступись, да разойдись, мать, сырая земля,

Ты откройсь, да разойдись, да ты, гробовая доска.
Ой, да, ты устань, подивись,
Да ты наша лебедушка, душа Катеринушка.
Без тебя, да ты наша мать, у нас жизнь похужела,
служба потяжельчала».

Не из тучушки ветерочки дуют
(Лучанинова Анна Алексеевна, 1905 г.р.)

Не из тучушки в поле ветерочки дуют,
Ой, с дубравушки во поле шумят.

Да не серые орлы в поле они вьются,
Ой, по над небесью орлы летучи.

Да, не сизые гулюшки они гагочут,
Ой, по над бережком гуси сидючи.

Как расплакались наши млады казаченьки
Перед грозным царем стоючи:

«Ох ты, батюшка, ты наш царь, да надежы,
Много князей дарил, жаловал.

А теперича, ты наш царь, да надежа,
Ой, никого ты из нас не пожаловал.

Только жаловал, ты наш царь, да надежа,
Быстрым Тереком да с притоками».

Пыль клубится по дороге
(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. -
восстановлено по рукописным записям)

Пыль клубится по дороге
Темной длиной полосой.
Там в Червленной по тревоге
Скачет полк наш Гребенской. – 2 раза

Скачет, скачет точно буря.
Близко к лесу подскакал.
Где Казы-мулла с ордою
Десять тусячу он ждал. – 2 раза

Полк не дрогнул,
Увидавши таку силу пред собой.
Шашки вынул и помчался
На бой смертный с той ордой. – 2 раза

Рда вздрогнула и бежала,
Мы помчалися за ней,
Но не знали, что в овраге
Нас другая битва ждет. – 2 раза

Справа, слева заходили
Удалые гребенцы.
Храбрый Волженский полковник
Кричал: «Браво! Молодцы!» - 2 раза

Все рубились, насмерть бились
Удалые гребенцы.
Вот тогда-то пострадали
Наши славны молодцы. - 2 раза.

Было дело под Полтавой

(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. - восстановлено по рукописным записям)

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья.
Мы дрались тогда со шведом
По знаменами Петра. - 2 раза

Наш могучий император,
Память вечная нму,
Сам командовал полками
И как сокол он летал. - 2 раза

Сам ружьем солдатским правил,
Сам он пушки заряжал.
Бой кипел, герой Полтавы,
Наш державный великан. - 2 раза

Вдруг злодейка-пуля шляпу
Прострелила скрозь на нем.
Знать, что шведы промахнулись,
Император усидел. – 2 раза

Вдруг, еще злодейка-пуля,
В седло лошади впилась,
Но, ударясь отскочила,
С визгом прочь и без вреда. – 2 раза

Император не смутился,
Взор, как молния, блистал.
Лишь вздрогнувши от удара,
Конь быстрее поскакал. – 2 раза

Но как раз и третья пуля
Повстречалася с Петром,
Прямо в грудь она летела
В сердце сильного царя. – 2 раза

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья.
Много шведов, много русских
Там в сражении легло. – 2 раза

Был тот день для нас великим,
Смерть легла вкруг царя.
Но хранил господь для русских
Императора Петра. – 2 раза

Ой, русский белый царь желает
(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. - восстановлено по рукописным записям)

Ой, русский белый царь желает
Гордых турок наказать.
Избрал брата Николая
За Дунаем побывать.

«Сотни, тысячи вручаю, -
Сказал брату: - Управляй!
Возьми сына Николая,
Зайди злых турок покарать».

Наши двинули все силы,
Знать и турок не видать.
«Все обозы вседа за нами», -
Он сказал. И вот Дунай.

Вот теперь мы за Дунаем,
В руках правая страна.
Мы злых турок не боимся
Мы кричим везде «Ура!»

Вы, кизлярцы-молодцы
(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. - восстановлено по рукописным записям)

Вы, кизлярцы-молодцы,
Вспомним, как было недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно.

За Аргуном, за рекой,
В стороне чеченской.
Мы надвинулись на строй
В светлый день крещенский.

Как и первый день хорош,
А второй - был еще краше.
На чеченцев страх нашел,
Дрогнули сердцами.

Князь Баратинский нас вел,
Крюковский был с нами.
Батареи, ордена
Взяты грудью нашей.

Вдруг схватил Шамиль свою винтовку,
Князю в грудь наставил,
Пуль четыре Шамиль отпустил,
Не попал, отставил.

Как он с пятого, братцы, удару
На сырую землю князь пал,
Как заплакали казаки,
Зарыдали вольны все.

С богом, терцы, не робейте

(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. - восстановлено по рукописным записям)

С богом да, терцы, не робейте,
Смело в бой пойдем, друзья!
Бейте вы, да не жалея,
Басурмане нам враги. – 2 раза

Там, вдалече, за Байкалом
Много русских пошагали,
Покоряя вражьи страны,
Гордых турок побеждать. – 2 раза

День двенадцатый апреля
Будем помнить мы всегда
Как отец наш царь державный
Брата к нам подвел тогда. – 2 раза

Вот теперь мы за Дунаем,
В русских правая страна,
Мы злых турок не боимся,
Мы кричим везде «Ура!» - 2 раза

Ты помнишь, как славно пировали
(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. -
восстановлено по рукописным записям)

Ты помнишь ли, как славно пировали,
В годины прежни прусаки?
Когда французы поражали
В морозы русские штыки. – 2 раза

Ты помнишь ли, как славно за Байкалом
В годину прошлу прусаки?
Мы не шутили с басурманом,
Европу мы запобедим. - 2 раза

Орел двуглавый был в Париже,
Париж был в лавре, помнишь ли?

Ну-те, русские казаки
(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. –
восстановлено по рукописным записям)

Ну-те русские казаки, станем немцев колотить,
Ну-те русские казаки, станем немцев колотить.
Наши немцы трусоваты: нам за них не отвечать, - 2раза
Не боимся мы французов: завсегда мы впереди, - 2 раза
Если б батюшка Кутузов, допустил бы скоро нас, - 2 раза
Разбили б мы эту сволочь, расщелкали б все полки, - 2 раза
Нам не надо ихней помочь, на что эти прусаки, - 2 раза
По полдюжины на брата за собою волоки,
По полдюжины на брата за собою волоки.

Утром рано

(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. – восстановлено по рукописным записям)

В пятницу утром рано,
С ними общий был парад,
Из станицы выступали,
Пули сыпались, как град.

Там чеченцы собирались,
Думу думали, как быть.
Всеми силами старались
Как бы с лагерю нас сбить.

А мы русским своим сердцем
Не уважим подлецов,
Споем песню про чеченцев,
Честь и слава гребенцам.

Дремучий вал

Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. - восстановлено по рукописным записям.

В реки бежит дремучий вал.
В горах безмолвие ночное.
Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.

Казак устал и задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак, во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

Казак, утонешь ты в реке
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой.

Чеченец ходит за рекой,
Спешите, русские девицы,
Спешите, милые, домой,
Чеченец ходит за рекой.

Между серыми камнями

(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. – восстановлено по рукописным записям)

Между серыми камнями,
По ущельям среди скал,
Серебристыми камнями,
Буйный Терек протекал. – 2 раза

Начиная у Казбека,
На вершине среди скал,
Он уж больше чем три века
Поит терских казаков. – 2 раза

Заповедали нам деды,
Сберегать славу и честь,
А за славу и победу
Своей жизни не жалеть. – 2 раза

И споенный ледяною
Чистой терской водой,
Казак сердцем и душою
Любит Терек свой родной. – 2 раза

Как на реченьке было на Камышинке

(Петров Тимофей Андреевич, 1876 г.р. – восстановлено по рукописным записям)

Как на реченьке было, братцы,
Было на Камышинке,
Собиралися, соезжалися
Ани люди вольныя.
Люди вольные соезжалися,
Они беспачпортные.
И все донские, гребенские казаки,
Они беспачпортные,
И все донские, гребенские казаки,
И они все ли не яицкие,
Все донские, гребенские казаки,
Они все беспачпортные.

И атаманом был у нас, братцы,
Ермак, та он Тимофеевич.
Уж он речи говорил,
Как он во трубу трубил.
Уж он речи говорил,
Как он во трубу трубил.
Вы послушайте, ребятушки,
Вы подумайте, вы подумайте.
Еще, ребятушки,
Да вы послушайте Ермака,
Братцы, эй да Тимофеевича,
Да вы только послушайте.

Песни станицы Старый Щедрин. Станица Старый Щедрин Шелковского района основана в 1567—1569 годах и считается одним из древнейших поселений Кавказа. Песни были записаны у казачек Бадиной Натальи Георгиевны, 1910 г.р., Павловой М.К., 1904 г.р. и Широковой А.Ф., 1901 г.р. В песнях повествуется история о жизни казачьей, полной горести и лишений. Преобладает военная тематика, это в основном песни протяжного повествовательного философско-бытийного склада о военной службе, предчувствии смерти, проводах, встречах и сложных перепитиях в казачьем быте. Соотношение напева и текста в терских протяжных песнях обладает своей спецификой, выраженной в словообрывах и повторах слов, внутрислоговых мелодических «разводах», широко распеваемых вставках междометий и восклицаний. Эти распевы достаточно продолжительны, что является типичным для протяжной песни.

Исторические песни также достаточно популярны в репертуаре казаков станицы. Они эмоциональнее песен центральных и северных областей России. Эмоциональность достигается при помощи обширного использования эпитетов, образных сравнений, красочных определений, уменьшительных суффиксов, многочисленных повторов. Бытование песен тесно связано с общинной жизнью станицы - работой, улицей, гуляньями. Улица - то место, где складывали и пели песни, осенью и зимой водили хороводы. В них принимали участие и холостые, и женатые: молодые парни и девушки, женщины и мужчины. У казачества существовали оба вида обряда колядования, известных у славян: колядовали как под окнами, так и в домах. Под Рождество ходили со сделанной из цветной бумаги звездой с пением рождественских тропаря и кондака на церковно-славянском языке. Ши-

роко отмечали, наряду с престольными праздниками в станицах отмечалась на свой лад и масленица.

Он на белом коне
(Бадина Наталья Георгиевна, 1910 г.р.)

Он на белом на коне,
Грудь сияет в серебре,
По бокам пистолеты стальные.
«Я оставил жену на проклятую орду,
С голубыми очами, как небо.
Сам пойду на войну,
На проклятую орду.
Бить слепых дикарей, жечь аулы».

На часах казак стоял
(Бадина Наталья Георгиевна, 1910 г.р.)

На часах казак стоял,
На часах казак стоял, да,
Уж он слезно плакал.
Вы подуйте-ка, да уж ветры буйные,
Ветры буйные, привольные.
Вы подуйте-ка, да разнесите-ка,
Да царскую моги…
И-и-и да могилушку.
И востань-ка, ой да и востань-ка
Ты наш, правосла….
Православный царь.
И взглянь-ка, и взглянь-ка,
На свою арме… на армеюшку,
На армеюшку, да на свою гвардеюшку.
Эй! На гвардейскаю.
Как стоит та ли она,
Да, она не по-прежнему,
Ай, не по-преж…ай, не по-прежнему.
Усы, борода у них все побритыя,
Вы побри… все побритыя.
Буйны головы да у них все побритыя –
Ай, все побритыя.

Вы, туманушки, подымитеся
(Бадина Наталья Георгиевна, 1910 г.р.)

Вы, туманушки, ишо подымитеся,
Ай, да выше леса темного, а-а-а-а-а-а-а, леса темного да.
Ой, да ишо выше морюшка, ай, да моря синего,
Да, ишо выше садичка, ай, да сад зеленого, сад зеленого.
Да ишо мне малым та ли спалося,
Во сне много виделось, во сне много виделось.
Да ишо будто я то
Лежу та во дикой степи, во дикой степи, да,
Во Крумской земле да, во Крумской земле.
Будто я лежу да, ишо и головушка моя да
Прочь отрубленная, да, прочь отрубленная, да.
Ишо скрость те ребрушек моих да,
Скрость те части их, скрость те части их та ишо,
Прорастала ли трава, да,
Трава шелковая, да, трава шелковая, да.
Ишо расцветали ли цветы да, цветики лазоревые.

На часах казак стоял
(Павлова М.К., 1904 г.р.)

Не во городе было, во Саратове.
Во Саратове было, да во Астрахани.
Тут явился, появился незнакомый человек,
Незнакомый, незнакомый,
Удалой, добрый молодец.
Он по городу – по Астрахани похаживает,
Он козловые сапожки
На босу ногу носил,
А шелковенький бешметик
На растяжечку носил.
Уж он штабам-офицерам
Почтения не давал.
А Астраханскому губернатору
И не кланялся.
Как заметил его губернатор

Со дворца, его молодца
Ой, как ведут его, молодца,
К губернатору на глаза.
Ой, как стал губернатор
Все расспрашивать его:
«Ты откуда, молодец,
И роду-племени ты чей?»
«Я со младушки, со Волги,
Сеньки Разина я сын».

Загоралася Москва
(Павлова М.К., 1904 г.р.)

Не дорогая наша пива пьяная,
Э-ей, ой да дорогая наша пербеседушка,
Беседа наша смиренная,
Вой, все смиренная, беседа смиренная.
И-ой, ва беседе-та сидят люди добрые все,
Люди хорошие, ой, все хорошие.
А-вой, у них речь-то ли зашла
Ва, етой беседушке,
Про матушку каменну Москву.
Вой, отчего же ли она
Ета каменная Москва,
Она только загорелася,
Вой, загорелася Москва,
Загорелася Москва.
Вой, да не от ветру ли она,
Было ли не от ветру толь.
Вой, солнышка красного
Солнца красного, солнца красного.
Вой, да загорелася она,
От молодой вдовушки она,
От горькой сиротушки,
Вой, все сиротушки.
Ой, да выходила ли она,
Молодая вдовушка
За пороховые выходы,
Вой, все за выходы, все за выходы.

Вой, да выносила ли она,
Молодая вдовушка,
Свечу воску ярову,
Вой, воску ярову свечу,
Воску ярову свечу.
Вой, уронила ли она,
Молодая вдовушка,
Она только огню искорку,
Вой, огню искорку,
Только огню искорку.
Вой, оттого же ли она,
Ета каменна Москва,
Яна только загорялася,
Вой, загорялася Москва,
Загорялася Москва,
От молодой вдовушки,
От горькой сиротушки
Все сиротушки.

Загоралася Москва
(Широкова А.Ф., 1901 г.р.)

Не дорогая пива пьяная вой, да дорогая ли
Наша, наша пербеседушка, беседа наша смиренная,
Вой все смиренная, беседа смиренная, и-э-а сидят
Ой, да во беседе ли сидят, сидят люди добрые,
Все люди они хорошия, ой все хорошия.
Все люди хорошия, и-э-а.
Ой, да у них речь, речь зашла во этой беседушке
Про матушку каменну Москву,
Ой каменну Москву, каменну Москву.
И-э-а, ой да отчего ли почему ета каменна Москва загорелася,
Ой, загорелася Москва, загорелася Москва,
Она не от ветру, ни было.
Было не от вихорю, не от солнца было красного,
Солнца красного.
Ой, да загорелася Москва от молодой вдовушки,
От бедной сиротинушки.

Ой, да выходила ли она да бедная,
За пороховые выхода.
Ой, да выносила ли она на бедная вдовушка,
Она только свечу ярового воску,
Воску ярового свечу.
Ой, да уронила ли она, молодая вдовушка,
Она только одну искору ой, огня искору,
Ой, да искору.
И оттого ли каменна Москва,
Она только загорелася, ой, да загорелася Москва.

Про панского короля
(Павлова М.К., 1904 г.р.)

Да мы сядем, да ребятушки,
Да мы сядем, господа,
Споем песню про себя,
Да про панского короля.
У панского короля
Чужа сила, не своя,
Да половина нанята,
Да золотой казны,
Сорокотысячная,
Полутысячная.
В чистом поле при долине,
Во зеленом во лугу,
Полковничек при полку
Да курил трубку табаку.
Вон не для того курил,
Чтобы пьяному быть,
А чтобы смело поступить.
Поступай, моя дивизия,
Я с правого крыла
Со восточной стороны.
Они начали палить,
Всему голову ломить,
Всему голову разломить,
Чудо-сердце не разломить.

Сидела беседушка
(Широкова А.Ф., 1901 г.р.)

Тут сидела честна хвалена беседушка,
Тут сидели бояре восхвалялися, восхвалялися.
Про между собой бояре восхвалялися,
Как один так хвалился он удалостью своей,
Он удалостью своей,
А другой он хвалился, он богачеством своим,
Он богачеством своим.
Как на третий хвалился божьей милостью,
Божьей милостью.
Да нашли же бояре, чем восхвалятися,
Да нашли же бояре, чем восхвалятися,
Да нашли же бояре, чем величаетися, величаетися.
Ей, не я ли с темрками ну Москву прошел,
Вот не я ли с темрками зелену-Москву прошел,
Вот не я ли силу неверную взял,
Силу неверную взял и замел-то ее во чисту поле,
Как замел-то ее во чисту полю, во чисту полю.
Как косил-то я, их буйны головы долой,
Насажал та я их на единое копье,
Как поднес та я их Петру Первому.
Петру Первому девушку, на диковинку,
Ему на диковинку, на диковинку.

Как поехал наш хан во Россеюшку
(Широкова А.Ф., 1901 г.р.)

Как у нас было братцы в Вывылусушках,
Было во калмыцких.
Собиралися люди вольные, люди вольные.
Темиргорцы-собаки вместе с бесерменами.
Они думушку думали, они думали,
Вот крепкую думушку, ее заединую,
Во которую мы, братцы, во сторонушку,
На удар пойдем, мы ударимся,
Братцы, в Вывылусушках,
Братцы во калмыцкие.

Ито в ту пору его молодого хана
В доме не случилося.
Как поехал наш хан во Россеюшку,
Во мать каменну Москву.
Молодая ханша крепко испужалася,
Она о двух конь ушла, она полюшку шла
И другую шла, а на третьей становилася.
Как дошла она до Невы-реки
Кричит да зыпчит своим тонким голосом,
Своим княжецким:
- «Уж вы воины, мои воины, молодые гребенские казаки,
Да на кто же у вас перевод держит,
Из вас перевозчиком?
Переправьте меня, молодую ханшу
На свою сторонушку.
За работу вам заплачу, дам на пятьсот рублей,
Если мало покажете, дам с руки золотой перстень,
Если мало будет, дам все и тысячу».

Бой шестого под Брест Литовский
(Широкова А.Ф., 1901 г.р.)

Бой шестого под Брест Литовский,
Полк за лето будет там.
Там дрался наш полк удалый
С гордым немцем глаз на глаз.
Там дрался наш полк удалый,
Командир Донсков был с нами,
Командир Донсков был с нами,
Указал полку на цель,
Указал полку на цель.
С правой шла шестая сотня,
С нею сын Донсков ишел.
Не под силу тут кизлярцам,
Взять канаву аршин пять.
Под Казбером конь споткнулся.
Конь бежал без седока.

Командир Донсков свалился,
Видно рана нелегка.
Из окопов дождь свинцовый,
Осыпал со всех сторон.

Песни станицы Каргалинская. Станица Каргалинская Шелковского района основана в 1735—1736 годах, одновременно со станицами Бороздиновской и Дубовской. В данных станицах было размещено Терско-Семейное казачье войско, составленное из донских казаков, переселённых на реку Сулак, в крепость Святого Креста, Петром I во время Персидского похода 1722—1723 годов. В 1735 году был заключён Гянджинский договор между Россией и Персией, по которому граница Российской империи отодвигалась на Терек, а крепость Святого Креста должна быть срыта. Таким образом, донцы из крепости были поселены тремя станицами на берегу Терека, ниже гребенских станиц по течению реки. Каргалинская считалась одним из центров старообрядчества на Тереке. Первоначально станица располагалась на правом берегу реки Терек. Но из-за частых подтоплений была перенесена на левый берег.

Песни были записаны у носителей песенной традиции Даргобет Степаниды Петровны, Фомина Ермолая Иосифовича, Бирбасовой Анастасии Федотовны и восстановлены по записям Василихина Авсея Артемовича, 1885 г.р. Песни, записанные в станице в основном протяжные повествовательного характера, они песекликаются и по названию и по содержанию с известными на Тереке: «Как на реченьке было на Камышенке» - об атамане Ермаке; «Вечер поздний непогодний» - историческая о пленении турок; «Шумел горел пожар московский» - о поражении Наполеона под Москвой; «Что ни пыль кура» - о генерале Крюковском и другие. Но все они распевались в своих вариантах распева и текста.

Казаки почитали праздники и одним из самых ярких праздников весенне-летнего периода, отмечаемый казаками-старообрядцами, на Тереке была Троица и последующий Духов День. Строили троицкий корабль, вили венки, пускали их на воду. Существенным отличием от общерусского троицкого обряда являлось почитание на Тереке в качестве основного троицкого дерева - дуба или груши, а не березы, как на большей части русской территории.

Как на реченьке было на Камышинке

(Василихин Авсей Артемович, 1885 г.р. - восстановлено по записям)

Как на реченьке было братцы,
Было на Камышинке,
И собиралися, э-эх соежалися,
Они люди вольные.

Э-эх атаманом был у них, братцы,
Ермак, да он Тимофеевич.
Э-э-эх, уж он речи говорил, братцы,
Ровно как в трубу он трубил.

«Э-эх, вы послушайте, ребятушки,
Да вы все подумайте,
Не меня же да казака Ермака
Да вы все послушайте.

Э-э-эх да как проходит
У нас, ребятушки,
Лето у нас теплое.
Э-эй, наступает у нас, ребятушки,
Зимушка она холодная.
Э-э-эх, да и где же нам
Казаченькам эту зиму
Зимовать мы будем.

Вечер поздний непогодный

(Василихин Авсей Артемович, 1885 г.р. - восстановлено по записям)

Вечер поздний непогодний,
По ущельям и скалам
Ветерок веял холодный,
Шел дождь с снегом попалам.

Там по бережкам холмистым
Путь дорожка пролегла,
По холмистым каменистым,
Извивалася, вела.

Той дорожкой проезжали,
На бой братский казаки,
Бурки черные мелькали,
И белелись башлыки.

Вдруг догнал казак с приказом,
Он догнал и передал,
Чтоб Морозов сотню разом
Шерстобицкий полк собрал.

Он собрал нас перед светом,
Не прошла ночная тьма.
Встретил с ласковым приветом
Наш полковник Малома.

Он поздравил нас с войною,
И тот час же
Переправил за собою
Да весь полк в турецкий край.

Все турки беспечно спали,
Им не снилось про войну,
А проснувшись, все узнали
Да очутилися в плену.

Наш полковник - славный воин,
С них оружье посымал,
Маломах же их, злодеев,
Как баранов в плен погнал.

Шумел горел пожар московский
(Даргобет Степанида Петровна)

Шумел, горел пожар московский,
И дым стелился по реке.
А стенах вдали кремлевский
Стоял он в сером сюртуке.

Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.
Зачем я шел к тебе, Россия?
Европу всю держал в руках.

Теперь поникши головою,
Стою на крепостных стенах.
Войска, все созванные мною,
Погибли все среди снегов.

Погибли, кости их потлели,
Без погребенья и гробов.

Что ни пыль кура
(Фомин Ермолай Иосифович)

Что ни пыль, та кура, та курою,
Да нам с подветренной порою. – 2 раза

Как вторая наша сотня,
В поход скоро пойдет. – 2 раза

Через Терек переправлялись
На ту правую сторону. – 2 раза

В Алхан-Юрте ночевали,
Генерал Крюковский был. - 2 раза

Вон по пушкам разъезжал,
Да речь хорошую нам сказал. - 2 раза

«У нас пушки нарезные,
Шашки острые, как булат. - 2 раза

Полетим мы на смертный бой,
Да где дрался Шамиль с ордой. – 2 раза

Да показались нам значки,
Да как дерутся казачки». – 2 раза

От чего Москва загоралася
(Бирбасова Анастасия Федотовна)

Ой, да отчего, та почему,
Эта каменна Москва
Да только загоралася?
Загоралася она от младой вдовушки.

Ищо выходила она, молодая вдовушка,
Выносила она, молодая вдовушка,
Воску ярогу свечу,
Воску ярогу, ой да уронила она.

Молодая вдовушка
Она огню-искору.
Вот отчего-то и почему
Каменна Москва загоралася.

Песни станицы Калиновская. Точная дата основания Калиновской неизвестна, первое упоминание о станице датируется 1771 годом, когда была образована Азово-Моздокская укреплённая линия. Станица считалась одним из главных центров старообрядчества на Тереке. Административно станица относится к Наурскому району Чеченской республики.

Песни были записаны в фольклорно-этнографической экспедиции 1978 года у носителей песенной традиции: Дикова Григория Тихоновича, 1899 г.р.; Диковой Анны Григорьевны, 1902 г.р.; Ефтеева Федора Ивановича, Горина Ивана Зиновьевича 1877 г.р.; Соломатиной Евдокии Михайловны, 1929 г.р. и в исполнении фольклорного ансамбля ДК станицы Калиновской. В исполнении носителей традиции были записаны старинные исторические песни «Как поехал Александр», походные «С Малки, Терека, Кубани», протяжные и другие жанры. Много песен лирических, плясовых, лезгинок было записано в исполнении фольклорной группы.

Глубокой грусти полны песни, в которых повествуется о событиях, происходящих в станице в отсутствие казака, а также песни о возвращении казаков со службы. Особенно эмоциональны песни, посвященные теме гибели казака, богато разработанной в

гребенской поэзии вообще. В качестве примера можно привести одну из песен - «Тихий Дунай», в которой повествуется о гибели казака, не успевшего свидеться со своей «красной девицей»: «Тихий Дунай, Тихий Дунай к бережечку клонит/ Молодой казак, молодой казак полковничка просит/ «Полковничек молоденький, отпусти до дому,/ Может девица красная скучилась за мною»./ «Я бы рад бы отпустити, но ты долго будешь./ Ты напейся воды холодной, про нее забудешь»./ «Пил я воду холодную, пил не напивался,/ Любил девицу, любил красную, тай не навлюблялся»./ Умер казак, умер казак, осталась Надежда,/ Остался конь вороный, золотая сбруя./ Сбрую мою золотую вы отдайте брату./ Коня моего вороного ведите за мною./ Тело несут, коня ведут, конь голову клонит./ За нем девица, за нем красная слезы на землю ронит». В походной строевой песне «По дороге пыль клубится» передаются настроения, связанные со встречей казаков станичниками: «Пыль клубится по дороге,/ Слышны выстрелы порой./ Из набега удалого/ Едут сунженцы домой,…/ Жены, старцы и девицы,/ Все навстречу к ним идут./ Градом сыплются вопросы/ Из толпы со всех сторон:/ Где же муж мой, где сыночек,/ Где же братец мой родной./ Все казаки веселятся/ И спешат под кров родной,/ Среди милого семейства/ Встретить радость и покой».

Характерной особенностью песенного фольклора казаков является и то, что одна и та же тема может получить серьезное и шутливое, трагическое и комическое, веселое и грустное музыкально-поэтическое воплощение, в зависимости от того, в каком жанровом «ключе» будет идти такое разрешение. Яркое тому подтверждение - песни о «службе» веселого, иронического характера, мотивы удальства, оптимистического взгляда на службу и поход: «С Малки, Терека, Кубани / Довелось собраться нам,/ Чтобы дали басурманы / Честь и место казакам./ Видно турки в старом деле / Заартачились не впрок./ Позабыть уже успели / Прежде заданный урок. / Лезут с грозною замашкой, / Иль пойдем навстречу им./ За казачьей острой шашкой/ Туркам память подновим./ Для начала ради скуки/ Мы потешимся слегка./ Пусть себе баши-бузуки/ Распознают казака./ Перед всем крещенным миром/ Пусть же век поется нам,/ «Честь и слава казакам». В песне повествуется о доблести и лихости казачьей.

Достаточно популярны песни о молодце, умирающем в чистом поле и посылающем с конем прощальный привет домой; о молодце, перед которым во сне проходит видение смерти. В одной из песен «Черный ворон» воплощен образ погибающего казака, который просит ворона передать родным о своей гибели: «Полети-ка, черный ворон, к отцу, к матери родной./ Расскажи там, черный ворон, что за Родину я пал./ Отнеси платок кровавый милой девице моей,/ Да скажи там на свободе, что женился на другой./ Я женился, перевенчался в чистом поле под кустом./ Востра шашка была свашка, штык казенный был дружком». Обширный раздел казачьего песенного фольклора посвящен любовной тематике, где любовная лирика богато разработана по глубине чувств и эмоциональной насыщенности. Главным образом это поэзия женская, передающая различные проявления и жизненные вариации любви, которые передают сюжетные тексты и эмоциональные настроения, через весь цикл любовной лирики проходит тема сильного, искреннего чувства, способного выдержать все жизненные испытания. В одной из таких лирических песен - «Люблю я казаченька» - повествуется о побывке казака в гостях у молодой казачки, которая уговорила казака заночевать, но вовремя его не разбудила. В другой популярной на Тереке песне - «Загоралась во дворе калина» обыгрывается тема любви к замужней женщине, казак выражает сожаление, что он женат «Знал бы, знал бы, во век не женился», и желание заслужить чина офицера, чтобы взять в жены «майорскую дочку».

В станице Калиновской много песен записано лирического жанра. В лирической песне «Скрылось солнце за оконцем» передаются чувства любви в форме диалога девушки и парня: «Скрылось солнце за оконцем/ Во зеленый сад./ Пригласила парня девка/ В садик, в садик погулять.// … Постелила белу простынь,/ Положила парня спать./ Сама села край постели, Зажурилася.//Не журися, девчинонька,/ Ты ж будешь моей,/ Есть у меня бонька пива,/ Ватрута вина.// Есть у меня конь вороный,/ Буйна голова./ Есть у меня, девченонька,/ чернобровая».

Кроме мотивов радостного, торжествующего и удовлетворенного чувства гребенская поэзия любовной песенной лирики включает чувства глубокого сопереживания, связанных с гибе-

лью казака, разлукой, тема любви и могилы проходят рядом в трагическом единстве, поскольку зачастую несчастная любовь неизбежно вызывает у девушки мысль о смерти. Любовь, изображаемая в песне, неизбежно соединяясь с сомнениями и отчаянием, обычно трагична. В одной из песен - «Солнце скрылось за горою» - переданы чувства девушки, которой «велят про милого забыть»: «Солнце скрылось за горою, стоит казачка у ворот./ И в дальний путь глядит с тоскою, и слезы льются из очей./ О чем казачка слезно плачешь, о чем голубушка грустишь./ «Одна беда всему виною – велят про милого забыть»…,/ но я его же не забуду, он сам на родину придет…./ В живых меня он не застанет, к моей могилке подойдет».

В лезгинке «Посажу я калинушку» очень ярко демонстрируется любовь казака к своему коню вороному, который передает «поклон верный», присланным от милого своей «девице-красавице». Параллельно любовно-лирического сюжетного повествования в песне-лезгинке происходит любование снаряжением коня, демонстрирующего в то же время самодостаточность гребенского казака: «Коня, коня вороного,/ Сиделице ново./ Под сиделицей попона/ Зеленого шелку./…Шелку, шелку, полушелку,/ Гребенского полку./» Казак, обращаясь к своей девице-красавице, просит: «Ты девица-красавица,/ Душа мое сердце./ Поведи-ка мово коня/ Во синее море./… Ты напой-ка мово коня,/ На камушке стоя./… Чтобы коник мой напился,/ Ковер не мочился».

Тематика любовной лирики включает также откровенно эротический подтекст. Так, например, в шутливой, лирической песне «В островах охотник» повествуется о том, как «Поехал охотник на тихие воды, / где птицы летают при ясной погоде…. /, а встретил спящую «красавицу на мягкой траве». В песне передается восторг казака от встречи с красавицей: «Груди ее белы закрыты цветами, / Щеки ее алы залиты слезами» и выражено отношение: «Волков мы видали, лисиц мы стреляли, / А таких красавиц – нигде не встречали../ Ах, ты злодей, что ж ты начудил-начудил, / Двадцать лет хранилася, а ты нарушил».

Очень популярны у казаков были плясовые песни лезгиночного метроритма, которые подчеркивают взаимовлияние казаков и горцев. К таким песням можно отнести: «Полно вам,

снежочки», «Все кумушки пьют», «Люблю я казаченьку», «Расти, расти калинушка», «Офицерик молодой» и другие. Взаимовлияние культур сказалось не только на песенном, но и на танцевальном творчестве живущих рядом народов: к русским танцам казаков прибавилась лезгинка, исполняемая под заливистый свист, выкрики «асса», под звонкие удары в медный таз. Казаки также переняли у горцев и стиль одежды [Марахтанова: 2007]. Мужская казачья песня «Полно вам снежочки на талой земле лежать» демонстрирует связи плясовых и протяжных песен терских казаков. Неторопливый темп исполнения песни органично сочетается с наурским складом многоголосия.

Плясовая песня «Все кумушки пьют» заимствована из женского репертуара, что проявляется и в складе многоголосия, и в звуковом объеме напева.

Как поехал Александр
(Диков Григорий Тихонович, 1899 г.р.,
Дикова Анна Григорьевна, 1902 г.р.)

Как поехал Александр наш
Свою армию смотреть. – 2 раза

Обещался Александр наш
К Рождеству домой прибыть. – 2 раза

Все празднички на походе,
Александра дома нет. – 2 раза

Пойду, выйду на ту башню,
Наш курьер бежит. – 2 раза

Распрошу я у курьера
Про Александра, про царя. - 2 раза

Александр наш император
В Таганроге жизнь скончал. – 2 раза

С Малки, Терека, Кубани

(Диков Григорий Тихонович, 1899 г.р.,
Дикова Анна Григорьевна, 1902 г.р.)

С Малки, Терека, Кубани
Довелось собраться нам,
Чтобы дали басурманы
Честь и место казакам.

Видно турки в старом деле
Заартачились не впрок.
Позабыть уже успели
Прежде заданный урок.

Лезут с грозною замашкой,
Иль пойдем навстречу им.
За казачьей острой шашкой
Туркам память подновим.

Для начала ради скуки
Мы потешимся слегка.
Пусть себе баши-бузуки
Распознают казака.

Перед всем крещенным миром
Пусть же век поется нам,
Честь и слава командирам,
Честь и слава казакам.

Не орел под облаками

(Диков Григорий Тихонович, 1899 г.р.,
Дикова Анна Григорьевна, 1902 г.р.)

Не орел под облаками
Высоко летает,
То штандарт над облаками
Гордо развевает. – 2 раза

С ним казак несокрушимый
Бури не боится.
Он привык неутомимо
По степям носиться. – 2 раза

Головы не преклоняет,
Конь его ретивый,
С седаком, как вихрь, летает,
Развивая гривой. – 2 раза

Точно пулей роковою,
Давши свист протяжный,
Мчится в бой с степной ордою
Наш казак отважный. – 2 раза

Наш казак не верит в горе,
Удаль в нем сызмалу,
Что ему в колено море,
Русь давно узнала. – 2 раза

Нипочем мороз трескучий,
Нипочем бураны,
Что ему песок сыпучий
Или ураганы. - 2 раза

И теперь коль клич военный
Чуть лишь разнесется,
Вмиг казак наш неизменный
Сердцем встрепенется. – 2 раза

Песнь услыша удалую,
Он взорвется к бою.
(За царя и власть святую)
За народ и власть Советов
Ляжет головою. - 2 раза

Ой на горе женцы жнуть
(Ефтеев Федор Иванович)

Ой, на горе та женцы жнуть.
Ой, на горе та женцы жнуть.
А по пид горою, по пид зеленою
Казаки идуть, казаки идуть.

Попереди Дорошенко,
Попереди Дорошенко
Веде свое войско, славно запорожско,
Хорошенько, хорошенько.

Посереди пан харунжий,
Посереди пан харунжий,
Пид ним коныченька, пид ним вороненький,
Сильно дужий, сильно дужий.

А позади Сагайдашний,
А позади Сагайдашний,
Шо променяв жинку, на тютюнь на люльку –
Необашний.

Гей, вернися, Сагайдашний
Гей, верныся, Сагайдачный,
Визьми свою жинку,
Виддай мине люльку.

Мени с жинкою не возиться,
Мени с жинкою не возиться,
А тютюнь та люлька, казаку в дорози
Зподобиться, зподобиться.

Гей, кто в лиси – отзовыся,
Гей, кто в лиси – отзовыся.
Та выкрошим вогню, та запалим люльку
Нежурыся, нежурыся.

Собирал Шамиль орду

(Горин Иван Зиновьевич, 1877 г.р.)

В пятьдесят первом году
Собирал Шамиль орду.
Как набрал, набрал милицию
И скакал на смертный бой.

Братцы, лето наступает,
Будто новая луна,
Шамиль чеченцев собирает,
Хочет двинуться на нас.

А мы с русским своим сердцем
Не уважим подлеца.
Три дня сряду в нас палили,
Пули сыпались, как град.

На троицу утром рано
У нас общий был парад.
Весь отряд наш персламался,
Мы не знали, что такой.

Мы там лагерем стояли,
Где чеченский был приют.
Мы там крепость утвердили
И назвали Алхан-Юрт.

Вечерняя звезда

(Горин Иван Зиновьевич, 1877 г.р.)

Ой, да не вечерняя звезда,
Ой, да просвяти-ка ты, просвяти
Мне младцу штаб-квартирушку.
Как у нас-то в полку
Случилася несчастье.
Генерал-то Слепцов
Лежит он крепко раненый.

Да ты встань, да ты поднимись,
Петр да ты наш Алексеевич,
Посмотри ты на армеюшку,
Хорошо ли войска построены,
Петр ты наш Александрович.

Что ни черный ворон
(Горин Иван Зиновьевич, 1877 г.р.)

Ой, что ни черный ворон
Вьется надо мной.
Там тавлинцы идут
В черных бурочках,
Строят свой завал.
Они строются, укрепляют нас,
Кизлярцев ждут.
Горе будет вам, тавлинцы,
Когда кизлярцы придут,
Поразгонят вас враз, тавлинцы,
Как орел гусей,
Порубят вас как малых детей.

Ой, кизлярцы-гребенцы
(Горин Иван Зиновьевич, 1877 г.р.)

Хорошо было в отряде, Крюковский был с нами.
Крюковский слезно плакал:
«Уж вы, братцы, да вы, мои братцы,
Ой, кизлярцы-гребенцы,
Не покиньте вы мое тело
На поруки подлецам.
Ой, в могилу меня положите,
Закопайте вы меня,
На могилу положите
Большой камень мраморный.
Вы на камне напишите,
Что скончался Крюковский.»

Круты горы

(Горин Иван Зиновьевич, 1877 г.р.)

Круты горы проходили,
Мы под Грозный подходили.
Сами с собой говорят,
Как бы Грозный взять.
Ни дадим такой промашки,
Просто бросимся на шашки.
Берем, берем, берем,
Прямо бросимся в огонь.
Отдаем такой приказ,
Чтобы кончить в один раз.
Вы идите в дело смело,
Князь Балуев был у нас.

Что ни ворон

(Соломатина Евдокия Михайловна, 1929 г.р.)

Что ни ворон, ни крылатый,
Чует солнечный восток.
Тросоватые казаки,
Собиралися в поход.
По линейке, по Кавказу
Сам Буденный проезжал,
Речь хорошую сказал.
Между рек, между гор
Строил турок свой забор,
Строил башню до небес,
Но достроить не успел.
Ему терцы доказали
И загнали в темный лес.

Соловей-соловушка
(женская лирическая в исполнении фольклорного ансамбля ДК ст. Калиновской)

Соловей-соловушка, что ж ты не поешь,
Голову повесил, зерна не клюешь.
Голову повесил, зерна не клюешь,
«Склевал бы я зерна, да зернышек нет.
Склевал бы я зерна, да зернышек нет,
Спевал бы я песню, да голоса нет.
Спевал бы я песню, да голоса нет,
Золотая клетка душила меня.
Золотая клетка душила меня,
Молодая девка в сад гулять пошла.
Молодая девка в сад гулять пошла,
Гуляла, гуляла девка молода.
Гуляла, гуляла девка молода,
Как в том садочку молодца ждала».

Коляска бежала
(в исполнении фольклорного ансамбля ДК ст. Калиновской)

Из-за леса-леса дорожка лежала,
Э-э-ой, по этой дорожке коляска бежала,
Ой, все бежала.
Это не коляска, все ж моя досада,
Э-э-ой, коник вороненький - все ж моя отрада,
Ой, вся отрада.
Возьму заседлаю коня вороного,
Э-э-ой, сяду я поеду, поеду по битой дорожке,
Ой, по дорожке.
Сяду я, поеду по битой дорожке,
Э-э-ой, по битой дорожке к милой под окошко,
Ой, под окошко.
По битой дорожке к милой под окошко,
Э-э-ой, стукну, брякну милой об окошко,
Ой, об окошко.

Стукну, брякну милой об окошко,
Э-э-ой, выйди, выйди ты ж моя милая,
Ой, ты ж милая.
Выйди, выйди ты ж моя милая,
Э-э-ой, ты ж моя милая – радость дорогая,
Ой, дорогая.

Загоралась во дворе калина
(в исполнении фольклорного ансамбля ДК ст. Калиновской)

Загоралась во дворе калина, замерало у молодца сердце.
Замерало у молодца сердце, за чужую жену молодую.
За чужую жену молодую, знал бы, знал бы вовек не женился.
Знал бы, знал бы вовек не женился, да пошел бы коня заслужил бы.
Да пошел бы коня заслужил, заслужил бы чина офицера.
Заслужил бы чина офицера, взял бы, взял бы майорскую дочку.
Взял бы, взял бы майорскую дочку, да повел бы ее по садочку.
Да повел бы ее по садочку, посадил бы ее в холодочке.
Посадил бы ее в холодочке, напоил бы чаем с сахорочком.
Напоил бы чаем с сахарочком, подарил бы маленький платочек.
Подарил бы маленький платочек, а на ножки – чулки, полсапожки.
А на ножки - чулки, полсапожки, носи, Дуня, носи хорошенько.

Ой ты, Галя, ты обманчивая
(свадебная, обрядовая)

Ой, ты, Галя, ты обманчивая.
Обманула своих верных подруг,
Ой ли, ой люли, ой люли,
Обманула своих верных подруг.

Говорила в эту осень не пойду,
Не пойду и не подумаю идти.
Ой ли, ой люли, ой люли,
Не пойду и не подумаю идти.

Оказалась наша Галя за столом,
За столиком, за дубовеньким,
Ой ли, ой люли, ой люли,
За столиком за дубовеньким.

За столиком за дубовеньким,
Да за Ваней чернобровеньким,
Ой ли, ой люли, ой люли,
Да за Ваней чернобровеньким.

Да все думушки передумала
(свадебная, венчальная)

Да все думушки, да я передумала.
Ой, одна думушка-дума не идет.
Э-э-ох, ой, одна думушка-дума не идет.

Все подружки замуж торопятся.
Ой, мне у батюшки очень хорошо.
Э-э-ох, ой, мне у батюшки очень хорошо.

Подарил мне миленький колечко.
Ой, с руки перстень новый золотой.
Э-э-ох, ой, с руки перстень новый золотой.

День хожу я во этом колечке,
Ой, на ночь кладу кольцо в головах.
Э-э-ох, ой, на ночь кладу кольцо в головах.

Пуховые вы, мои подушечки,
Ой, утопаю с раннего утра.
Э-э-ох, ой, утопаю с раннего утра.

Шелковое мое одеяльце.
Ой, не согреет мою белу грудь.
Э-э-ох, ой, не согреет мою белу грудь.

Не согреет мою белу грудь.
Ой, нет милого, она без дружка.
Э-э-ох, ой, нет милого, она без дружка.

Без милого друга золотого
Ой, постелюшка, она холодна.
Э-э-ох, ой, постелюшка, она холодна.

Скрылось солнце за оконцем

Скрылось солнце за оконцем
Во-зе... во-зеленый сад.
Пригласила девка парня
В садик, в садик погулять.

Пригласила девка парня
В садик, в садик погулять.
Постелила белу простынь,
Положила парня спать.

Постелила белу простынь,
Положила парня спать.
Сама села край постели,
Зажу-зажурилася.

Сама села край постели,
Зажу-зажурилася.
Не журися, девченочка,
Ты ж бу… ты ж будешь моей.

Не журися, девченочка,
Ты ж бу… ты ж будешь моей,
Есть у меня бонька пива,
Ватру… ватрута вина.

Есть у меня бонька пива,
Ватру… ватрута вина,
Есть у меня конь вороный,
Буя… буйна голова.

Есть у меня конь вороный,
Буя… буйна голова.
Есть у меня, девченочка,
Черно… чернобровая.

Рассажу я черемушку

Да рассажу я черемушку во зеленый сад,
Буду, буду я черемушку часто поливать.

Буду, буду я черемушку часто поливать,
Ты стой расти, да черемушка, тонка, высока.

Ты стой, расти, да черемушка, тонка, высока,
Не так тонка, да как высока, лицом широка.

Не так тонка, да как высока, лицом широка.
Нельзя, нельзя, да черемушку незрелую рвать.

Нельзя, нельзя да черемушку незрелую рвать,
Нельзя, нельзя да девчоночку несватавши брать.

Нельзя, нельзя да девчоночку несватавши брать,
С того дворца, да ведут с венца красной девицей.

С того дворца, да ведут с венца красной девицей.
Жених ведет, да за рученьку дружок золотой.

Жених ведет, да за рученьку дружок золотой.
Впереди стоит, да сердцем болит, любил, да не взял.

Впереди стоит да сердцем болит, любил, да не взял.
Любил когда-то девчоночку, прочил за себя.

Тихий Дунай

Тихий Дунай, тихий Дунай к бережечку клонит.
Молодой казак, молодой казак полковничка просит:

«Полковничек молоденький, отпусти до дому,
Может, девица красная скучилась за мною».

«Я бы рад бы отпустити, но ты долго будешь.
Ты напейся воды холодной, про нее забудешь».

«Пил я воду холодную, пил не напивался,
Любил девицу, любил красную, та-й не навлюблялся».

Умер казак, умер казак, осталась Надежда.
Остался конь вороный, золотая сбруя.

«Сбрую мою золотую вы отдайте брату.
Коня моего вороного ведите за мною».

Тело несут, коня ведут, конь голову клонит.
За нем девица, за нем красная слезы на землю ронит.

Люблю я казаченьку
(плясовая)

Люблю я казаченьку, люблю молодого,
Люблю молодого, из полка любого.

Приехал казаченька к Марусеньке в гости,
Недавно приехал, опять уезжает.

Недавно приехал, опять уезжает,
Его разлюбезная все плачет-рыдает.

Его разлюбезная все плачет-рыдает:
«Заночуй, казаченька, хоть ночку со мною».

«Хотя заночую, буди меня рано,
Буди меня рано, чтоб не расцветало.

Чтобы барабанщики в барабан не били,
Чтобы музыканщики в музыку не грали.

Чтобы нам казаченьки коней не седлали,
Коней не седлали с двора не съезжали».

Проснулся казаченька, уже свет беленький,
«Что ж не разбудила, казака сгубила!».

Все кумушки пьют
(шуточная, плясовая)

Все кумушки пьют, голубушки пьют,
А я молодая в постели лежу.

А я молодая в постели лежу,
В постели лежу, да прихварываю.

В постели лежу, да прихварываю,
Да старого мужа обманываю.

Да старого мужа обманываю:
«Продай, муж, кобылку буланенькую.

Продай, муж, кобылку буланенькую,
Купи мне шубейку сафьяненькую.

Купи мне шубейку сафьяненькую,
А я наряжуся, к обедне пойду.

А я наряжуся, к обедне пойду,
А люди, та скажут: да чья ж такова?

А люди, та скажут: да чья ж такова?
Да чья ж такова? - Да Куклова жена!

Да чья ж такова Куклова жена?»
Жена да с обедни, а муж с хомутом,

А муж с хомутом, с ременным кнутом,
А мужья жена - да в лес по дрова.

А мужья жена - да в лес по дрова,
Да в лес по дрова, по дубовые.

Да в лес по дрова, да по дубовые.
По дубовые, да по тяжелые.

По дубовые, да по тяжелые,
Подожди, поедем побольше нарубим.

Жена в горку едет, похлыстывает,
А с горочки едет, посвистывает.

Бабеночки
(плясовая)

Ой, вы, бабоньки, бабеночки мои,
Чернобровые, хорошенькие.

Чернобровые, хорошенькие.
Да не вы ли нас повысушили?

Да не вы ли нас повысушили?
Без мороза сердце вызнобили.

Без мороза сердце вызнобили,
Иссушили русы кудрики.

Иссушили русы кудрики
На моей больной головушке.

На моей больной головушке,
Да рассеяли печаль по плечам.

Да рассеяли печаль по плечам,
Да заставили ходить по ночам.

Да заставили ходить по ночам,
По ночам, ночам, по темным лесам.

По ночам, ночам, по темным лесам,
Заставили чужу жену любить.

Заставили чужу жену любить.
Чужа жена - нет предела хороша -

Чужа жена - нет предела хороша.
Своя жена – полынь-горькая трава.

Едут, едут мазурочки
(игровая, плясовая)

Из-за гор-горы едут мазуры.
Едут, едут мазурочки, везут, везут барвиночки.
На сером, на сером коне, на сером коне.

«Приехав в ночи, привез две свечи.
Стуки-грюки во оконце, выйди сердце-коханочка.
Дай коню, дай коню воды, дай коню воды».

«Не могу я встать, коню воды дать.
С вечора была роса, выходила рано боса.
Ноженьки, ноженьки болят, ноженьки болят».

«Одень чулочки, обуй башмачки».
«Мени матэ не велела, чтоб с панами не ходила.
Матуси, матуси боюсь, матуси боюсь».

«Матуси не бойся, сидай на коня.
Та й поедем в чужой гай, до мазурив навзвичай,
В зелены, в зелены дома, в зелены дома».

Ехали в ночи при ясной зори.
Гнали, гнали, не догнали, все барвиночки порвали.
На месте, на месте стоять, на месте стоять.

По-над быстрым Тереком-рекою
(лирическая)

По над быстрым Тереком-рекою
Шла девица за водой,
А над берегом, раскинув плечи,
Стоял парень молодой.

Кругом лес и берегом – лужочек.
Девка к парню подошла,
Посмотрела на его платочек,
И миленка в нем нашла.

Глянул парень девушке на руку,
На руке блестит кольцо.
Не понравилась ему разлука,
Загорелося лицо.

А над бережком вода журчала,
Глянул месяц молодой.
Красна девица воды набрала,
Возвращалася домой.

Шел казак на побывку домой
(лирическая)

Шел казак на побывку домой
Через мостик дорогой прямой.
Обломилась доска, подвела казака.
Искупался в воде ледяной.

Он взошел на крутой бережок
И костер над рекою разжег.
Мимо девушка шла и к нему подошла:
- Что случилось с тобою, дружок?

Улыбнулся казак над огнем:
- Осетра я ловил подо льдом,
Не поймал осетра, больно речка быстра.
Зачерпнул я воды сапогом.

И сказала девчонка ему:
- Не коптись ты, казак, на дыму.
Ты ходить не спеши, сапоги просуши,
Мы костер разожжем на дому.

Тот казак был еще молодой,
Да к тому же еще холостой.
Эх, дощечка-доска, подвела казака,
Не дошел он домой холостой.

Скакал казак через долину
(казачья походная)

Скакал казак через долины, через Кавказские поля,
Скакал он всадник одинокий, кольцо блестело на руке. -2 раза.

Кольцо казачка подарила, когда казак ишел в поход,
Она дарила, говорила, что через год буду твоей.

Вот год прошел, казак стрелою в село родное поскакал.
Он видит домик под горою, забилось сердце казака.

Навстречу шла ему старушка, шутейно речи говорит:
«Напрасно ты, казак, стремишься, напрасно мучаешь коня.

Тебе казачка изменила, другому счастье отдала».
Он повернул коня налево и в чисто поле поскакал.

Он снял с плеча свою винтовку, и жизнь покончил навсегда,
«Пущай казачка вспоминает меня, лихого казака».

Шапочка пуховая
(казачья походная)

Шапочка пуховая, да
Черкесочка новая
На нем белева, э-э-ой,
С перволучшего сукна

С перволучшего сукна, ой-да.
Шел милый по бережку, да
Шел милый по крутому.
Да он над рекой, э-э-ой,
Переход себе искал.

Переход себе искал, ой-да.
Нашел себе жердочку, да
Нашел себе тонкую,
Да он над водой, э-э-ой.
Сам по жердочке пошел,

Сам по жердочке пошел, ой-да.
Жердочка сломилася, да
Шапочка свалилася…
С его ясных глаз, э-э-ой.
Кричал с радостью, радостью: “Тону!”

Кричал с радостью: «Тону, ой-да!»
Услыхала девица, да
Увидала красная.
Она из окна — э-э-ой!
С высокого терема,

С высокого терема, ой-да:
“Уж ты мой, казаченька, да
Уж ты мой молоденький!
Я в тебя влюбилась, э-э-ой!
Ой, выйду замуж, замуж за тебя!”

По дороге пыль клубится
(походная, строевая)

Пыль клубится по дороге, слышны выстрелы порой.
Из набега удалого едут сунженцы домой.

Много плену и добычи взято ими у врагов.
Их вождем был воин смелый, генерал-майор Слепцов.

Вот они уж близ станицы, резво скачут и поют,
Жены, старцы и девицы - все навстречу к ним идут.

Градом сыплются вопросы из толпы со всех сторон:
«Жив ли муж мой?» – «Где сыночек?» —
«Жив ли братец?» «Где ж они?»…..

Все казаки веселятся и спешат под кров родной
Среди малого семейства встретить отдых и покой.

Лишь один казак не весел, он здесь круглый сирота.
И чело его туманит грусть и горькая мечта.

«Жив ли он?» - Никто не встретит: милых сердцу нет ему.
«Где же он?» – Никто не спросит, он не нужен никому.

Лучше б лег он в бранном поле и не ехал бы домой.
Все равно его кончина не оплакана слезой.

В островах охотник
(шутливая, лирическая)

В островах охотник день и ночь гуляет.
Ему счастья нету, сам себя ругает.
Припев:
Как же мне быть, счастье мне служить-служить,
Нельзя быть веселому, что зверь не бежит.

Поехал охотник на тихие воды,
Где птицы летают при ясной погоде.
Припев:
На бережку прилег он вздохнуть, уснуть-уснуть,
Охота сорвалася – гончих слышно чуть.

Охотник не веря, на коня садился,
С любопытством зверя он поймать стремился.
Припев:
Бросился в лес, да в лес по траве-траве,
Где спала красавица на мягкой траве.

Груди ее белы, закрыты цветами,
Щеки ее алы залиты слезами.
Припев:
Он увидал, задрожал, с коня упал:
«Здравствуй, раскрасавица», – ласково сказал.

Красавица встала охотничка видеть:
«Ах ты, злой охотник, чем хочешь обидеть?».
Припев:
Чем ни чего сам знаю кого чего,
Ни волков, лисиц здесь – здесь нет ничего.

Волков мы видали, лисиц мы стреляли,
А таких красавиц – нигде не встречали.
Припев:
Ах, ты злодей, что ж ты начудил-чудил,
Двадцать лет хранилася, а ты нарушил.

Между серыми камнями
(Гимн терских казаков)

Между серыми камнями
По ущельям среди скал
Серебристыми волнами
Бурный Терек пробегал.

Начиная у Казбека,
Наверху среди снегов,
Он уж больше, чем три века
Поит терских казаков.

И споенный ледяною
Чистой терской водой
Казак сердцем и душою
Любит Терек свой родной.

Заповедывали деды -
Сберегать страны нам честь.
И за славу и победу
Своей жизни не жалеть.

То не змей в траве зеленый

То не змей в траве зеленый,
Он взвивается, ползет.
Это Терек восхваленный
К морю Каспию течет.

Он давно течет-струится,
Сам калякает с собой,
И все ждет, когда случится
Провожать своих сынов.
Вот, услышав звук призывный,

Он собрал своих сынов.
По тревоге полк старинный
На бой смертный был готов.

Терек радостно сияет
И шумит-гудит волной.
На войну он провожает
За народ и край родной.

Нам не в первый раз сбираться
За Отчизну постоять.
Мы давно рады стараться
Со врагами воевать.

Триста лет царю служили
На своих лихих конях.
Много раз врагов разили,
Отличалися в боях.

И теперь чуть клич военный
К нам на Терек залетит,
Тут казак наш не изменит -
Сразу в битву полетит.

Так, поддержим же, ребята,
Славу старую свою -
Полетим на супостата
Мы в Манжурскую страну.

Снова шашка засверкала,
Деда, прадеда, отца.
Снова слава восстала
Удалого молодца.

И чапурку дорогую
Забывать пришла пора.
Грянем песню удалую
Им в поход, друзья, ура!

Полно вам, снежочки
(плясовая)

Полно вам, снежочки, на талой земле лежать,
Полно нам, казаченьки, горе горевать!
Оставим тоску-печаль во темных во лесах, –
Будем угождать чужой, молодой жене!
С девками с молодками полно нам гулять,
Чекменик, бешметик не надо нам скидать.
Перины, подушечки пора нам забывать…
Только б не забыть нам про коней вороных!
Есть у нас, ребятушки, крупа и мука,
Кашицы наварим, мягких хлебов напечем,
Сложимся по денежке, пошлем за винцом,
Выпьем мы по чарочке, позавтракаем,
Выпьем по другой, разговоры заведем,
Выпьем мы по третьей – с горя песни запоем,
Мы поем, поем, поем про свое житье-бытье.
Казачье житье, право, лучшее всего,
У казака дом – чернобурочка,
Жена молодая – винтовочка,
Хотя мы едем – стоя выспимся,
По утру встаем – росой моемся,
Полою утремся, Богу молимся,
Богу помолившись, винтовки берем, –
Чтоб были винтовки чисто смазанные,
На случай тревоги позаряженные.

Офицерик молодой
(терская лезгинка)

Офицерик молодой, под ним вороной,
Под ним коник вороной, да весь уборик золотой.

Под ним коник вороной, да весь уборик золотой,
Перед ним стоит казачка, улыбается.

Перед ним стоит казачка, улыбается,
Улыбается, да усмехается.

Улыбается, да усмехается,
«Ты здорова ль, кумушка, да здорова, голубушка?

Ты здорова ль, кумушка, да здорова ль голубушка?»
«Сама собой здорова, да болит моя голова.

Ой, болит, болит, болит, да я не знаю, как мне быть.
Я не знаю, как мне быть, чем головушку лечить.

Я не знаю, как мне быть, чем головушку лечить.
Пойду млада по лужку, да сорву траву ярошку.

Пойду млада по лужку, да сорву траву ярошку.
Сорву траву ярошку, да опарю головушку.

Сорву траву ярошку, да опарю головушку.
Я парила, парила, а пар ее не берет.

Я парила, парила, а пар ее не берет,
А пар ее не берет, да бог здоровья не дает».

Расти, расти, калинушка
(лезгинка)

Расти, расти, калинушка, расти не шатайся,
Миленький дударушка, не ленись, играй-ка.

Миленький дударушка, не ленись, играй-ка!
Придет тоска-кручинушка, пойди разгуляйся.

Придет тоска-кручинушка, пойди разгуляйся.
Пойди-пойди разгуляйся, с милым повидайся.

Пойди-пойди разгуляйся, с милым повидайся.
От милого вестей нету, никак не дождуся.

От милого вестей нету, никак не дождуся,
Прислал милый поклон верный, коня вороного.

Прислал милый поклон верный, коня вороного,
Коня, коня вороного, сиделице ново.

Коня, коня вороного, сиделице ново.
На сиделице попона зеленого шелка.

На сиделице попона зеленого шелка,
Во зеленого шелка баки золотые.

Во зеленого шелка баки золотые.
Баки-баки золотые, стремена литые.

Баки-баки золотые, стремена литые,
Ты, девица-красавица, душа мое сердце!

Ты, девица-красавица, душа мое сердце!
Ты напой мово коня вперед синя моря.

Ты напой мово коня вперед синя моря,
Вперед, вперед синя моря, на камушке стоя.

Вперед, вперед синя моря, на камушке стоя,
Чтобы коник мой напился, ковер не мочился.

Чтобы коник мой напился, ковер не мочился,
Чтобы коник мой валялся, ковер не помялся.

Чтобы коник мой валялся, ковер не помялся,
Чтобы когда я с врагом дрался, ковер не порвался.

Песни станицы Наурская. По одной из версий, первое упоминание станицы Наурской датируется 1642 годом. В то время она находилась на правом берегу Терека. В 1715 году по приказу Петра I станица была перенесена на левый берег, а на старом месте позднее был основан чеченский аул Нижний Наур (ныне – село Надтеречное). Встречаются утверждения, что станица основана на месте бывшего чеченского аула. Учитель Ели-

заветпольского городского училища П.А. Востриков писал об этом: «Выражение "бросимся на уръ!" было постоянно произносимо казаками при появлении враждебной шайки; поэтому вновь основанный казачий стан и чеченцами и казаками единодушно былъ названъ "Науром". После большого набега горцев в 1765 году на Кизляр Екатерина II приказала перевести на Терек часть волжских казаков, живших около Дубовки, и поселить их под именем Моздокского полка между крепостью Моздок и гребенскими городками. Казаки прибыли с Волги в 1769 году и были водворены на Тереке в станицах Галюгаевской, **Наурской**, Ищёрской, Мекенской и Калиновской. Во главе их встал атаман И. Д. Савельев, получивший чин полковника (впоследствии — генерал; долгое время в Наурской существовали «сады Савельева»).

Песни записывались в фольклорно-этнографической экспедиции 1978 года у наурцев-станичников Цимлянского Ивана Яковлевича, 1899 г.р., Колесниковой Агафьи Павловны, 1898 г.р., Радченко Анны Семеновны, Рогожина А.В., 1901 г.р. В станице записаны песни военной тематики разных жанров.

Наурское пение отличается особым своеобразием. Фольклорист-исследователь терской традиции А.С. Кабанов отмечает в традиции наурцев широту мелодического объема наурских песен, насыщенность густого многоголосного звучания, отчасти напоминающее грузинское многоголосие, подчеркнутое вибрато у всех голосов, мелодические «подъезды-взлеты» к верхним звукам напева, замысловатую ритмику, ладовое колорирование и т.д. [Кабанов].

Песни станицы Наурской сейчас уже невозможно услышать в живом аутентичном звучании, они хранятся в звуковых архивах. Однако в последние годы многие мужские фольклорные коллективы, такие как «Братина», «Камышинка», «Петров вал», ансамбль музыкального колледжа Российской академии музыки имени Гнесиных, проявили большой интерес к наурским песнями и стали включать их в свой репертуар, дав тем самым им вторую жизнь и способствуя их популяризации в широких кругах любителей народного песенного искусства.

Сбунтовались злые турки
(Колесникова Агафья Павловна, 1898 г.р.)

Сбунтовались злые турки,
Сбунтовался сам султан.
Наш могучий император
Двинул войско за Байкал.
Ой, могучий император
Двинул войско за Байкал.
Мы байкальские перевалы
Переходили без трудов.
Трудна была переправа,
Никаких там нет мостов.
Ой, трудна была переправа,
Никаких там нет мостов.
Переправились через берег,
Вдоль Манжурии пошли.
Вынули шашки, да и помчались,
Шли колоннами полки.
Вынули шашки, да и помчались,
Ой, шли колоннами полки.
А впереди врассыпную,
Ой, гребенские казаки.
Востры шашки обмочили
В неприятельской крови,
Востры шашки да обмочили,
Ой, в неприятельской крови.

Враги живут на Сунже нашей
(Цимлянский И.Я., 1899 г.р.)

Садися, муж мой, на коня,
Оседланный моей рукою.
Садись скорей,
Светило дня уж меркнет за горою.
Садись скорей,
Светило дня уж меркнет за горою.

В долине ставки казаков,
Враги живут на Сунже нашей.
И пьют гяуры полны чаши,
Чеченцев пламенную кровь.
И пьют гяуры полны чаши,
Чеченцев пламенную кровь.

Ударь на них ты шашкой смело,
Гостей незванных отрази.
И ты, мой муж, мое светило,
Из битвы череп привези.
И ты, мой муж, мое светило,
Из битвы череп привези.

Беги, семья моя, в леса,
Беги, жена, бегите, дети,
А я останусь здесь один,
Без битвы саклю не отдам.
А я останусь здесь один,
Без битвы саклю не отдам.

В горах бежит гремучий вал
(Цимлянский И.Я., 1899 г.р.)

В горах бежит гремучий вал, - 2 раза
В горах безмолвие ночлега.
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак, во тьме ночной, - 2 раза
Чеченец ходит за рекой.
Казак плывет на челноке, - 2 раза
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети, - 2 раза
Купаясь жаркою порой,
Чеченец ходит за рекой,
На берегу заветных вод – 2 раза
Цветут богатые станицы.

Веселый пляшет хоровод,
Бегите, красные девицы. - 2 раза
Спешите русские домой,
Чеченец ходит за рекой.

Вдруг ударил гром из тучи
(Цимлянский И.Я., 1899 г.р.)

Вдруг ударил гром из тучи,
Три дня сряду туман был.
Под завалы подступали,
Ой, генерал Крюковский был.
Эх, под завалы подступали,
Ой, генерал Крюковский был.
Генерал наш знаменитый,
По всей арии был один.
Орденами грудь покрыта,
Издавал такой приказ.
Ой, орденами грудь покрыта,
Издавал такой приказ:
«Друзья, вы стройтесь все в колонны,
Батареи сформируй,
Мы развернем царское знамя
В бой по-русски разобьем.
Эх, мы развернем царское знамя
В бой по-русски разобьем.
Кавказски горы раздроблены
Стоят степенно в тишине,
Сунжа змейкой развивалась
По большой она Чечне.
Эх, Сунжа змейкой развивалась
Ой, по большой она Чечне.

Пыль клубится по дороге
(Радченко Анна Семеновна)

Пыль клубится по дороге,
Слышны выстрелы порой.
Разгромивши вражью силу,
Из набега удалого

Едут сунженцы домой.
Вот они уж близ станицы,
Едут, скачут и поют.
Жены, старцы и девицы,
Все навстречу им бегут.
Градом сыплются вопросы,
«Жив ли муж мой, жив сыночек,
Жив ли братец мой родной?
Все казаки веселятся
И спешат под кров родной,
Среди милого семейства
Встретить радость и покой.
Лишь один казак не весел,
Он здесь круглый сирота.
И чего его туманит
Грусть и горькая тоска.
Но дружна семья казаков,
Приютила сироту.
И все вместе веселятся,
Лихо пляшут и поют.

Ой, на горе, жницы жнуть
(Рогожин А.В., 1901 г.р.)

Ой, на горе, там жницы жнуть,
Ой, на горе, там жницы жнуть.
А по пид горою, яром долиною,
Казаки идуть, казаки идуть.
Эй, гоп, долиною! Ище гоп, широкою!
Казаки идуть.
Попереди Дорошенко, попереди Дорошенко,
Виде свое войско, войско запорижско,
Хорошенько, хорошенько.
Эй гоп, долиною, еще гоп широкою,
Хорошенько, хорошенько.
Посереди пан хорунжий,
Ой, пид ним коник,
Коник вороной, сильно дужит,

Ой гоп, долиною, еще гоп широкою!
Сильно дужит, сильно дужит.
А позади Сагайдачный, а позади Сагайдачный,
Шо променял жинку на тютюн, на люльку неудачно.
Эй гоп, долиною, еще гоп широкою!
Неудачно, неудачно.
Мене с жинкой не возиця,
Мене с жинкой не возиця,
А тютюн, да люлька
Казаку в дороге снадобиця.
Эй гоп, долиною, еще гоп широкою,
Снадобиця.

Ревут, стонут горы
(Рогожин А.В., 1901 г.р.)

Ревут, стонут горы хвыля в синесеньком море,
Плачут, стонут казаченьки в турецкой неволе.
Плачут, стонут казаченьки в турецкой неволе.
Ой, вы хлопцы-запорожцы, сыны славной воли,
Чом не идете, вызволяете из стяжной неволи,
Чом не идете, вызволяете из стяжной неволи.
Вже два роки як в кайданах закованы руки.
За что ж боже милосердный нам послал цэ муки.
Вражья баба Катерина, то ты наробыла.
Степь широкую, край веселый, панам подарила,
Степь широкую, край веселый, панам подарила.

Песни, записанные в г. Прохладном (КБ АССР). Прохладный вырос из казачьей станицы Прохладная, основанной в 1765 году на Моздокской военной укреплённой линии. Через неё проходил почтовый тракт, связывавший Россию с Закавказьем. Особенно быстро станица стала развиваться с 1860-х годов, когда с постройкой железной дороги от Ростова-на-Дону до Владикавказа, близлежащая железнодорожная станция стала центром сбора и отправки продукции обширного сельскохозяйственного района Терской области. С 1867 года станица Прохладная входила в Пятигорский отдел Терской области. В конце XIX века население

станицы составляло около 5 тыс. человек, здесь было свыше 60 различных торгово-промышленных заведений. Прохладненский базар и Воздвиженская ярмарка превратили станицу в крупный торговый центр Северного Кавказа.

Казачье население станицы Прохладной было полностью из украинцев. Песни записаны по материалам семейного архива носителя традиции Чумака Ивана Ефремовича, 1878 г.р., который служил действительную службу и участвовал в Турецкой войне.

Пойдем мы на границу

Ура! Пойдем мы на границу,
Бить Отечества врагов,
За царя и за царицу
И за родину отцов.
Все оружье собирайтесь,
Попроворней собирайтесь,
Попроворней снаряжайтесь,
Живо седлайте коней.
Нужно собираться скорей,
Братцы, пойдемте на войну веселей,
Будем с врагами мы драться дружней.
С добрым духом метко стрелять.
За царя сладкую смерть принять.
Ну, скорей марш вперед,
На врагов своих пойдем.

Полным сердцем торжествует

Полным сердцем торжествует,
Богу славу воздаем.
Пред царем отцом ликуют,
Терцы весело живут.

Говорят, что слава богу,
Но не так ни вынь и встарь,
Нашу бравою тревогу
Не забыл сам государь.

Сам своим державным словом
Он напомнил весь Кавказ,
Где, смешав в бою Суворов,
Жизни воспитывал наши.

Где издавна наши дети порубились
С громом битвы и победы,
Шли вперед за шагом шаг,
Смерть и раны презирая.

И нам свой завет передавали,
Чтоб идти по их следам,
Ведь Кавказ забыть - не шутка,
Приходилось часто жутко.

Как стояли и в Чечне, и в Дагестане,
Горделась кровь отцов.
Но досталась удальцам.
Не забыть нам кровь и пламя.

Царь нас милостей почтил,
Терцам знамя из руки своей вручил.
Знамя царское святое
Мы поднимем высоко.

И зовет нас в ретивое,
В ретивое братцы глубоко,
Верой, правдою достойной
Царский трон оберегать.

Крест высоко Православный
Мы поднимем высоко.
Как отец своим детям,
Царь обрадуется нам.

Ветер поздний непогодний

Вечер поздний непогодний,
По ущельям и горам
Ветерок свистал холодный,
Шел дождь с снегом попалам.

Там по бережку холмистому
Путь дороженька легла,
По холмистому каменистому,
Путь дороженька легла.

Той дорожкой подъезжали
На пост братцы казаки,
Бурки черные мелькали
И белелись башлыки.

Там догнал да нас с приказом,
Он догнал и передал,
Чтоб Морозов сотню разом
Шерстобицкий полк собрал.

Мы собрались перед светом,
Не прошла ночная тьма,
Встретил с ласковым приветом
Наш полковник Малома.

Он поздравил нас с войною,
И тот час за орачай,
Смело двинул за собою
Весь наш полк в турецкий край.

Турки все небрежно спали,
Им не снилось про войну,
Как проснулись, так узнали:
Очутились все в плену.

Наш полковник - славный воин -
С них оружие поснял,
Маломах же их, злодеев,
Как баранов, в степь погнал.

Храбро, весело

Храбро, весело и важно
Было с ним всегда служить,
Чтобы имени Слепцова
Нам вовек не позабыть.

Как же, братцы, нам не больше,
Как же нам о нем не тужить?
Дружно командовать,
Кто нам может заменить.

Так помолимся, братцы,
Чтобы царь и Воронцов
В память храброго Слепцова
Не забыли нас сунженцов.

И завет свой мы исполним,
С командиром пойдем вперед,
Слова батюшки мы исполним
И пред нами все пойдут вперед.

Никогда, братцы, так не бывало

Никогда так, братцы, не бывало,
Как сегодня случилось.
В пятьдесят втором году,
Крюковский, он с нами был.
Штурмы горы проходили,
Из-за гор было, братцы, индийских.
Шамиль вышел нам навстречу.
Убирайся, Шамиль, поскорее,
Крюковского берегись.
Крюковский он был наш начальник.
Закричали три раза «ура!»,
Затряслась вся сырая земля,
Затряслися горы,
Долы чеченские.

Уязвила его быстрая пуля,
В белые грудя его.
Как от этого удара
На сыру землю упал.

Песни станицы Зольская. Станица была основана 11 октября 1848 года, переселенцами из Воронежской, Харьковской и Полтавской губерний Российской империи. Первоначальное название селения – Богатинское, было связано с одноимённым родником, располагавшимся у нового селения. В 1863 году селение было преобразовано в станицу, которой было дано новое название — Зольская, по протекающей рядом реки Золка. Песни записаны в 1990 году в исполнении фольклорного ансамбля станицы. Преобладают песни лирические, плясовые и походные.

Славный пышный быстрый Терек
(старинная песня записана в исполнении фольклорного ансамбля станицы, запевают Лидия Паршина и Вера Игольникова)

Славный, пышный быстрый Терек, мой товарищ, друг лесов,
Скоро выйду я на тот на берег вой, да на проще свой печальный да,
Скоро выйду я на тот на берег вой, да на проще ой свой печальный взор…
Я служил царю душою, родной Терек защищал,
Был всегда готовый к бою, ой да умереть в бою желал,
Был всегда готовый к бою, ой да умереть в бою желал.
Сколько лет и зим проходит, на тебя гляжу,
Время, мо- молодость уходит, ой да я в него лю, ой младец сижу,
Время, мо- молодость уходит, ой да я в него лю, ой младец сижу.
Быстрый, пышный славный Терек друг лесов, товарищ мой,
Прорви горы, разбей берег, ой да унеси меня с собой,
Прорви горы, разбей берег, ой да унеси меня с собой.

Загоралась во поле ковылка
(протяжная - запевает Лидия Паршина)

Загоралась во поле ковылка,
Заболело у молодца сердце.
Заболело у молодца сердце,
На чужыя жены молодыя.

На чужыя жены молодыя,
Чужы жены хороши, пригожи.
Чужы жены хороши, пригожи,
А моя жена - шелья не корыстна.
А моя жена - шельма не корыста,
На работу она не завистна.
На работу она не завистна,
Сидит дома, будто не здорова.
Сидит дома, будто не здорова,
Полюбила парня молодова.

Из-за леса копии мечей

(походная – записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Из-за леса, леса копии мечей,
Вышла сотня казаков-лихачей,
Е-е-ой раз говорят,
Вышла сотня казаков-лихачей.
Вышла сотня казаков-лихачей,
Попереди - командирик молодой,
Е-е-ой, раз говорят,
Попереди - командирик молодой.
Попереди - командирик молодой, ой
Ведет сотню казаков за собой,
Е-е-ой раз говорят,
Ведет сотню казаков за собой.
Ведет сотню казаков за собой, ой
За мной, зольцы, не робей, не робей,
Е-е-ой раз говорят,
За мной, зольцы, не робей, не робей.
За мной, зольцы, не робей, не робей,
На завалы поспешайте поскорей,
Е-е-ой раз говорят,
На завалы поспешайте поскорей.
На завалах вы стояли, как стена,
Пуля сыпала-жужала, как пчела,
Е-е-ой раз говорят,
Пуля сыпала-жужала, как пчела.

Пуля сыпала-жужала, как пчела, ой
Пуля ранила разведчика вчера.
Е-е-ой раз говорят,
Пуля ранила разведчика вчера.
Пуля ранила разведчика вчера,
Умер, умер наш разведчик на заре,
Е-е-ой раз говорят,
Умер, умер наш разведчик на заре.

В путь дорожку

(походная – записана в исполнении фольклорного ансамбля)

В путь дорожку дальнюю я тебя отправлю,
Упадет на яблоню спелый свет зари – эх,
Подари мне, сокол, на прощанье саблю,
Вместе с вострой саблей пику подари.
Подари мне, сокол, на прощанье саблю,
Вместе с вострой саблей пику подари.
Я на кончик пики повяжу платочек,
На твои на синие погляжу глаза,
Как смахнет платочек, я всплакну чудочек,
По даренной сабле побежит слеза.
Как смахнет платочек, я всплакну чудочек,
По даренной сабле побежит слеза.
Затоскует горленка у хмельного тына,
Я к воротам строганым подведу коня.
Ты на стремя станешь, поцелуешь сына,
У зеленной ветки обоймешь меня.
Ты на стремя станешь, поцелуешь сына
У зеленой ветки обоймешь меня.
Стану петь я песни, косы я расправлю,
У щести соколиков, сокола любя.
Да с даренной пикой, да с даренной саблей
Мимо всей станицы провожу тебя.
Да с даренной пикой, да с даренной саблей
Мимо всей станицы провожу тебя.

Зелен дуб

(плясовая песня - записанав исполнении фольклорного ансамбля)

Зелен дуб, зелен дуб, да ще зеленэнький,
Який парень гарнесенький, да ще маладенький,
Який парень гарнесенький, да ще маладенький.
А я дубу наломаю, да вечери наварю,
А я свому милому пастель белу постелю,
А я свому милому пастель белу постелю.
Пастель моя, пастель моя, пастель пуховая,
Жена моя женушка, жена молодая,
Жена моя женушка, жена молодая.
Кому быть, кому быть, кому научиться,
На коленочки поставлю, целовать заставлю,
На коленочки поставлю, целовать заставлю.
Зелен дуб, зелен дуб, да ще зеленэнький,
Який парень гарнесенький, да ще маладенький,
Який парень гарнесенький, да ще маладенький.

Как у наших у ворот

(плясовая песня - записанв исполнении фольклорного ансамбля)

Как у наших у ворот, как у наших ворот,
Ой лели у ворот, ой лели у ворот,
Стоял девок хоровод, стоял девок хоровод,
Ой лели хоровод, ой лели хоровод.
Ребятушек табунок, ребятушек табунок,
Ой лели табунок, ой лели табунок.
Меня девки кликали, меня девки кликали,
Ой лели кликали, ой лели кликали,
На улицу погулять, на улицу погулять,
Ой лели погулять, ой лели погулять,
С ребятами постоять, с ребятами постоять,
Ой лели постоять, ой лели постоять.
Меня свекор не пустил, меня свекор не пустил,
Ой лели не пустил, ой лели не пустил.
Хотя пустил - пригрозил, хотя пустил – пригрозил,
Ой лели пригрозил, ой лели пригрозил.

Гуляй, девка, до поры, гуляй, девка, до поры,
Ой лели до поры, ой лели до поры.
До вечерней до зари, до вечерней до заря,
Ой лели до зари, ой лели до зари.
Вот зоренька занялась, вот зоренька занялась,
Ой лели занялась, ой лели занялась.
А я млада поднялась, а я млада поднялась,
Ой лели поднялась, ой лели поднялась.

Молодка-молодка

(казачья плясовая - записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Молодка-молодка, молоденькая,
Молодка моя победненькая.
Не с кем мне, молодка, попить-погулять,
Попить-погулять, ночьку ночевать.
Пришла ночь темна, ложусь спать одна,
Ложусь спать одна, без мила дружка.
Без мила дружка, берет грусть-тоска,
Грусть-тоска берет, далеко мил живет.
Далеко-далеко на той стороне,
На той стороне, не близко ко мне.
Машет он рукой, правою рукой,
Ручкою правой, шапкой черною.
Милая моя, перейди сюда,
Рада перейти, жердочка тонка.
Рада перейти, жердочка тонка,
Жердочка тонка, речка глубока.

Отдала меня мать

(лирическая песня - записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Отдавала меня мать, во большую семью, во большую во семью,
Не рассудливую,
Во большую во семью, не рассудливую, сами завтрикать идут,
- Меня по воду пошлют.
Сами завтрикать идут, меня по воду пошлют, а я по воду иду,
- Как головушка в аду,
А я по воду иду, как головушка в аду, а к воде я подхожу
– Умываюся.

А к воде я подхожу - умываюся, чистым белым рукавом
– Утираюся.
Чистым белым рукавом – утираюся, подхожу я ко дверям
– Прислухаюся.
Подхожу я ко дверям – прислухаюся, а что свекор говорит
- Ее надо подучить.
А что свекор говорит - ее надо подучить, а свекруха говорит
- Ее надо шельму бить.
А свекруха говорит - ее надо шельму бить, а заловки говорят
- Ее надо с двора гнать.
А заловки говорят - ее надо с двора гнать, а деверья говорят
- Зачем было ее брать.
А деверья говорят - зачем было ее брать, она в маменьки жила
– Вся как розочка цвела.
Она в маменьки жила - вся как розочка цвела, а как к нам
она пришла
– Вся осыпалася.

Вдоль по улице метелица метет

(свадебная песня - поется во время катания молодых записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленькай идет,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли,
За метелицей мой миленькай идет.

За метелицей мой миленькай идет,
За собою коня-ворона ведет,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли,
За собою коня-ворона ведет.

Он за поводы, за шелковые,
За уделицы серебренные,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли,
За уделицы серебренные.

Оборвали шелковые повода,
Рассыпали серебряны удила,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли,
Рассыпали серебряны удила.

Рассыпали серебряны удила,
Упустил все и Ваня коня,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли
Упустил все и Ваня коня.

Побежал его добрый конь
В чисто поле, во зеленые луга,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли,
В чисто поле, во зеленые луга.

В чисто поле, во зеленые луга
Мимо тещино широкова двора,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли,
Мимо тещино широкова двора.

Мимо тещино широкова двора,
Мимо тещиной подворнице,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли,
Мимо тещиной подворнице.

Мимо тещиной подворнице
Вани хворое здоровьеце,
Э-вой-ли, ой люли, люли, люли
Вани хворое здоровьеце.

Передрог- перезяб

(свадебная песня - поется после венчания в церкви по дороге ко двору жениха, записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Передрог - перезяб, перед сотенным стоял,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да
Перед сотенным стоял, в руках шапочку держал,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да.

В руках шапочку держал, рукавом венки матал,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да,
Уж ты, девица-душа, да перейди ко мне сюда,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да,
Перейди ко мне сюда на мое ли стороне,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да,
На моей стороне да три погоды у ночи,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да,
А как с вечера дожок, с полуночи снежок,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да,
Как по этом по снежку, да трое саночек катят,
Ой-ле, ой-ле, ой вай лели, люли, да,
Трое саночек катят, третьи с вырезами,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да,
Как во этих во санях по семи людей сидят,
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да,
По семи людей сидят одну речи говорят.
Ой-ле, ой-ле-е, ой вай лели, люли, да.

Как во поле травка стелится

(свадебная песня - записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Как во поле травка стелица, голубой цветок лелеица,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, люли голубой цветок лелеица.
Голубой цветок лелеица, молодой Иваня женится,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, лю-ли, молодой Иваня женится.
Молодой Иваня женится, молодую себе Верочку берет,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, лю-ли, молодую себе Верочку берет.
Молодую все хорошенькаю, белоличку, чернобровенькаю,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, лю-ли, белоличку, чернобровенькаю.
Да Любаве только думачка была, чтобы Вера ево жиночкой была,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, лю-ли, чтобы Вера ево жиночкой была.
Чтобы Вера ево жиночкой была, за собою весь порядочек вела,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, лю-ли, за собою весь порядочек вела.
За собою весь порядочек вела, в поле, в доме все хозяюшкой была,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, лю-ли,в поле, в доме все хозяюшкой была.
В поле, в доме все хозяюшкой была, а свекровь ей все угодница,
Э-вой -ле, вой лю-ли, лю-ли, лю-ли, а свекровь ей все угодница.
А свекровь ей все угодница, Ване с Верой на здоровьеца,
Э-вой -ле, вой-ле-лю-ли, лю-ли, Ване с Верой на здоровьеца.

Тама в лесе, лесе
(записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Тама в лесе, лесе на прекрасном месте,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, на прекрасном месте.
На прекрасном месте харчема стояла,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, харчема стояла.
Девченочка Галя вином торговала,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, вином торговала.
Вином торговала, у долг не давала,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, у долг не давала.
Там казаки были, все вино попили,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, все вино попили.
Все вино попили, деньги не платили,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, деньги не платили.
Деньги не платили, все Галю манили,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, все Галю манили.
Девченочка Галя, поедим-ка с нами,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, поедим-ка с нами.
Поедим-ка с нами, с нами казаками,
Ой, зом, зом, тара-ра-ра-рам, с нами казаками.

Ой вы, туманы
(записана в исполнении фольклорного ансамбля)

Ой, да вы тума-а-а-ны, ой да вы жарки-и-и-и-е,
Туманы е-е-е-ой, да сокруши –и-ли миня бра-а-а-ва-а-во ма-я-лодца,
Ой да сокруши-и-и-ли, ой да миня бра-а-ва-а-во ма-я-лодца-е-е-е-ой,
Ой, да как я но-нонче сию но-о-о-ченьку, я ой не спал.
Ой да как я но-нонче, ой да сию ноченьку, я не спа-е-е-ал,
Ой да круг кро-а-ва-а-тки, круг кроватушки простоял,
Ой да круг кроватки, круг кроватушки простоял,
Да душу Ве-Ве-е-ру, душу Ве-е-е-рочку про-я-буждал.
Ой, да встань просни-и-ся, ой да душа Ве-е-е-рочка,
Ты ж моя Ве-е-е-ра, да кровати, миня бра-а-во-а-а-во мо-я-лодца.

В содержании текстов песенного фольклора гребенских и терских казаков прослеживается несколько тематик: лирические, лю-

бовные, обрядовые, патриотические гимны, военно-исторические, походные, игровые. Непреходящая жизненность казачьего песенного фольклора определила ее внутреннее содержание, в котором запечатлены быт, семейные отношения и нравы, отражены мировосприятие, менталитет и исторические события. Значительная часть песенного фольклора, причем различных по жанру, посвящена темам внутреннего станичного быта, а также изображению военных походов, службы и связанных с ними жизненных явлений. Вторая тематическая линия обнаруживает тенденции к сближению с лирической песней, обычные мотивы которой: печальное возвращение казака с войны домой, где его либо уже никто не узнает, либо ждет одиночество, горькие вести о смерти родных, об измене жены; смерть на поле боя, вдали от родины, обычно в одиночестве, последние думы о родной станице; тоска служивого казака по дому – неизбежно облекаются в эмоциональные формы. В таких песнях доминирует лирическая составляющая, сюжет их сильно ослабляется и постепенно стираются ясные черты эпического жанра.

Песенная поэзия гребенского фольклора как содержательная наполняющая полна ощущения безмерных горестей, страданий и жизненных конфликтов, которые влекла за собой военная служба.

ГЛАВА 3. Архитектоника песенного фольклора терско-гребенского казачества

3.1. Жанровая ретроспектива песенного фольклора казаков

Говоря о неприуроченных песенных жанрах и формах музыкального быта с ними связанных, можно с уверенностью утверждать, что вершиной терского музыкального фольклора является лирическая песня. Тематическая направленность лирических песен разнообразна: исторические, походные, провожальные, любовные, семейные, балладные песни. Формы музыкального быта всегда связаны с определенными жанровыми группами напевов: приуроченные (календарные, свадебные) песни присущи ритуалам и годовым праздникам терского казачества. Занимавшие в прошлом значительное место в повседневной жизни людей обрядовые отношения, в настоящее время из активного бытования практически исчезли.

Анализ произведений эпического жанра (былин) терских казаков в записях конца XIX в. дают возможность восстановить ту часть жанровой группы, которая в живом бытовании уже не встречается.

В древних былинах X века нашла свое отражение не только история, запечатлевшая подвиги героев-богатырей, но, что особенно ценно для нас, отпечатались средневековые пространственно-временные представления, которые наиболее полноценно доносят до нас средневековое мировосприятие и картину мира.

На Тереке зафиксировано более десяти былинных сюжетов: встреча Ильи Муромца с разбойниками; про малютку Илью Муромца; Илья Муромец на червленном корабле; Илья Муромец слуга Амельфы Тимофеевны; Добрыня и Алеша Попович; Добрыня и Маринка; Алеша – Догрубничек; Ставер-Лавер Тимофеевич; Дюк Степанович; Данилушка Бессчастный; богатыри на часах; женитьба Владимира Всеславича; Иванушка Гордеевич. Большая часть терских былин была известна и среди донских, уральских казаков и на Волге. Былинные сюжеты «Илья Муромец - малютка», «Илья Муромец - слуга Амельфы Тимофеевны» обнаружены только на Тереке. В репертуаре терских казаков редко встречается «чистый» эпос. Былинные песни выполняли разные функции - например, использовались в качестве обрядовых, свадебных и календарных.

Изучение тематики исторических песен терских казаков обнаруживает достаточно ясную хронологическую последовательность отражения событий от XVI до XIX вв. Наследуя общекультурные языческие ценности средневековой Руси, а затем и ее православные ценности и нормы, гребенцы осознавали общность исторической и национальной судьбы. Вполне естественно, что в гребенском фольклоре богато представлен, прежде всего, жанр исторической песни, выделенный в русской фольклористике как жанр, занимающий промежуточное положение между эпосом и лирикой. Популярность жанра исторической песни у казачества понятна, поскольку гребенское казачество на протяжении веков активно участвовало во всех важнейших исторических событиях, отстаивая интересы России на ее южных границах. Естественно, что богатейшие впечатления непосредственных участников русской военной истории и социальных движений осмысливались и запечатлевались в песнях.

Гребенцы знали более 100 исторических песен, не считая их многочисленных вариантов. Примечательно также, что в различных песенных жанрах, преданиях казаков отразились важнейшие события не только этноистории, но и истории России. Широко бытовали в гребенских станицах исторические песни об Иване Грозном, Ермаке, Степане Разине и др. Предания о битвах с поляками, турками, горцами и др., в которых участвовали казаки, позволяли не только вспомнить о героях, но и формировали представление о собственной «исторической» значимости. Постоянное участие в общероссийских событиях, войнах способствовало формированию российскости. Необходимо помнить, что в XVII веке казаки зачастую примыкали к казацко-крестьянским армиям, отстаивая свободу и независимость.

Анализируя жанр исторической песни, Б.Н. Путилов определяет основные пути эволюции исторической песни гребенцов и указывает, что в процессе эволюции происходит «деформация» исторической песни, в части «выветривания» подробностей, отдельных деталей, «снятия точной хронологической приуроченности», при этом полностью сохраняется ее сюжетная основа…; песня, освобождаясь от обременявшей ее детализации, даже выигрывает в художественной стройности и в идейном отношении [Путилов 1946]. Подчеркивая основную мысль автора, важно

отметить, что в процессе эволюции исторического песенного жанра сохраняется основная идея, приобретается более четкое звучание, уходит все временное, случайное и остается ее сущность, заключенная в более совершенной художественной форме. Автор называет данный путь эволюции исторических песен одним из самых плодотворных.

Несомненно, что функции отражения всего сложного идейного комплекса, связанного с войной и военной службой, в какой-то мере разделены между лирикой и эпосом. Если на долю исторических (эпических) песен, главным образом, выпала задача отобразить основные исторические факты военной деятельности казаков, сосредоточив основное внимание на выявление ее героико-патриотических мотивов, то военная лирика получила совсем иные определяющие ее содержательные функции. В ней тема войны и военной службы преломилась через призму семейно-бытового, социального и интимно-сердечного восприятия. В этом смысле лирическая песня военной тематики внеисторична, поскольку, не учитывая объективно-исторических фактов, она абстрагируется от них, обобщая взгляды народа на саму сущность явления, и именно поэтому такая песня почти не поддается нажиму изменившихся исторических обстоятельств [Путилов 1946]. Именно этим объясняется, на наш взгляд, тот факт, что в современном репертуаре гребенских казаков военная лирика сохранилась значительно лучше, чем историческая песня, находящаяся в прямой зависимости от памяти народа на исторические факты.

В исторических песнях на первом плане – тема мужества и патриотизма. В исторической песне «Не во матушке было во Россеюшке» гребенские казаки через ветры буйные обращаются к православному царю: «Ветры буйные. Да вы раздуйте-ка,/ Разнесите царскую могилушку./ Ветры буйные да оторвите-ка ли вы,… гробову доску./ Ветры буйные. Да отверните-ка ли вы… золоту парчу…» [Чирков 2008]. Широко известна историческая песня «Не из тучушки ветерочки они воют» [Чирков 2003] о том, как Иван Грозный простил казакам их уход из Рязанской земли и пожаловал им навечно реку Терек с притоками. Исторические песни не только запечатлели подлинные реальные события, они передают патриотический дух казаков.

И в тоже время военная тематика приобретает интонации скорбной печали и горести родных в память о погибших казаках на чужбине: «От горя на западном фронте/ Еще на Карпатских горах/ Там бьются казаки за правду/ И смерть не страшит храбрецов./ Там льются кровавые протоки,/ С утра до вечерней зари,/ А дома отец во кручине/ И с ним пригоринилась мать./ …А дома жена молодая / Качает детей на руках./ Как вырастут дети-сиротки / И спросют: «А где наш отец?»/ А мать со слезами отвечает: / «Отец ваш убит на войне»./ Убит он зарею на рассвете,/ И кости рассыпаны вдали,/ Со всех сторон слетятся пташки/ И вечную память пропают».

Повседневная жизнь в исторических песнях повернута своей героической стороной: они полны боевого задора, бесшабашной удали, воспевания подвига, презрения к противнику. В них мы не найдем мотивов усталости, недовольства, протеста против надоевшей войны. Подобные мотивы находят отражение в других жанрах лирической песни. В песнях на первом плане – тема мужества и патриотизма.

Казаки, относясь с большим уважением к своей истории и к исторической песне, в своем повседневном обиходе предпочитают лирику, являющуюся наиболее полным выражением их чувств и переживаний, ярко и многообразно отразившую все основные явления их жизни. Поэтому жанр лирической песни, число которой в казачьем репертуаре за последние десятилетия значительно выросло составляет основу современного гребенского фольклора и его наиболее жизненное ядро. У гребенцов распространена новеллистическая баллада, в основе которой обычно лежит романическое происшествие.

Несмотря на специфичность традиционного казачьего песенного репертуара, который характеризуется военной тематикой, немалое место в нем занимают и лирические протяжные песни, являющиеся неотъемлемой частью музыкально-поэтической культуры казачьих станиц, особенно те, в которых пелось о разлуке с любимым человеком. Такие песни занимают большое место в лирике казаков. Эта особенность объяснима тем, что продолжительная военная служба отрывала казаков от гражданской жизни, от родных мест и близких им людей. Все это не могло не отразиться на репертуаре лирических песен. Названия каждой лирической

песни ярко характеризуют ее содержание: «Молодая казачка», «Когда мы были на войне», «За Тереком огонь горит», «Ехали солдаты со службы домой», «По бережку крутому» и другие. Тематика проводов казака на службу, прощания казака с молодой женой прорабатывается в различных песенных жанрах мужской и женской лирики. В одной лирической песне разрабатывается тема проводов казака на службу, где «отъезжает миленький дружочек от сударушки своей» и обещает ее помнить «я бы рад, душечка, с тобой пожить, да служба царская мне не велит…» и далее «да я сроду тебя никогда не забуду…, я тогда тебя забуду, когда закроются мои глаза… когда засуплются… тогда забуду тебя навсегда» [Путилов 1946: 98-99].

Интенсивное развитие мужской лирики чрезвычайно характерно для песенных традиций юга России и традиции терских казаков. У казаков в прошлом существовали исторические песни лирической разновидности, так как они являлись активными участниками исторических событий, о которых они пели. Традиции историко-песенной лирики нашли дальнейшее развитие в походных казачьих песнях.

Рядом с тремя ведущими тематическими комплексами (военная служба, семья и любовь) казачья лирическая песня разработала и сохранила множество других мотивов и тем, не замыкаясь в определенные законченные циклы. Все выше отмеченные особенности, в сочетании с глубиной содержания, искренностью, простотой и эмоциональностью, придает песенному фольклору казаков самобытность, уникальность, обеспечивая ей особое место в общерусском фольклоре. Лирическая песня выразила бесконечный по своей глубине мир эмоциональных переживаний казаков и показала устойчивость их духовных ценностей, выработанных многовековым творчеством. Эта тематика нашла свое воплощение не только в семейно-бытовом цикле, она звучит и в военных песнях, где изображена существенная сторона жизненного уклада казаков: постоянная разлука семьи с мужчиной, горе матери, жены, сестры, их тревога за судьбу любимого человека, ожидание встречи и т.д. Однако более разносторонне и углубленно картину этих отношений дает именно жанр семейно-бытовой лирики.

Достаточно обширна и популярна группа плясовых, шуточных и игровых песен казаков, составляющая яркий жанрово-

стилистический пласт бытового фольклора казаков. Многие игровые песни в станицах было принято петь в пору зимних святок, на вечеринках в период между Рождеством и Крещением.

На судьбу песенного фольклора гребенских и терских казаков, безусловно, оказало влияние полиэтничное иноязычное окружение. Как считает Н.А. Криничная, «осознание значимости своей традиции в иноязычном окружении, признак живучести данной этнической группы, и чем больше опасность нивелировки, исчезновения этнокультурной традиции, тем заметнее тенденция, связанная с ее сохранением» [Криничная 1995: 33]. Соседство и общение с горцами сопровождались у казаков, как известно, заимствованием некоторых обрядов, обычаев, бытовых элементов, танцев, что особенно проявилось в особом песенно-танцевальном жанре – лезгинке, особенно популярной у казаков, которые называют еще скоморошинами. Русские скоморошины, гармонично сочетаясь с грациозной горской лезгинкой, под удары тулунбаса (большой барабан), а иногда и медного таза, постепенно образовали специфичный песенно-танцевальный жанр – лезгинку, ставшую любимым танцем казаков, поскольку даже частушки исполнялись на мотив лезгинки. Песенно-танцевальный жанр лезгинки был настолько популярен в казачьих станицах на Тереке, что они игрались на всех праздненствах от «мала до велика». Танцы-лезгинки сопровождались обычно пением под бубен с гармошкой, пользовались популярностью барабаны, мандолины, дудки, а также горские музыкальные инструменты – зурна, доул и др. Специфичный для общекавказского фольклора метроритм, четкое структурно-композиционное мелодическое построение, ладо-гармонические кварто-квинтовые обороты, характерные для горского фольклора, – все эти и другие особо специфичные черты выделяют казачью лезгинку в разряд феноменального творения народов как результат их многовекового полиэтнокультурного взаимодействия, что еще раз подтверждает автохтонное происхождение гребенцов.

Шуточные и плясовые песни казаков состоят преимущественно из песен, в которых чаще всего поется об удалом добром молодце. По содержанию песенно-танцевальные жанры (лезгинки, пляски) насыщены социальными мотивами, в них

много неподдельного юмора и сатиры, острых замечаний, они воплощали и любовную тематику, отражая присущие казам чувства юмора, веселья, оптимизма и удальства: «Как заставил меня муж», «Офицерик, офицерик» «Полно вам снежочки», «Расти, расти калинушка», «Во горушке ковылушка», плясовые песни «Люблю я казаченьку», «Ой вы, бабочки, бабеночки», «Все кумушки пьют» и др. Исполнительская манера певческой традиции в речитативном характере произнесения зачинов, использовании твердости звуков, придает исполнению особую лихость и темперамент. Песни, исполняемые женщинами, основная тема которых неудачная любовь, разлука, измена милого, популярны и сегодня: «Обломилась доска», «Туман, туман», «Комарики», «Молодая казачка». В песнях высмеивают нерадивую жену и нерадивого мужа, которого легко обмануть, с юмором изображают молодку-бабеночку. Характерно то, что некоторые мотивы переходят из песни в песню, и если в разгар танца слова одной песни заканчиваются, то исполнители продолжают ее словами другой, похожей скоморошины и это может продолжаться довольно долго. Например, слова популярной на Тереке лезгинки «Офицерик молодой», как бы продолжая песню гармонично перетекают в другую, при этом сохраняя музыкально-поэтическую структуру и развивая содержание и смысл первой. Текст первой песни заканчиваются на словах «Пар голову не берет,/ Бог здоровья не дает» и продолжается: «Задумала молода/ Своево мужа обмануть./ Нарубила сырых дров,/ Затопила печку вновь./ Затопила подожгла,/ Сама по воду пошла/… Зашаталася, пошла/ Мимо милого двора./ У милого у двора/ Там крутая гора/ Водицею улита,/ Башмачками убита./Распроклятый каблучок,/ Подломился каблучок./ …А дивица на бочок./ Туда глядь, сюда глядь -/ Меня некому поднять./ Оглянулася назад -/ Идет Ванюшка-казак.» [Терек вспышный 2007].

Для народных песен XIX в. становится характерным процесс «олитературивания» - сближения народных текстов с литературными при значительном доминировании последних.

Песни XX века - уже новый этап в развитии терского фольклора, основу которого составляют песни политические, революционные, в основном литературные. С фольклором их сближает только устность, вариантность и анонимность бытования.

3.2. Хронотоп казаков в архитектонике песенного фольклора

Традиционный песенный фольклор гребенских казаков, созданный в результате многовекового взаимодействия доминирующего славянского суперэтноса с соседствующими этносами горских народов, безусловно, взаимосвязан со многими культурно-историческими пластами и наиболее целостно запечатлел хронотоп гребенцов и его трансформацию.

В эпоху древней средневековой архаичности, когда человек особенно остро ощущал свою нерасчлененную сопричастность к окружающей его природной среде, именно хронотоп придает песенной мифопоэтике содержательную эмоционально-образную компоненту, где пространство и время одухотворяется и очеловечивается. Силам природы придавался личностный характер, и на этой основе человек верил в наличие с ней родственных связей.

Хронотоп гребенских казаков достаточно ярко запечатлелся в жанре лирической балладной песни, который в современном песенном репертуаре гребенских казаков занимает определенное место, хотя на бытовом уровне он объединяется с историческим, а частью с лирическим жанром песни. Большинство записанных баллад отличается большой сюжетной ясностью, цельностью и строгой соразмерностью отдельных частей и деталей. Многие из них, имея реальные исторические основы, уходят своими корнями в глубокую древность, другие возникли как отражение реального казачьего быта.

Примеры тесной связи человека с природой мы обнаруживаем практически во всех казачьих песнях, особенно ярко это прослеживается в эпических жанрах песенного фольклора казаков. Обращаясь к солнышку как к одушевленному персонажу «Ишо ты зайди, ты зайди-ка,/ Красное … ой да ты солнушко,/ Ай ишо ты зайди, ты зайди,/ Над горой …. Ой да над высокой,/ Ай ишо отогрей ты нас, сирот,/ Нас сирот… , ай сирот бедных,/ Ай ищо ты нас сирот бедных,/ Казаков …, ой да военных…», казаки одухотворяют солнышко и наделяют его божественной силой. В другой песне казак, выражая всю силу любви к жизни, перед смертью обращается к силам природы: «Прощаюсь, ангел мой, с тобою,/ Прощаюсь, счастье мое,/ Увы, я вынужден судьбою/ Под сводом неба жить один./ Заря меня не нарумянит,/ Роса меня не освежит,/Но солнце

греть меня не станет/ И ночь меня не усыпит./ Зарей польются из глаз слезы,/ На сердце упадет туман,/ И целый день промчутся грозы…». Взаимосвязь пространственно-временных координат: неба, зари, росы, солнца, тумана, грозы образуют некий эмоционально-образный комплекс мифопоэтических звуковыразительных средств, сосредоточенных на выражение всей полноты человеческого бытия.

Хронотоп в песенном фольклоре гребенских казаков прослеживается не только в системе звукообразов и метафор, но приобретает семиотические и аксиологические смыслы. Он способствует воплощению их духовно-нравственных установок и ценностных ориентиров и, в этом смысле мыслится как абстракции в построении картины унифицированного Космоса, единой и упорядоченной Вселенной.

Силы природы, гармонично создавая соответствующий содержанию образ «Не из тучушки они ветерочки дуют/ Ай не дубравушка во поле шумит», вовлечены в эмоционально-образное повествование и вместе с тем дают пространственную характеристику. В лирической песне образы «синя моря, на котором восплавливал белый лебедь, а «во зеленом та ли саду, ай да черной ли ворон… воскаркнул» являются полноценными участниками, развернутой в песне, драмы, в которой «мать по сыну слезно плакала».

Следы такого древнего архаического мировосприятия, метафоричности мышления, символизации образов наиболее целостно сохранились именно в песенном фольклоре гребенцов, что красноречиво говорит о древнеязыческой первооснове их фольклора.

Одна из особенностей пространственных представлений в языческом мировоззрении казаков состояла в том, что через пространство давалась характеристика времени. Продолжительность времени интерпретируется через далекие расстояния, а когда человеческая жизнь переводилась на язык пространства, она рассматривалась как длинный путь. Смерть – это переход через рубеж, а высота полета птицы символизировала дальние времена. Время обозначалось также через быстроту передвижения, через преодоление пространства в краткий срок. Измерение времени через пространство порождало метафору, приобретая, таким образом, эстетическое и художественное значение. Ориентация во времени и осознание его в языческой Руси ярко выражалось во внимательном отношении к ритму природы и умению согласовывать

ритмы своей жизни с ритмом природы. В гребенской песне время осмысливалось, как правило, в неразрывной взаимосвязи с природой: «Как по утреной зореньке,/ По ясной по белой по заре/ Ай стучит, гремит миленький/ Во мою спальну окно».

Из-за отсутствия дистанции между человеком и окружающим миром у человека средневековой культуры еще не могло возникнуть эстетического отношения к природе. Однако включение ландшафта и животного мира, особенно символики птиц в образную палитру песенного фольклора гребенцов заметно расширяет пространственно-временные представления, что, по нашему мнению, определяет и специфичность хронотопа гребенцов. В одном из вариантов древнейшей эпической песни «Еще не далече» пространство и время приобретают вполне конкретные и, кроме того, сюжетнообразующие черты: «Ай да что не в далече было,/…Было во чистом… поле./ Да ой там и ходил да и гулял/ Да на млад охотничек/… Да на младой гулешничек»… Дальше в песне посредством хронотопа описывается как «захватили младца… дождички осенние… покровские, снежушки глубокие… рождественские, морозушки крещенские». В этой связи уместно вспомнить А. Гуревича, который, характеризуя средневековый период, подчеркивает специфичность мировосприятия человека, который «уже не сливает себя с природой, но и не противопоставляет себя ей…. Неточность, приблизительность – характерная черта не только пространственных мер, еще более условным было определение времени» [Гуревич: 60-61]. Зачастую пространственно-временные представления гребенцов в песенном фольклоре, как бы предвосхищают повествование событий и даются в зачине песен: «Не по питерской ай славной по дороженьке…/ Там стояла она и да вот ета злодеюшка,/ А да темная темница». Эта неполная выделенность человека из природы сохраняется до тех пор, пока человек находит с природой источник удовлетворения своих основных потребностей. Нарушение всех границ между телом и миром, текучесть переходов между ними – характерная черта средневековой народной культуры и разумеется народного сознания.

С недифференцированным отношением людей к природе связан и образ «гротескного тела», нашедший свое выражение в гиперболических формах древнего искусства, где человек изображался нерасчлененным от природы в образе людей-растений.

Временной аспект отношений гребенцов к природе выражался в том, что они были внимательны к ритму природы, обожествляли и эстетизировали этот ритм, наделяя его нравственным значением. Повседневная жизнь, праздники, религия гребенцов также воплощались и закреплялись в их песенном фольклоре.

Пространство в песенной историософии реализуется через образы птиц, видящих и описывающих пространство сверху (сюжеты с мотивом встречи и разговора птиц), или героя, охватывающего его взором из потустороннего мира сна. Так, в одной из песен черный ворон, наблюдая с высоты, как бы предостерегает от беды: «Да ни черный ворон,/ Ворон вьется над вершиной скалой/ Ей, ой, там тавлинцы идут/ В черных бурочках строить свой завал./ Ой, горе будет вам тавлинцам/ Как линейцы придут». В песне «Ветер по полю шумит» раненный казак обращается к степному орлу: «Ты орел, степной орел,/ Ты побратуйся со мной,/ Ты не клюй же мое тело,/ Не терзай мои уста» [Песни гребенских казаков 1946: 151]. В другом аналогичном сюжете казак обращается к коню: «Уж ты, конь, ты мой конь,…/ Отвяжись-ка, мой конь, от березоньки,/ Побежи-ка, мой конь, вдоль дороженьки,/ Не давайся, мой конь, неприятелю./ А подайся, мой конь, отцу-матери,/ А жене молодой на словах расскажи,/ Что женился на другой, на сторонушке чужой,/ Что женила меня пуля быстрая,/ Первенчала меня шашка вострая,/ А в зятья меня взяла мать-сыра земля».

Пространственно-временная характеристика природного ландшафта не только предопределяет песенный сюжет, но зачастую задает образный строй и определенную тональность: «Во горах высоких,/ В ущельях глубоких/ Лежал убитый/ Молодой казак хороший/ Землей он засыпан,/ Камушками он заложен/ Как на этих камушках/ Врастала травка шелкова…». Обрисовывая пространство бытия - «горы высокие», «земля», «камушки», «трава шелковая» – включены в действо картины смерти молодого казака. В одной из песен, посвященной Кавказской войне, очень образно и живописно описан природный ландшафт, который вместе с тем дает четкую пространственно-временную характеристику происходящих событий: «Вечер поздний, непогодный/ По ущельям и скалам/ Вечер веял холодный,/ Дождь шел с снегом пополам,/… Там по бережку холмистым/ Путь дорожка легла».

В силу специфики условий жизнедеятельности и особого отношения к осваиваемому и контролируемому пространству представления о нем в казачьей культуре отличаются особой развитостью и разработанностью. Среда обитания казаков - открытые пространства, и Л.Н. Гумилев в своей теории фундаментальной закономерности развития этноса подчеркивал неразрывность взаимосвязей этноса с родным для него ландшафтом, которые и определяют этнические особенности общности и способы ее хозяйственной деятельности [Гумилев 2007].

Ландшафтная среда гребенских казаков представлена в образах реки, моря, степи-поля и гор. Однако образ моря в мужской традиции, несмотря на существенную роль военных морских походов в истории гребенских казаков, должного развития не получил и не обладает космологическими свойствами. Море для казаков – место развертывания событий. Так, в одной из баллад, повествуется о том, как «ясный сокол спалил свои сызые крылушки и сидел среди моря... на камушке», а «черные вороны в глаза ему надсмехалися» [Песни гребенских казаков 1946: 91].

Наибольшую разработанность в песенном фольклоре получил образ Терека, выступающий в ранние времена как мифический прародитель (отец, батюшка), жизнедавец и кормилец, в более поздние символизировал путь-дорогу, соединяющую разделенные части пространства и раздвигающую его границы. В былине «Уж ты, батюшка, наш быстрой Терек» образ реки Терека, характеризуя пространство гребенцов, символизирует для них микро и макрокосмос, и включает не только образ реки Терека-Горыныча, но и, образ Кавказских гор, степей, равнин, связывая с ними весь свой образ жизни, миропонимания и мировосприятия. Казаки, называя Терек батюшкой, быстрым Тереком, наделяют его божественной одухотворенной силой «Наш быстрой Терек, да еще что прорыл-прокопал,/ … Горы высокие» [Чирков 2005]. Поразительны по философской глубине и уровню метафоричности строки былины, в которых «Горы высокие, да еще как на устьице,/ Ой да у Терека, ой, Горыныча/ Да во сине море…». То есть река Терек для гребенцов, будучи «батюшкой», называется Горынычем (берущим начало в горах), а устьицем Терека является «сине море» Хвалынское. Полагаем, что древнее происхождение моря Хвалын-

ского, сохранившее свое наименование в памяти гребенцов, может служить подтверждением автохтонности самих гребенцов.

В песенном фольклоре гребенцов нашли воплощение не только пространственно-временные представления, но и нравственно-эстетические ориентации, воспевающие героизм, самопожертвование, патриотизм казаков. В песнях военной тематики подчеркнута готовность казаков сразиться, и с легкостью умереть: «В тихий ночей осенью сунженцы гуляют/ И про службу они про свою/ Песни распевают./ Скоро братцы, братцы, нам в поход/ Зима наступает./ Злой Шамиль, да он в бой зовет/ И не унывает/… Для нас вызов не беда/ Был Слепцов с нами/ Мы готовы, да мы хоть куда/ На конях орлами/ В поле лучше, да нам умереть,/ В доме не годится./ Если в доме, да нам умереть/ Лучше не родиться». В данной песне пространство тихой осенней ночи и мирное пение песен контрастирует с пространством предстоящего сражения с Шамилем и наступлением зимы. В исторических песнях повествуется о доблести и лихости казачьей: «С Малки, Терека, Кубани/ Довелось собраться нам,/ Чтобы дали басурманы/ Честь и место казакам./ Видно турки в старом деле/ Заартачились не впрок./ Позабыть уже успели/ Прежде заданный урок./ Лезут с грозною замашкой,/ Иль пойдем навстречу им./ За казачьей острой шашкой/ Туркам память подновим».

В одной из песен «Между Тереком и Сулаком» характеристикой пространства дано описанием героических боевых действий: «поля распаханы не плугами, а конскими копытами./ Заволочено несхожими семенами/ Казачьими и татарскими головами» [Песни гребенских казаков 1946: 69]. Исторические песни не только запечатлели подлинные реальные события, они передают патриотический дух казаков.

Традиционным для казачьих песен является то, что пространство и время предвосхищают сюжетное повествование, придавая нравственно-эстетическое, психологическое звучание. Описанием пространства и время зачастую создается не только общая атмосфера исторических событий, но и вся глубина психологической картины человеческой драмы, раскрывается индивидуализация образа. Повествуя о тюремном заточении Ермака Тимофеевича у турецкого султана, описание пространства констрастирует с картиной теремного заключения Ермака, его душевных переживаний: «На заре было, на зорюшке,/ На заре было на утренней,/ Со восходу солнца красного / Весь денешенек прекрасного./ Во турецкой

дальней стороне,/ Там стояла тюрьма темная./ Во тюрьме все двери медные,/ Подпорочки железные». Можно с полным основанием говорить о неисчерпаемости песни и приобщении человека через традиционный песенный фольклор к вечному течению времени.

Таким образом, специфичность средневекового хронотопа казаков, воплотившегося в их песенном фольклоре, характеризуется мифопоэтичностью, метафоричностью и нравственно-эстетической целостностью звукообразов, сформировавшихся при теснейшей взаимосвязи человека с миром природы и текучестью переходов между ними.

С переходом к новому времени, когда развитие промышленности создает условия для выработки иного отношения человека к природе – как к простому объекту его технического воздействия древнеархаическое мировосприятие и мироотношение постепенно изживается. В процессе исторической эволюции трансформация пространственно-временных представлений гребенцов особенно ярко прослеживается в жанрах исторической песни и балладе.

В результате существенных изменений эволюционного развития историческая песня приобрела лирико-описательный характер. По формально-художественному построению новые песни существенно отличались: они были лишены как лирико-эпической протяженности, так и чисто эпической речитативности, имели четкий маршевый ритм, короткие строчки, отчетливо делились на строфы, язык песен сочетал элементы живой казачьей речи с явными литературно-книжными реминисценциями. Общий тон таких песен – лирико-эпический, выражавший подлинные чувства казачьей массы.

Много песен посвящено Кавказской войне и войне с турками, в которых достаточно определенно и конкретно даны пространственно-временные характеристики (названия рек, станиц, городов), запечатлены известные казачьи военноначальники, атаманы Крюковский, Малома, Скобелев, Слепцов и др., что подчеркивает подлинность происходящих исторических событий. Реальность историческим событиям придает указание конкретных линейных отрезков времени – дат происходящих событий. Например, в песне о Шамиле указывается конкретный день: «Двадцать третьего апреля/ На рассвете белого дня,/ Как споем мы, братцы, песню/ Про чечена Шамиля./ Шамиль чечен и всех тавлин/ Ой собирал со всех гор». В другой исторической песне указаны год, число и месяц:

«Дело было в тыща семьдесят пятыих,/ В тех числах июня двадцать пятыих./ Хвалился собака король швецкий,/ Хвалился-восхвалялся» [Песни гребенских казаков 1946: 69].

По нашему убеждению, именно тексты традиционного песенного фольклора, написанные рукой носителя данной этнической группы, являясь, по выражению С.В. Лурье, «квинтэссенцией некой ценностной системы» [Лурье], наиболее целостно воплощают пространственно-временные исторические представления, нравственно-эстетические ценности и этнические константы.

Анализ пространственно-временных представлений средневекового дохристианского периода Древней Руси на примере песенного жанра гребенских былин позволил смоделировать первооснову их хронотопа, а также выявить тенденции исторического развития хронотопа ментальных стереотипов гребенцов. В раннем слое культуры отражена, прежде всего, органическая связь гребенских казаков со спецификой культурного ландшафта. Благодаря единству образа жизни на окраинах государства стереотипы сознания полиэтнического по составу гребенского казачества, в условиях горного и лесостепного ландшафта перестроились и выработали горно-лесо-степные стереотипы.

Общие тенденции изменения пространственно-временных представлений, определяющих сущностные для казаков явления жизни, состояли в движении к прагматике и конкретизации. Трансформация хронотопа совершенно очевидно прослеживается в ретроспективе песенных жанров, где наиболее древний по происхождению жанр былины воплотил и сохранил в себе следы архаического средневекового хронотопа, тогда как в исторической песне пространственно-временные представления гребенцов приобретают конкретно-прагматические черты. Неопределенные, размытые временные представления сменяются конкретными датами или описанием, четкой хронологией исторических событий, что особенно запечатлелось в жанре исторической песни. Изменение в содержательном плане временных категорий, в известном смысле, имело противоположную пространственным понятиям направленность - от природного к социальному. Именно поэтому тексты традиционного песенного фольклора наиболее целостно воплощают, по нашему убеждению, пространственно-временные исторические представления.

3.3. Мировосприятие казаков в мифопоэтике песенного фольклора

Анализ поэтического содержания песенного фольклора позволяет еще раз утвердиться в истинности выражения Дж. Вико о том, что «каждая метафора или метонимия по происхождению является маленьким мифом» [Вико 1994], поскольку поэтический язык как самый древний язык связан с мифом, а поэтический символизм своим истоком имеет миф. Исходя из этого о каждой песне можно говорить как о маленьком мифе.

С полным основанием можно говорить и о том, что весь комплекс мировоззренческих культурных представлений, воплощенный в историософии песенного фольклора, отражает традиционное сознание этноса или менталитет, под которым понимается система мировосприятияи мировоззрения, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения человека в конкретных обстоятельствах. Понимание менталитета как не четко сформированной и не вполне осознаваемой манеры мышления, где коренятся автоматизмы и привычки человека, выработанные на основе системы образов и ощущений и заложенные в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в нем, позволяет нам выявить систему ментальных ценностей гребенского казачества, складывающуюся под влиянием различных факторов в процессе социализации и адаптации этноса к окружающей его социокультурной среды, которая, по нашему убеждению, и образует систему ценностных доминант в структуре этнической картины мира.

Б.Н. Путилов, подчеркивая значимость фольклора в данном контексте, писал: «Фольклор сосредотачивает в себе существенную часть ментальной жизни общества, группы, семьи, которая связана с ситуациями, требующими вербального закрепления» [Путилов 1994: 52,56]. Е.М. Белецкая выявляет при этом и формообразующую функцию фольклора и отмечает, что в определенных исторических условиях фольклор является важным слагаемым формообразавания культуры нации, сохраняя при этом региональные особенности….» [Белецкая 2004: 237].

Поскольку мифы, являясь первоосновой песенного фольклора, могут образовывать единство мифологических текстов, объединенных в целостную систему совокупностью структурно-

логических связей, то вполне естественно и песенный фольклор может обладать некой совокупностью структурно-логических связей и в содержании, и в эмоционально-образном воплощении.

Согласно теории Дж. Кембелла, в которой «мономиф» трактуется совокупностью мифов, функционирующих в пространстве культуры и объединенных в систему структурно-логическими и символическими связями [Кембелл 2004], песенный фольклор гребенских казаков можно в процессе систематизации условно разделить на мономифы, объединенные структурно-логическими и символическими связями, которые в процессе социализации и адаптации этноса, могут быть доминирующей основой в выработке мировосприятия, мировоззренческих и ментальных ценностей.

К. Леви-Стросс, говоря о языке как универсальном средстве информации и образце для мифа, акцентирует внимание на цельности мифологического сюжета, которая обнаруживается благодаря повторам и держится на логических оппозициях [Леви-Стросс 1985]. Следуя его теории, таким образом можно заключить, что в содержании песенного фольклора гребенских казаков поэтические логические структуры эмоционально-образного воплощения образуют своего рода семантический каркас мифа, где, с одной стороны, действуют механизмы, воспроизводящие информацию в избыточном виде, а с другой – существуют средства сворачивания информации в предельно емкую в смысловом отношении «массу».

Таким образом, именно тексты традиционного песенного фольклора, написанные рукой носителя данной этнической группы, могут явиться «квинтэссенцией некой ценностной системы» [Лурье 2004: 317], поскольку они отражают ценностные доминанты, на основе которых формируется то или иное мировосприятие и мировоззрение. Справедливо указывая на взаимозависимость культуры, этноса, вероисповедания и региона, Г.Ф. Будде отметил, что именно «культура формирует и нормирует ментальные, моральные и эстетические категории, оказывает влияние на восприятие человеком действительности и на связанные с этим восприятием мнения и действия…» [Будде 1999: 150-151]. Безусловно, вся эта система мировосприятия и мировоззрения закрепляется в песенном фольклоре.

Специфичность мировосприятия казаков нашла свое воплощение в песенной историософии. Весь окружающий мир становится включенным и участвующим в событийную историю и картитну ми-

ра казаков, вся природа одушевлена. Часто казаки обращаются к солнышку как к одушевленному персонажу, деревьям, рекам, связь с объектами природы позволяет выразить силу любви перед смертью, прощание с родными. В исторической песне «Не из тучушки» силы природы вовлечены в эмоционально-образное повествование и вместе с тем дают пространственную характеристику, гармонично создавая соответствующий содержанию образ. В лирической песне образы «синя моря, на котором восплавливал белый лебедь, а «во зеленом та ли саду, ай да черной ли ворон… воскаркнул» являются полноценными участниками, развернутой в песне драмы, в которой «мать по сыну слезно плакала»... [Путилов 1946: 62]. Образ камушка, ясного солнышка наделяются одушевленными чертами и предопределяют неразрывную взаимосвязь человека с Миром. Символизация образов и метафоричность мышления позволяет передать глубину размышлений казака об утраченной своей молодости.

Формирование этносознания, идентичности и соответственно, песенной традиции казаков было неразрывно связано и осуществлялось под огромным влиянием природно-климатической среды и природного ландшафта. В силу специфики условий жизнедеятельности гребенцов и их особого отношения к осваиваемому и контролируемому пространству, специфичность культурного ландшафта для гребенских казаков определяется, прежде всего, концептами рек Терека, Сунжи, Малки, Кавказских гор, лесостепных просторов и в меньшей степени моря. Образное и живописное описание природного ландшафта в песне придает особую остроту происходящим событиям. Наибольшую разработанность в песенном фольклоре получил образ Терека, выступающий в ранние времена как мифический прародитель (отец, батюшка), жизнедавец и кормилец, в более поздние символизировал путь-дорогу, соединяющую разделенные части пространства и раздвигающую его границы. Образ моря в мужской традиции, несмотря на существенную роль военных морских походов в истории гребенских казаков, должного развития не получил и не обладает космологическими свойствами, в противоположность русским былинам. Море для казаков – место развертывания событий. Так, в одной из баллад, повествуется о том, как «ясный сокол спалил свои сызые крылушки и сидел среди моря... на камушке», а «черные вороны в глаза ему надсмехалися» [Путилов 1946: 91].

В одной из протяжных старинных песен «Долина моя, долинушка» в поэтической форме описывается бескрайняя широта долин, созерцается вольная степь и широта души русской: Долина моя, долинушка,/ Долина моя широкая, ой степь широкая./ Как по етой по долине, ой по долинушке,/ Вырастала травка, ой травка рощица./ Как по етой травке, ой по рощице,/ Туман, братцы, расстилается, ой расстилается туман./ Как с под етого тумана, ой с под туманика,/ Заря, братцы, занимается./ Как с под етой ясной, ой ясной зореньки,/ Солнце, братцы, ой выкаталося./ Выкаталось ясно солнушко,/ Выкаталось на зеленый луг» [Песни терских казаков 2018]. В зачине одной из песен образно вырисовывается поэтичность мировосприятия казаков: «И туманушки сподымитеся,/ Да вы мои туманушки,/ И ай сподымитеся./ Да ишо выше лесушки,/ Да выше леса темного,/… Да ишо выше морюшки,/… выше моря синего,/ … Да ишо выше садика,/ Да сад зеленого» [Путилов 1946: 105].

В балладе «Еще не туманушки» герой сюжета «раздобрый молодец» пересказывает свой сон, вещающий ему гибель на «чужой дальной стороне да во степи Кубанецкой» [Путилов 1946: 179]. Не случайно, на наш взгляд, выбран тональный фон пейзажной картины, рисующей образ тумана и синего моря, создающие соответствующий эмоциональный характер и как бы предвосхищающие какую-то беду. Герой, пересказывая свой сон, возможно символизирующий скорую гибель, как бы со стороны созерцает: «Да на чужой я на дальной, … старане/….Да во Кубанецкой ой да во дикой степи./Во дикой степи, да ишо сквозь частых моих,/ … ой ребрушек,/ Да трава мурава … проросла./Трава я проросла, да ишо во буйной та моей да,/… моей головушке,/Да куст ракитовой … прорастал». Можно сказать, что вполне традиционно остроту эмоционального состояния героя подчеркивает природный ландшафт, гениально вписанный в концепцию повествования баллады. А в финале «млад соловушек» символизирует продолжение рода погибшего казака, семейный очаг, радость и надежду на то, что гибель героя не напрасна: «Да младой соловушек да гнездо савивал/…..Да млад соловушек да детей выводил…./Да на младой соловьюшек да по веткам да рассадил/… Да млад соловьюшек учил их летать».

Концепты культурного ландшафта можно с полным основанием назвать артефактами в системе этнических констант, которые провоцируют активность члена в обществе, направляют и

предопределяют его восприятие мира, и, кроме того, выполняют важнейшую функцию психологической адаптации этноса к окружающей природно-социальной среде. Образуя космические и социальные категории в системе этнических констант, они явились ярчайшими константами в формировании этносознания гребенских казаков, поскольку именно под влиянием гор и речного фактора в большей степени формировался хозяйственно-культурный тип казаков, особенно в период их вольного поселения, а также способствовал кардинальным изменениям в материальной и духовной культуре [Григорьев 2014в: 98-100].

Концепты природно-ландшафтного комплекса подчеркнули архаикоязычный мифологизированный образ мировосприятия и этнического сознания казаков, унаследованного еще от первобытного средневекового мировосприятия со свойственным ему антропоморфизмом и явился основополагающим мотивом в песенном фольклоре, запечатлевшимся в фольклорном сознании гребенцов.

Таким образом, природно-ландшафтный комплекс рек Терека, Сунжи, Малки, Кавказских гор, повлиявших и определивших специфичность архаико-мифологизированной метафоричной образности этносознания казаков, явился антропологической первоосновой их традиционного песенного фольклора, воплотившего в себе процесс многовекового полиэтнического межкультурного взаимодействия народов Северного Кавказа и отразившего взаимообусловленность исторического развития этноса и экосистемы.

Анализ специфики традиционного песенного фольклора позволил автору сформулировать ряд теоретических выводов, обеспечивающих выявление мировоззренческих, аксиологических основ песенного фольклора казаков. Во-первых традиционный песенный фольклор как форма художественно-творческой деятельности и эстетического отношения к миру, являясь продуктом и результатом специфической духовно-практической деятельности своего этноса, реализует в процессе художественной деятельности свои функции и становится фундаментальной генетической основой в формировании и ретрансляции духовных, нравственно-эстетических, мировоззренческих личностных ценностей и эмоционально-образных чувств человека [Григорьев 2011: 134-136].

Вторым важнейшим научно-теоретическим тезисом является то, что традиционный песенный фольклор как полифункциональ-

ный вид этнической культуры ориентирован на формирование и развитие национального самосознания, духовной составляющей, этнической идентификации, а также направлен на сохранение культурной самобытности и этнокультурного своеобразия своего этноса [Григорьев 2011: 134-136].

Необходимо выделить и то, что традиционный песенный фольклор представляется механизмом корректировки поведения личности, его адаптации к социальной среде, а также средством мировосприятия и познания окружающего мира.

И наконец, именно традиционный песенный фольклор как вид синтезированного народно-художественного творчества музыки и устного народного творчества особым образом выражает мысли и эмоции человека в звуковой форме, содержание которого составляют художественно-интонационные образы, запечатленные в осмысленных звучаниях (интонациях) как результаты отражения, преобразования и эстетической оценки в сознании человека [Григорьев 2011: 134-136].

3.4. Ментальные и духовно-нравственные ценности в песенной историософии казаков

Представления о социально-этническом идеале казаков, его качествах отразились в различных жанрах устного народного творчества – пословицах и поговорках, былинах, в исторических и военно-бытовых песнях, в любовной лирике [Белецкая 2004: 13].

Специфический образ жизни гребенских казаков, связанный с военной службой, ощутимо повлиял на их музыкально-поэтическое творчество. Их песенный фольклор насыщен картинами освоения Северо-Восточного Кавказа и отражает историю защиты южных рубежей России. В песнях нашли отражение особенности самосознания казаков: отношение к службе, жизни и смерти, царской власти и свободе, чужбине и родной стороне. Характеризуя содержание песенного фольклора казаков, важно отметить, что благодаря жанровому многообразию, песенный фольклор оказывается способным к разносторонней разработке тем, изображению ряда существенных явлений действительности с различных идейно-эмоциональных позиций.

Огромную роль в формировании духовно-нравственных личностных ценностей играла сама система семейного воспитания в казачьей среде. Дети казаков, ощущая с раннего детства на себе атмосферу и казачий быт, впитывали этические и нравственные нормы и ценности, традиции и культуру, законы дружбы и межнационального общения, чувство воли и свободы, и вместе с тем знали долг и обязанности казака. Идеей подготовки воина-защитника была пронизана и система воспитания будущего казака.

Уважение к женщине, честь и слава также являлись неотъемлемой частью казачьей культуры, воспитываемые и впитываемые с детства. Уже с трехлетнего возраста маленького казака сажали на коня, собирая с малолетства его будущее снаряжение, а в 14 лет подростку покупали жеребенка, с которым он продолжал взрослеть. Нравственный облик казака ценился не уровнем материального благосостояния, а нравственно-этическими критериями в отношениях. В процессе воспитания непосредственно принимали участие, с одной стороны, мужчины (деды, отцы, братья), а с другой - женщины (матеры, сестры).

Характерной чертой психологии молодых казаков, начавших свою военную службу, было осмысление себя сквозь призму образов героической истории своих предков. Люди, «рожденные» образом жизни казаков, были заранее подготовлены к подвигам, к деятельности во имя блага Отечества, у них формировалось ощущение общности исторической и национальной судьбы с Россией и своей малой родиной, осознание своего долга участвовать в укреплении территориальной целостности России. Необходимые духовно-нравственные качества закладывались казакам с детства: это, прежде всего, патриотизм, готовность к самопожертвованию за Веру и Отечество, готовность к подвигу во имя казачьей славы и т.д. Эти нравственные ценности явились духовной основой и важнейшей особенностью, которые нашли свое отражение и в социальной психологии терско-гребенского казачества.

Именно в борьбе за свою самобытность казачество отчаянно отстаивало свои привилегии, поскольку, лишившись, в конце концов, практически всех привилегий, казаки сохранили самое ценное для них – личную свободу.

Развивая традиции древнерусской народной поэзии и песенного творчества, казачество вырабатывало свою песенную традицию и свой своеобразный репертуар.

По точному замечанию Е.М. Белецкой, в локальном репертуаре казаков особенно выделяются песни, отражающие социальную психологию казачьего субэтноса, при этом образ казака или казачки занимает центральное место, независимо от жанра, а каждый из сюжетов описывает героя в определенной ролевой ситуации, что, несомненно, влияет на характер образа. Коллективная (социально-групповая) психология казачества проявляется и в содержании песни, и в ее форме [Белецкая 2004: 19]. Характерной особенностью проявления коллективной психологии казачества является позиционирование себя как единого коллектива как в сражениях с внешними врагами, так и в отношении к атаману. Зачастую атаман обращается к казакам с речью, советуясь с ними.

Песенный фольклор казаков в целом содержит в себе сильнейший отпечаток традиционно складывающегося и во многом своеобразного казачьего образа жизни (семейно-бытовой уклад и культурные традиции). В песнях широко отразилась такая существенная сторона казачьей жизни, как военная служба со всеми ее тяготами и лишениями: походами, войнами, разлукой с семьей, гибелью вдали от родной станицы и т.д. Кроме того, казаки находили в песне наиболее полное и точное, поэтическое выражение чувств и переживаний, всего комплекса душевных эмоций, радостей и горестей, которыми жил простой человек.

Одна из особенностей социальной психологии казачества заключается в идее братства казаков по духу, которая закреплена в различных песенных жанрах и широко распространена в формуле-обращении «братцы». Традиционная формула русского фольклора «добрый молодец» конкретизируется и трансформируется в «гребенцы-молодцы».

Значительное внимание лирическая песня уделяет теме семейных раздоров и измены. Тема семейной неверности разработана в ряде песен в двух планах – трагическом и легкомысленно шутливом. В мужских песнях часты мотивы разгульной тоски, сожаления по напрасно растраченным чувствам. Одна из походных казачьих песен «Скакал казак через долину» повествует об измене казачки своему жениху: «Кольцо казачка подарила, когда казак ишел в поход,/ Она дарила, говорила, что через год буду твоей./ Вот год прошел, казак стрелою в село родное поскакал…./ Он видит домик под горою, забилось сердце казака./ Навстречу шла ему старушка,

шутейно речи говорит: /«Напрасно ты, казак, стремишься, напрасно мучаешь коня./ Тебе казачка изменила, другому счастье отдала»./ Он повернул коня налево и в чисто поле поскакал./ Он снял с плеча свою винтовку и жизнь покончил навсегда: «/Пущай казачка вспоминает меня, лихого казака» [Григорьев 2002].

Мотивы неудовлетворенного, безответного чувства осмысливаются в песне скоморошьего склада в юмористической интонации. В одной из скоморошьих песен «Все кумушки пьют» в легкомысленно шутливом тоне обыгрывается тема обмана старого мужа молодой женой, и вместо богатых подарков жена получает ременного кнута: «А муж с хомутом, с ременным кнутом, / А мужья жена – да в лес по дрова…» [Григорьев 2002: 42].

Наиболее точная и полная характеристика социально-психологических особенностей казачества содержится в военно-бытовых песнях, посвященных военной службе и всему комплексу бытовых явлений и переживаний, связанных с этой темой. Значимость и разнообразие этого раздела объясняются тем, что гребенское казачество более трех столетий несло тяжкий груз воинских обязанностей, которые превратились в важнейшую составляющую часть его быта и духовной жизни, определив во многом общественные, семейные, хозяйственные и иные отношения в станичном укладе.

Одна из центральных тем в песенном фольклоре гребенских казаков - военная служба, которая, сопровождая всю жизнь казаков со всеми тяготами и перепитиями, именовалась зачастую в песне матушкой: «Да служба ли, матушка, тебе надоела /Али заболел твой вернай конь». Н.А. Мининков, отмечая особое положение казаков, пишет: «взысканность» (т. е. обласканность властью), востребованность, наряду с честью и славой, являлись для казаков важнейшим мотивом их службы [Мининков 1992]. Понятие службы вошло в обиход казаков еще в период их вхождения в состав Российской Империи и относится еще ко времени Ивана Грозного («казанская служба»), а возможно и более раннему» [Мининков 1992: 7].

Сюжет, связанный с образом царя, содержит очень важный для казаков мотив – право на ношение бороды, которого их хотят лишить. В песне в жанровой форме плача содержится обращение казаков к царю «да вы не брейте-ка... да бородушки, да вы снеситека… да вы наши головушки» [Путилов 1946: 64] и отражается психология казачества как субэтноса, традиции которого явились основой

сословного облика казака. В контексте сакрализации власти в традиционной картине мира Средневековья измена царю считалась грехом, в известной степени сопоставимым с изменой вере.

Служба как привычный и единственно возможный способ жизни, превратившись позже в повинность, постепенно обнажает свои негативные стороны, как бы открываясь в казачьем фольклоре с иной точки зрения. Это противоречие в службе отметил Ю.М. Лотман, видевший его в двойственности представлений: с одной стороны, «служба из чести», а с другой – служба как «государственная повинность» [Лотман 1994: 39]. Следует отметить еще одно противоречие, которое заключалось и в идее Петра I о равенстве в службе: …казаки всегда выделяли себя среди других служивых, подчеркивая свои преимущества в умении нести службу и бескорыстие своего служения. В этой связи важно отметить характерную особенность многих казачьих походов и их мотивации, которые формировали мировоззрение казаков и их духовно-нравственные ценности. Например, идя под Азов, казаки подчеркивали необходимость спасения поруганных древних христианских святынь - светлых образов Предтечи и Николы. В войнах против турок целью служило освобождение единоверцев, братьев по крови и языку (славян «братушек») от рабства и обращения в другую веру. Любой военной компании необходим был благородный дух, пафос, который формулировался в известной формуле: «За други своя», который воплощался, прежде всего, в песенном фольклоре, транслируемом затем из поколения в поколение, передавая дух предков, их героизм, гражданственность, патриотизм и формируя при этом высшие духовно-нравственные ценности у будущего поколения.

Едва ли не главной сословной добродетелью считались казачья честь и слава, связанные с хвалением и восходящие к древней ритуальной практике. Слава, толкуемая в религиозном смысле, имеет небесное происхождение и восходит к письменной христианской традиции. Если в христианской религиозной традиции слава предназначалась грядущему Сыну человеческому, то в жизни мирской она полагалась и воинам-победителям. Формулы славы, сложившиеся в устной казачьей традиции, многочисленны: «слава громкая, речь высокая (хорошая)», «слава хороша», «слава громкая большая», «гремит слава трубой», «лежит слава громкая», «слава пролегла», «славьтесь, славьтесь, казачки», «слава герою» и т. п.

Понимание славы как важнейшей духовной ценности и стремление к ней казака-воина воплотилось в устном фольклоре: «жизнь хоть собачья, да слава казачья». Казаки считали своим долгом оставить детям и потомкам «честное и благородное имя», передавая его из поколения в поколение. Как когда-то прирожденная воля, так и унаследованная слава, вела воина вперед и во многом определяла пафос существования.

Не менее важным качеством для казака были честь и долг, воспитываемые с детства. Согласно казачьей этике, «честь» не дает человеку никаких привилегий, а напротив, сопряжена с обязанностью и долгом. В идеале честь являлась основным законом поведения казака и безоговорочно преобладающим над многими другими соображениями, будь это выгода, успех, безопасность или просто рассудительность. Чувство долга было замешано на чувстве собственного достоинства, и казаки, отправляясь на войну, получали от старших казаков в семье наказы: «не опозорь роду нашего»; «погибай, но не сдавайся», «сам погибаешь, а друга в беде не бросай» и т.д. Центральной темой в песенном творчестве – товарищество, взаимовыручка. Тематика смерти в бою, несмотря на трагичность, сопровождается в песне, как правило, философскими размышлениями, обращенными к друзьям-товарищам с просьбой выполнить его завещание, раскрывает психологическое состояние умирающего воина и соотносится вместе с тем с представлением о том, что смерть на поле боя – почетна.

Быть достойным славы дедов и отцов было для казаков нравственным долгом, и эти ценности воспитывались, передавались и закреплялись из поколения в поколение как заповеди. Поэтому у казаков в ходу - такая поговорка «казачьему роду нет переводу», ставшая для казачества символом выживаемости и жизнестойкости на многие века.

Тематика военной службы нашла свое отражение в различных песенных жанрах гребенского фольклора, образуя мощный пласт мужской лирики: это тяготы службы (быт, ранения, смерть на чужбине), особенно характерны для «кавказских» песен конца XVIII - XIX веков; возвращение казака домой, проводы на войну, ожидание казака и т.д. Естественно эта широчайшая гамма эмоционального настроя, сопереживания всех станичников радости или горя, являлась эмоциональной основой в формировании нацио-

нального единения, целостности, мировоззрения, самосознания и сопричастности к своей общности на основе высших духовно-нравственных ценностей.

Сама служба в песнях изображается с большой реалистичностью. В песнях военной тематики, прежде всего, нашли отражение чувства патриотизма, тоски по родным краям, выражена постоянная готовность защитить Россию-матушку от внешних врагов и постоять за ее интересы, что, безусловно, повлияло на мировоззрение и менталитет казаков. Песни военной тематики, как правило, полны оптимизма, воспевают силу русского человека, его веру в победу над врагом: «Из под горки все туман, все туман,/Из тумана -серый конь, серый конь,/На коне-то командир наш боевой, боевой.//Он скомандовал: «Казаки, все за мной, все за мной!»/Ведет сотню казаков за собой, за собой:/«За мной, братцы, не робей, не робей,/Опрокинем всех врагов поскорей, поскорей!» [Агаджанов 1974:94]. В одной из песен служба представлена в оптимистических тонах: «Чем казакам не житье,/ Не веселая служба,/ Им и холод, им и голод,/ Им и строгая служба./ Мы уборку произведем,/ На всю ночь гулять пойдем» [Путилов 1946: 76].

В одной из исторических песен генерал Маламакин, а в другом варианте «император царь Ляксандр», обращаются к казакам перед битвой с турками: «С полдня ветер поддувает,/С громом дождичек идет./Турок войско собирает,/Пишет в гости к нам придет….». Далее в песне идет обращение к казакам и солдатам: «Вы, казаки и солдаты,/ Вы не бойтися орды,/ Стройте козлы и лафеты,/Заряжайте картежом,/ Режьте, бейте, не жалейте,/ Прямо лезьте на «ура». В тексте описывается беспримерно отчаянная битва казаков, где подчеркивается их мужество и героизм: «Трое суток мы дралися,/ Кровь лилася с нас рекой./ По лощиночкам сливалась,/ Становилася морей./ …Мы считали кровь за воду,/ Но нельзя нам было пить» [Кабанов 1967-1969]. В песне «Что не белая заря занималася» также сформулирована патриотическая тема: «Уж вы, други, мои, вы казаченьки, / Вы на славные мои станичники,/ Вы постойте-ка, братцы, животом своим/ За Царицу ли за Матушку, за Гудовича за князюшку,/ За родимую за сторонушку, что за буйные головушки».

В исторической песне «Не бил барабан перед смутным полком» воплощены образы трагичной гибели казака: «Не бил барабан перед смутным полком,/ Когда мы вождя хоронили,/ И труп не

с ружейным батальным огнем/ Мы в недра земли опущали.// И бедная почесть в ночи отдана,/ Штыками могилу копали,/ Нам тускло в тумане светила луна/ И факелы дымно сверкали.// На нем, на усопшем покров гробовой,/ Лежит он в дощатой неволе…/ Обернут в широкий свой плащ боевой,/ Уснул он, как ратники в поле.// Еще не свершен был обряд роковой,/ Как час наступил разлученья,/ И с валу ударил казак вестовой -/ Он нам есть предвестник сраженья» [Чирков 2008].

Особая тема военных песен - печальные думы казаков, заброшенных на «чужу-дальню сторонушку», о гибели на чужбине, о доме, о родной стороне: «Сторона ты моя, вот моя сторонушка,/Сторона моя чужая, все чужая./Я не сам-то зашел на тебя, сторонушка,/Не сам я зашел, заехал./Занесла-то меня, раздоброго молодца,/Занесла меня неволя, все неволя…» [Агаджанов 1974: 92]. В ряде песен, посвященных родной сторонушке, противопоставляется чужбина: «Что же ты, братец, /Ты не пьешь, не ешь,/ Не весел сидишь?/ Или тебе, братец мой,/ Гульба не мила?/ - Все-то мне мило,/ Все-то хорошо:/ Одна мне не мила/ Чужая сторона». В песнях чужая сторона, как правило, несет оттенок грусти-печали, расстования, гибели: «Ай ишо занесла та ли меня,/ Меня служба царская,…/Ай ишо сторона та ли моя,/ Моя чужа дальная…» [Григорьев 2002: 16].

Тема смерти представлена и таком жанре как духовный стих. Один из образцов этого жанра «Задумайся, человече» представляет глубокий по своему философскому содержанию текст, в котором рассуждается о смысле жизни, об ответе души за грехи земные. «Задумайся человече», говорится в духовном стихе, «по всякай час смерти»,/Сколько ни жить на сем свете, / Надо умерети//». Размышляя о жизненных ценностях во второй строке, отмечается, что «об роскоши забота/ Полна помышляти./ А как придет скорая смерть/ Мы того не знаем». Еще в те времена казаки справедливо подчеркнули прозу и суетность человеческой жизни: «ударили звонкие гласы/ Последние за ними./ Все сказали - вечная память/ По его скончине// Все сродичи, приятели/ Тело провожали,/ Отец, мать, жена, дети/ По ему рыдали// Лежат кости нетленные, А тело потлело,/ Пошла Душа отвечати/ За каждое дело»//. В духовном стихе, по сути, дается ответ на извечный вопрос о смысле человеческой жизни, который выражен в заботе о душе: «Пошла Душа по

мытарству/ За грехи страдати,/ Там не помогут приятели,/ Ни отец, ни мать» [Чирков 2008].

В тематике военной песни, отражающей все тяготы военно-полевой казачьей службы, запечатлены сюжеты, в которых повествуется о том, как вдовы, считая погибшими своих мужей и сыновей, после долгих лет разлуки не узнают своих близких. В одной из песен - «Садилось солнце красное» передается сюжет, в котором два героя попросились к вдове заночевать: «Пусти, пусти хозяюшка,/ Пусти переночевать!» в форме диалога вдовы и одного из гостей выявсняется, что вдова не признала ни мужа, ни сына: «-Я мужа не узнала,/ Какой он стал седой!/ А сына не узнала -/ Какой он стал герой» [Терек вспышный 2007].

Характерной особенностью гребенцов – это неразрывная взаимосвязь казака с конем, что нашло свое отражение в их песенном и устном творчестве: «Без коня казак кругом сирота», «Казак голоден, а лошадь его сыта», «Казаку конь себя дороже»…и др. В известном сюжете «Спор сокола с конем» [Путилов 1946], в котором побеждает конь, показан поэтический образ коня в сравнении с соколом, чем особенно подчеркнуто предпочтение коню, отмечена его особая роль в казачьем воинском и хозяйском быту.

В мужской лирической песне «Еще ни сестра-та ли брата» [Чирков 2008] предстает радостная встреча сестры с братом и подчеркнута роль и почитание коня. Так, в начале встречи сестры с братом особое внимание уделяется коню: «ой, да еще за два повода коня… она принимала… ой да еще горючьми-та слезами, ой, да коня она обливала». А в конце песни на вопрос сестры «какова ли служба», брат отвечает: «Ой, да еще зимовая да служба,/ Ой, да коню корму нету/ Ой, да еще как коню корму много,/ Ой, да молодцу она веселья». Как мы видим, в финале песни радостно встречают не только казака, но и коня как верного друга и спутника казака, поскольку казак во всем полагается на удачу, на шашку и коня, а во многих случаях именно конь спасает казака. О стремлении казака к семейной жизни говорят многие пословицы, записанные Г. Малявкиным в станице Червленной: «Казаку одному не приходится», «Лучше плохой постой, чем хороший поход», «Хорошей женой дом держится» [Малявкин 1891: 128-129] и др. Одно из основных качеств казака – вольнолюбие - отразилось в пословице: «Верблюду дай соли, а казаку – воли».

Наша идея систематизировать песенный фольклор гребенских казаков и классифицировать его не по жанровому принципу, а по идейно-образному воплощению, с целью выявления ментальных ценностей, обрела теоретическое обоснование в теории «мономифа» Дж. Кембелла. Поскольку совокупность мифов (как первоосновы фольклора), объединенных структурно-логическими и символическими связями в мономифы, образует некую систему мономифов, постольку систематизация и анализ содержания песенного фольклора по принципу выявления структурно-логических и символических связей, позволила выявить систему ментальных ценностей казаков.

Анализ содержания песенного фольклора гребенцов позволяет выделить личностные этнические свойства, образующие систему ментальных ценностей, среди которых: воля (казачья воля в понимании свободы социально-общественной и свободы личностной); патриотизм во всех проявлениях (самопожертвование во имя любви к Родине к Отчизне, к своему роду); казачье братство, солидарность; слава («Во славу Отечества», «Во славу роду казачьему»); честь (готовность каждого отдать жизнь «за Царя, за Веру, за Отечество», но не опозорить честь казака - наивысший нравственный долго казака, передававшийся как завет по наследству). В процессе анализа ценностных ориентиров нам удалось выявить духовно-нравственные личностные ценности, определяющие ментальную сущность и мировоззренческую специфику казачества, и условно разделить их на три группы: социально-общественные: воля и свобода, честь и слава; военно-патриотические: патриотизм и самоотверженность, мужество и героизм; нравственно-этические: неукоснительное соблюдение обычаев, религиозных традиций и этических норм, уважение традиций и заповедей. На примере традиционного песенного фольклора гребенцов, синкретичного по своей сути, мы имеем уникальный пример целостного мировоззрения и мироощущения, который представляется нам механизмом корректировки поведения личности и его адаптации к социальной среде, а также средством познания картины мира.

Традиционный песенный фольклор терско-гребенского казачества, преобразующий в результате специфической духовно-практической деятельности своего этноса мифы в бытийно-реальное, вырабатывает систему ментальных ценностей, образующих ценностные доминанты этнической картины мира гребенцов. При этом ценностные доминанты как слитые воедино архаичные мифопоэтические, религиозно христианские и исторические

представления заложили идейно-патриотическую ментальную основу казаков, а также выработали этнические стериотипы и специфические нормы, проявившиеся, прежде всего, в песенном фольклоре, что и составило основание культурно-этнической картины мира казаков на Тереке.

Таким образом, традиционный песенный фольклор гребенского казачества, созданный на основе глубинной переработки религиозно-мифологических представлений и исторических событий, а также в результате специфической духовно-практической деятельности своего этноса, содержит в себе совокупность духовно-нравственных мировоззренческих ценностей, вырабатывает систему ментальных ценностей, и поэтому в наиболее концентрированном виде отражает этническую картину мира.

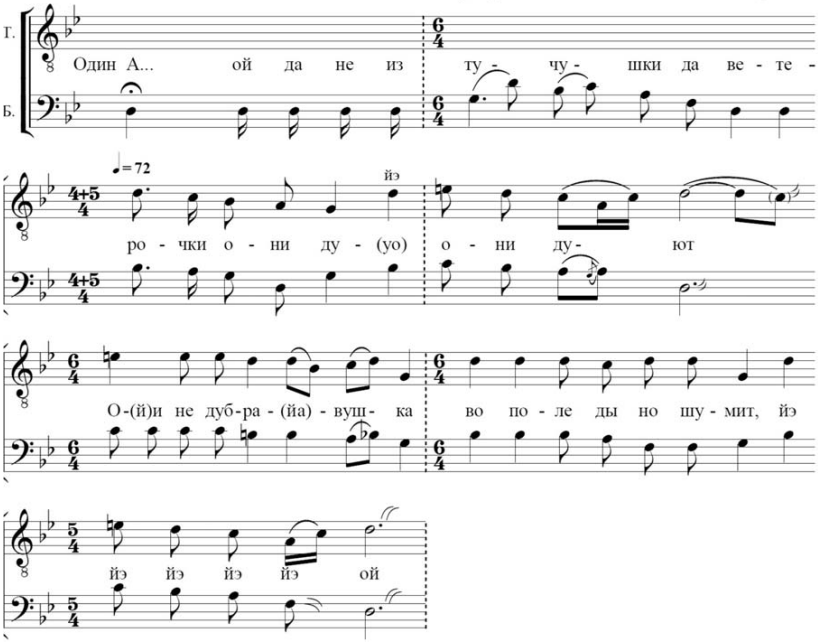
3.5. Музыкально-стилевые особенности песенного фольклора

Процесс формирования музыкальной лексики (ладогармоническая, ладоинтонационная метроритмическая особенность) песенного фольклора терско-гребенского казачества сопровождался многовековым полиэтническим взаимодействием славянского, горского и тюркского этносов [Григорьев 2011: 234-235] и прошел также сложный путь. К ярковыраженным специфическим особенностям можно отнести лезгиночный метроритм в плясовых песнях, квартоквинтовые обороты, характерные для горцев, ладоинтонационные обороты. Хотя музыковедческий аспект формирования музыкальной лексики остается пока малоизученной областью, анализ имеющихся исследований фольклористов А.С. Кабанова, А.А. Козырева, В.В. Сулаева, Г.Н. Марахтановой позволяет выделить специфические особенности песенного фольклора казаков.

Жанровая музыкальная система и поэтика текстов песен в терско-гребенской традиции формировались под влиянием южнорусской песенной культуры, региональных культур переселенцев, а также в результате долговременного поликультурного взаимодейтсвия с культурой горских народов. Результатом структурно-типологического исследования систематики песенных традиций явилось выявление особых, индивидуальных особенностей, присущих местному певческому стилю.

Исследованиям музыкально-стилевым особенностям песенного фольклора посвящена диссертация Г.Н. Марахтановой, в которой изучаются ладоинтонационная организация, специфичность полифонической фактуры, ритмической пульсацией, строение стиха терских казаков. Г.Н. Марахтанова, характеризуя звуковой объем и ладоинтонационную особенность, называет одну из ярких черт ладового строения песен местного стиля: «Звуковой объем напевов достигает ундецимы, дуодецимы… Третья ступень лада, как правило - «плавающая» (расщепленная) фм3-^фб3, характерна также вариантность шестой ступени и субкварты фм6->/1чб6, 4чм2~>фб2», что является специфической особенностью местной традиции [Марахтанова 2007]. В.В. Сулаев, отмечая многообразие ладовых средств, называет «миксолидийский мажор с пониженной шестой ступенью, дорийский минор с переливчатой шестой ступенью, переменный лад» [Сулаев 2019: 25]. В нотном примере старинной песни «Ой да не из тучушки» наглядно проиллюстрирована ладовая своеобазие с пониженными II и IV ступенями.

Ой да не из тучушки



Очень своеобразен лад в протяжной песне «Уж вы, горы мои». В ми-минорном запеве проходит III-я высокая ступень, а в 4-м такте в кадансовом обороте неожиданно появляется II-я низкая с мажорным наклонением и VII-я низкая ступени - с минорным, что придает остроту и колорит минорному звучанию. Нотный пример протяжной песни гребенских казаков «Уж вы, горы мои» наглядно иллюстрирует ладовое колорирование.

«Уж вы, горы мои»

♩=60

1. Уж вы го- ры мо - и йи ей вы го - ры йе, йе

ей... уж вы го - ры мо - я го - ры вы Кав - каз- ски - я

ой вы Кав-каз ски - я.

Характеризуя фактурный склад песен, Г.Н. Марахтанова отмечает его как многоголосный с функциональным двухголосием, в котором партии соотносятся по гармоническому принципу с синхронным движением голосов, при этом «в песенной фактуре присутствуют черты гетерофонии» [Марахтанова 2007].

А.В. Кабанов, исследующий песни наурской традиции, выделяет также: «широту мелодического объема наурских песен, которые строятся на звукорядах, содержащих от одиннадцати до шестнадцати звуков-ступеней, густое многоголосие, замысловатую ритмику, ладовое колорирование» [Кабанов].

Описывая специфичность былинных напевов, Г.Н. Марахтанова выделяет «… мелодии с широкими распевами, огласовками, с равномерной ритмической пульсацией и в то же время - с тяготением к упорядоченности формы» [Марахтанова 2007]. Практически во всех старинных былинах - «Уж ты батюшка, быстрой Терек», «Ишо не туманушки» - широта распевов. Для протяжных, лирических песен воинского быта характерны многоопорные сложные типы мелодических композиций. Сочетание простых - в одноопорных образцах (плясовые, свадебные песни), так и сложных в многоопорных образцах протяжных, лирических песен воинского быта и составляет богатство традиционной песенной культуры казаков. В нотном примере старинной песни «Ишо не туманушки» проиллюстрирована широта распевов.

Ишо не туманушки

♩=60

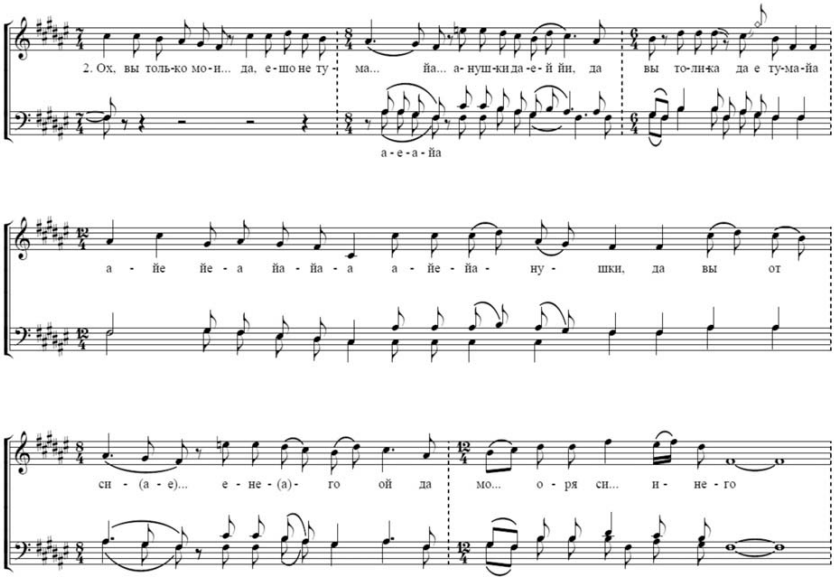
1. И-шо не ту - ма - ну - (ю)- шки а - йе - э - йе да вы мо- и- е ту - ма - (йа) -

а - йе - а - а - а - а - йа - а - йа- ну- шки да, вы ту-

ма... а нуш - ки да о - йи - йи да вы толь - ко да - а мо - я,

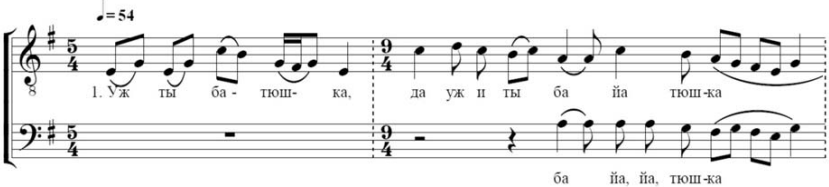
Огромную роль в мелодике терских песен играют и внутрислоговые распевы, представляющие, по замечанию Г.Н. Марахтановой, «новый, тематически значимый мелодический материал, и не являющиеся только мелодическим украшением. Подобное

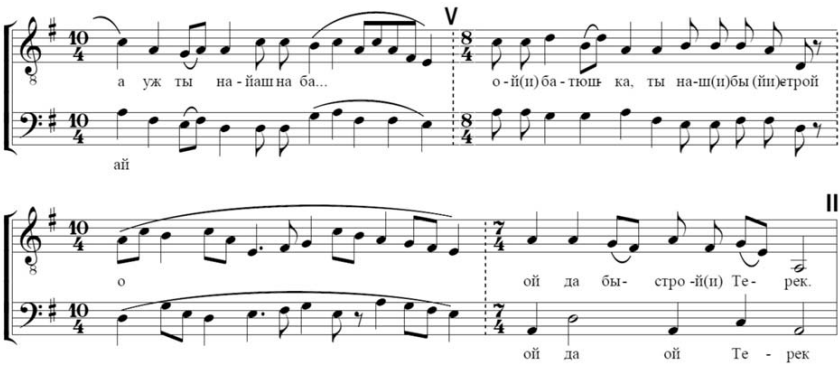
свойство напевов связано с их мелодической развитостью: распевность так велика, что произнесенные слоги распеваются и в запевах, и в кадансах» [Марахтанова 2007]. Во втором куплете старинной песни «Ишо не туманушки» варьируется сам напев и голосоведение многоголосной фактуры песни.



В нотным примере старинной былины гребенских казаков «Уж ты батюшка, быстрой Терек» наглядно проиллюстрированы внутрислоговые распевы, словообрывы, огласовки, полифоничность голосоведения.

Уж ты батюшка, быстрой Терек





Сравнивая с протяжными лирическими песнями русского юга, автор отмечает, что терские - отличаются характерно местным мелодико-многоголосным складом и отсутствием подголосков «типа подводки или дишканта» [Марахтанова 2007].

Описывая форму строения стиха, Г.Н. Марахтанова выделяет следующие особенности: «строение стиха представляет собой простые формы с двумя слоговыми группами, однако, в координации с напевом эти формы сильно трансформируются: вставки, словообрывы, внутрислоговые распевы, дополнительные слова и огласовки отдельных слов, «игра» гласными, делают стих практически «неузнаваемым»…. Запевы песен всегда имеют большой объем, и характеризуются прихотливым ритмом» [Марахтанова 2007].

Одной из ярких характерных черт певческой традиции казаков на Тереке является исполнение плясовых алилёшных песен под звонкие удары по медному тазу или ложками в ритме горской лезгинки, что является ярким проявлением специфической местной традиции и свидетельствует о глубоких связях с культурой горских народов, подтверждая правильность вывода о синтезированной природе существования народно-певческой традиции казаков, т.к. подобное явление более нигде не встречается. В особенностях плясовых песен терской традиции, автор отмечает: «общность и развитость по принципу единства форм, черт музыкального стиля, ритма, гармонический склад, звуковые тонико-доминантовые отношения, часто используемый

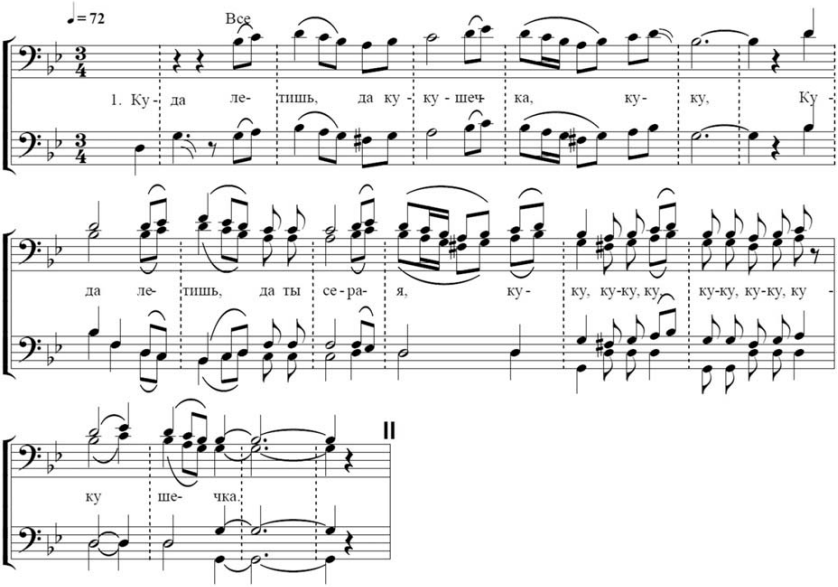
прием октавного удвоения, в котором нижний голос удвоен на октаву вниз, а верхний на октаву вверх» [Марахтанова 2007].

Выделяя песни наурских казаков в особую певческую традицию, А.С. Кабанов указывает приемы местного песенного стиля, которые присутствуют не только в протяжных, но и во всех других песнях: «Подчеркнутое вибрато у всех голосов, мелодические «подъезды-взлеты» к верхним звукам напева и их нисходящее заполнение, динамические синхронные акценты после пауз и постепенное затухание громкости к концу фразы («редуцирование»), небольшие изменения темпа при смене слогового ритма» [Кабанов]. Автор отмечает, что «многие из этих приемов придают «плачевой» характер верхнему мужскому голосу», что вызывает определенные ассоциации и с многоголосным пением северо-кавказских народов (адыгов, осетин)» [Кабанов].

Описывая специфичность науских протяжных песен, А.С. Кабанов подчеркивает: «Ощущение гармоничности, соразмерности во многом складывается благодаря присутствию у наурских песенников внутреннего интуитивного ощущения непрерывной ритмической пульсации, скрепляющей масштабные напевы протяжных песен. Во всех произведениях можно отметить совпадение важных граней или кульминаций музыкальной формы с точкой «золотого сечения». Эпическая мощь медленного «выращивания» строфы, отчасти уравновешиваются у наурцев почти полным отсутствием мелодического линеарного варьирования донского типа» [Кабанов].

В сложных образцах протяжных наурских песен мы слышим предельную насыщенность многоголосного звучания. Здесь почти нет унисонных схождений, нет даже кратких участков сольного звучания. Все песни запеваются участниками коллективно, одновременно, что практически не встречается в русском вокальном фольклоре. Такой групповой запев исключает повторы в запеве заключительных слов предыдущей строфы… [Кабанов]. Одним из ярчайших образцов наурской песенной традиции является песня «Куда летишь, да кукушечка».

Куда летишь, да кукушечка



Многоголосный склад терско-гребенской песенной традиции определяется исследователями как темброво-контрастное функциональное двухголосие, с наличием двух, достаточно различных по мелодическому строению и высотным характеристикам, голосовых партий. Однорегистровое воплощение каждой голосовой партии нормативно для песенного фольклора терско-гребенского казачества. При этом нижняя голосовая партия является основной, ведущей и определяет особенности мелодического строения каждой из рассматриваемых песен. Верхняя голосовая партия в свою очередь представляет собой развитый, самостоятельный подголосок к нижней. Существенным специфическим признаком является то, что в местном многоголосии верхний подголосок типа дишканта не встречается, что составляет принципиальное отличие данной казачьей традиции от многих других (например, донской - верховской и нижней, а также оренбургской, кубанской и др.).

Большой удельный вес плясовых песен в традиции, стилевая цельность и местная характерность позволяют рассматривать плясовые песни (наряду с лирическими протяжными) в качестве одно-

го из центральных компонентов местной песенной системы и подтверждает, во-первых, типологическое родство терской традиции с большинством южнорусских традиций, а во-вторых, характеризует ее как типичную традицию позднего формирования [Марахтанова 2007].

Говоря об ангемитонике, необходимо отметить, что в терско-гребенской традиции она является заполненной и выступает в качестве «первоосновы» диатонических напевов. В качестве специфических отмечается многообразие ладовых средств: «миксолидийский мажор с пониженной шестой ступенью, дорийский минор с переливчатой шестой ступенью, переменный лад. Характеризуя одноопорные образцы, можно сказать, что они представляют собой довольно целостный, просто организованный корпус, обнаруживающий общность с общерусскими напевами более позднего пласта. Эти напевы встречаются и в других южнорусских традициях. В них можно увидеть формирующиеся тонико-доминантовые отношения, особенно ярко проявляющиеся в кадансах.

Говоря о приемах трансформации стиха, фольклористы отмечают наличествующее их разнообразие: словообрывы с допеванием, расширение стиха вставными словами (орнаментальное расширение стиха внутри распева), повторы слов, целых фраз, вставки-распевание эмоциональнальных возгласов, сцепляющий выделенный запев (песня в форме периода), йотация, сложные распевы, огласовки - все эти классические приемы, отмеченные И.И. Земцовским, широко распространены в лирике песенного фольклора казаков на Тереке.

3.6. Эволюция и трансформация архитектоники песенного фольклора казаков

Анализ музыкально-стилевых особенностей песенного фольклора позволяет нам составить общую картину и проследить эволюцию и процессы трансформации архитектоники песенного фольклора терско-гребенского казачества.

Использование концепта архитектоники применительно к песенному фольклору представляется обоснованным как основной принцип построения и развития внутриструктурных специфи-

ческих компонентов песенного фольклора в системе его сложных взаимосвязей с внешними структурными средовыми факторами и условиями, влияющими на его развитие. Архитектоника объединяет в себе соотношение внутриструктурных специфических компонентов фольклора, расположение и взаимосвязь его компонентов, образующих вместе некоторое художественное единство. Она подвержена изменению и трансоформации, из-за влияющих на нее объективных факторов и внешних условий. Приемы архитектоники в песенном фольклоре гребенских казаков позволяют проследить эволюцию генезиса во всех сложных взаимосвязях: хронотопа, формирования и развития музыкальной лексики, жанровых особенностей, взаимообусловленных мировоззренческих уровней бытийности и выявить общие тендинции развития.

Результаты исследований показывают, что архитектоника, включающая взаимообусловленные мировоззренческие уровни бытийности, хронотоп, музыкально-поэтическую лексику, жанровую особенность песенного фольклора гребенских и терских казаков, существенно менялась в ходе генезиса, переживая определенные эволюционные процессы.

Изучение привлеченных источников позволяет условно выстроить архитектонику эволюции песенного фольклора терско-гребенского казачества, обозначив периоды, характеризующиеся постепенной сменой образа жизни, хозяйственно-культурного типа казаков и хронотопа: вольный период; период военно-колонизационной политики царского правительства на Кавказе; период мирной жизнедеятельности и окончания военных действий, советский период и современный:

- вольный период, который можно назвать архаичным былинно-эпическим, характеризуется метафоричностью этносознания, становлением и активным развитием песенной традиции;

- период военно-колонизационной политики царского правительства на Кавказе и активных военных действий, характеризуется развитием фольклорного творчества, развитием жанра исторической песни и военной лирики;

- период мирной жизнедеятельности и окончания военных действий, характеризуется нивелировкой казачьей культуры, тенденциями к упрощению текстов, формы и движением к музыкально-стилевой унификации;

- советский период – связан с расказачиванием, характеризуется стремлением к сохранению песенных традиций носителями-мастерами певческой традиции и фольклористами-собирателями;

- современный – возрождение культурных традиций, характризуется активной деятельностью по реконструкции песенных традиций казаков творческими коллективами и исследователями-фольклористами.

Вольный период казачества в развитии песенного фольлора можно назвать архаичным былинно-эпическим. Он характеризуется метафоричностью этносознания и активным развитием жанров песенной традиции. Поскольку в раннем слое культуры отражена органическая связь гребенских казаков со спецификой культурного ландшафта, то пространственная символика имела для них глубокое духовное и нравственное значение. Специфичность средневекового хронотопа характеризуется древнеархаической мифопоэтичностью, метафоричностью и нравственно-эстетической целостностью звукообразов, сформировавшихся при теснейшей взаимосвязи человека с миром природы и текучестью переходов между ними.

Песни былинного склада запечатлели мифологизированность, метафоричность и антропоморфичность этносознания, свойственного еще средневековому человеку, неразрывно связанного с природой и окружающей его средой.

Очевидно, что на первоначальном этапе фиксации песенного фольклора на Тереке песни эпического былинного склада были представлены в завершенном развитии, они отличались достаточно сложной мелодической распевностью, импровизационностью, вариативностью, свободным метроритмом. К наиболее характерным специфическим музыкально-стилевым признакам протяжных песен музыковеды относят: густое многоголосие с функциональным двухголосием с синхронным движением голосов и элеменами гетерофонии; широту мелодического объема песен, которые строятся на звукорядах, содержащих от одиннадцати до шестнадцати звуков-ступеней; замысловатую ритмику; ладовое колорирование; большими объемами в запевах, характеризующихся прихотливым ритмом. Обращается внимание на особенности в форме строения стиха, которые характеризуются: «вставками, словообрывами, внутрислоговыми распевами, дополнительными словами и огла-

совками отдельных слов, «игрой» гласными» [Кабанов, Марахтанова 2007].

Со сменой средневековой парадигмы начинается новый этап развития песенного фольклора: существенно трансформируется средневековый хронотоп, древнеархаическое мировосприятие постепенно изживается, существенно меняется парадигма мировосприятия. Архитектоника песенного фольклора характризуется прагматическим мировосприятием окружающего мира, отображенной военной лирикой исторических песен. Общие тенденции изменений пространственно-временных представлений, определяющих сущностные для казаков явления жизни, состояли в движении к прагматике и конкретизации. Естественно смена средневекового мировосприятия на прагматическое мировосприятие окружающего мира находит отражаение в трансформации песенных жанров, когда наиболее древний по происхождению жанр былины, воплотивший и сохранивший в себе следы архаического средневекового хронотопа, постепенно вытесняется военной лирикой исторических песен, в которых пространственно-временные представления приобретают конкретно-прагматические черты.

Неопределенные, размытые временные представления сменяются конкретными датами или описанием, четкой хронологией исторических событий, что особенно запечатлелось в жанре исторической песни. Изменение в содержательном плане временных категорий приобретает новые смыслы - от природного к социальному. Былинные эпические жанры сменяются на военную лирику исторических песен, все большую популярность приобретают песни бытовой лирики, плясовые песни, романсы на литературные тексты и т.д.

Б.Н. Путилов, прослеживая развитие исторической песни, указывает, что в процессе эволюции происходит «деформация» исторической песни, в части «выветривания» подробностей, отдельных деталей, «снятия точной хронологической приуроченности», при этом полностью сохраняется ее сюжетная основа…; песня, освобождаясь от обременявшей ее детализации, даже выигрывает в художественной стройности и в идейном отношении [Песни гребенских казаков 1946]. В результате существенных изменений песня могла приобрести лирико-описательный характер. По формально-художественному построению новые песни существенно

отличались: они были лишены как лирико-эпической протяженности, так и чисто эпической речитативности, имели четкий маршевый ритм, короткие строчки, отчетливо делились на строфы, язык песен сочетал элементы живой казачьей речи с явными литературно-книжными реминисценциями. Общий тон таких песен – лирико-эпический, выражавший подлинные чувства казачьей массы. Архитектоника существенно трансформируется и характеризуется: трансформацией былинно-эпических жанров на исторические жанры с приобладанием военно-лирических по характеру и тематике песен, выветриванием и упрощением текстов и структуры форм, отчетливостью строф, четким маршеоброзным ритмом, использованием литературного языка.

В связи с окончанием военных действий в конце 50-х гг. XIX в. на Северо-Восточном Кавказе начались административные реформы, что привело к масштабным изменениям и в культуре казаков. Это выражалось в постепенном забвении языков кавказских народов, многих обычаев и традиций, появлении чисторусских обрядов, поговорок, «городских» костюмов и пр. Открытие светских школ способствовало, в свою очередь, распространению не только знаний, но и новых ценностей, норм поведения, навыков производительного труда. Русский литературный язык постепенно вытеснял местный диалект, под влиянием городской культуры менялись формы досуга, проникали песни городской среды. В конце XIX века под влиянием городской культуры материальная и духовная культура нивелируется, и постепенно из обыденной жизни казаков уходят в прошлое их самобытная традиционная культура.

В результате нивелировки казачьей культуры по общероссийским стандартам в начале XX века привела к утрате многих прежних этнокультурных черт, происходила деэтнизация казачества. Примерно, после русско-японской войны (1904-1905) приостанавливается и создание новых песен исторического содержания. Многие песни гребенцов, созданные в XVIII веке путем переосмысления текста, приобретают современное звучание. Однако никаких попыток самостоятельного творчества в области фольклора в этот период фольклористами отмечено не было.

Огромную популярность приобретают лирические песни, плясовые, которые по структуре стиха и форме значительно упрощены. В них отмечается: общность и развитость по принципу единства форм,

черт музыкального стиля, ритма, преобладает гармонический склад, звуковые тонико-доминантовые отношения, часто используемый прием октавного удвоения, в котором нижний голос удвоен на октаву вниз, а верхний на октаву вверх [Марахтанова: 2007].

С переходом к новому времени, когда развитием промышленности создаются условия для выработки иного отношения человека к природе – как к простому объекту его технического воздействия, в советский период ассимиляция в казачьей среде еще больше ускорилась. Как только казачье сословие было ликвидировано, казаки вместе со своим наименованием, потеряли свою самобытность и многие этнокультурные особенности. Этот период называют расказачиванием, он характеризуется регрессом казачьей культуры, поскольку новые песни не создаются, постепенно песенный репертуар казаков утрачивается. Архитектоника характеризуется регрессом и стагнацией в развитии песенного фольклора, что сопровождается популярностью легких популярных жанров, попыткой сохранить в памяти культурное наследие своих предков.

С середины XX века начинается процесс собирания песенного фольклора по терским станицам, а к концу XX – процесс возрождения песенных традиций, благодаря энтузиазму фольклористов и любителей казачьего песенного творчества. В последние годы многие мужские фольклорные коллективы, такие как «Братина», «Камышинка», «Петров вал», ансамбль музыкального колледжа Российской академии музыки имени Гнесиных, «Казачий пикет», «Вся Русь» проявили большой интерес к песнями терской казачьей традиции и стали включать их в свой репертуар, дав тем самым им вторую жизнь и способствуя их популяризации в широких кругах любителей народного песенного искусства.

Определяющим фактором в формировании специфичности песенного фольклора явился природно-ландшафтный комплекс рек Терека, Сунжи, Малки, Кавказских гор, повлиявших и определивших специфичность архаико-мифологизированной метафоричной образности этносознания гребенских казаков. Он явился антропологической первоосновой их традиционного песенного фольклора, воплотившего в себе процесс многовекового полиэтнического межкультурного взаимодействия народов Северного Кавказа и отразившего взаимообусловленность исторического развития этноса и экосистемы. Формирование и развитие специфиче-

ских особенностей певческого стиля казаков на Тереке, безусловно, проходило под влиянием ряда указанных факторов и в тесном взаимодействии с культурой горских народов. Изменения тематики и поэтики песенных текстов происходили в неразрывной связи и под влиянием объективных исторических событий, фиксируя и отражая жизнь казачьего быта.

Традиционный песенный фольклор терско-гребенского казачества, преобразующий в результате специфической духовно-практической деятельности своего этноса мифы в бытийно-реальное, вырабатывает систему ментальных ценностей, образующих ценностные доминанты этнической картины мира гребенцов. При этом ценностные доминанты как слитые воедино архаичные мифопоэтические, религиозно христианские и исторические представления, заложили идейно-патриотическую ментальную основу казаков, а также выработали этнические стериотипы и специфические нормы, проявившиеся, прежде всего, в песенном фольклоре казаков на Тереке. Система их ментальных ценностей, глубоко укоренившаяся в этносознание, остается неизменной на протяжении всего этапа развития их субэтноса.

Таким образом, эволюция и трансформация архитектоники песенного фольклора казаков представляется многовековым творческим процессом народных масс, включающим этапы прогресса, стагнации, регресса и возрождения культурных ценностей, сосредоточенных и аккулированных в песенном фольклоре, при этом стержневой основой архитектоники является песенная традиция, обеспечивающая самобытность песенного фольклора.

Литература

Агаджанов 1974 - Агаджанов Ю.Г. Песни Терека. - Грозный, 1974.

Белецкая 1985 – Белецкая Е.М. Собирание казачьего фольклора в Чечено-Ингушетии // Полевые исследования. Русский фольклор. Т. XXIII. - Л., 1985. - С. 72–75.

Белецкая 1991 – Белецкая Е.М. История публикации казачьего фольклора на Тереке // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания : материалы Межрегиональной научно-практической конференции 24–27 сентября 1991 г. Часть 1. - Тамбов, 1991. - С. 40–43.

Белецкая 2000 – Белецкая Е.М. История гребенского казачества в песенных фольклорных жанрах // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. - Армавир, 2000. - С. 76–78.

Белецкая 2004 – Белецкая Е.М. Мир казака в военно-бытовых песнях // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. - М. : Лабиринт, 2004. - С. 237–246.

Белецкая 2004а – Белецкая Е.М. Война и мир в фольклоре гребенского казачества // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. - Краснодар, 2004. - С. 159–166.

Белецкая 2006 - Белецкая Е.М. Песенный фольклор терских казаков // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. - Краснодар, 2006.

Белецкая 2008 – Белецкая Е.М. Песенный фольклор гребенских казаков как феномен русской культуры // Катанаевские чтения : материалы Седьмой Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Гефнер, В.Л. Кожевин, Н.А. Томилов. – Омск : Наука, 2008. - С. 247–250.

Белецкая 2010 – Белецкая Е.М. Традиционная песенная культура гребенских казаков // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития : тезисы Всероссийской научной конференции (28–29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону). - Ростов н/Д, 2010. - С. 218–221.

Белецкая и др. 1996 – Белецкая Е.М., Виноградов В.Б., Великая Н.Н. Календарная обрядность терских казаков. - ЭО. - 1996. - № 2. - С. 50–63.

Белецкая, Великая, Виноградов 1996 - Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Календарная обрядность терских казаков // ЭО. - 1996. - № 2. – С. 25-29.

Белецкая, Великая, Григорьев 2012 - Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенских казаков в дореволюционный период. - Ставрополь – Саарбрюккен ; Ставролит - Лар Lambert; Academic, 2012.

Бентковский 1889 - Бентковский И.В. Гребенцы. Исторические исследования. – М., 1889.

Бердяев 1999 - Бердяев Н.А. О человеке, его свободе духовности. Избр. труды. - М. : Флинта, 1999.

Борисов 1885 – Борисов Д. Терские ведомости. - 1885. - № 10.

Бороздин 1893 - Бороздин. Станица Ищерская. СМОМПК. Вып 16. - Владикавказ, 1893.

Будде 1999 - Будде Г.-Ф. Пол истории // Пол – гендер – культура. - М., 1999.

Васильев 1986 – Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека (досоветский период). - Махачкала, 1986.

Великая 2000 - Великая Н.Н. Особенности старообрядчества у гребенских казаков // Православие, традиционная культура, просвещение (К 2000-летию христианства). - Краснодар, 2000. – С. 16-19.

Великая 2001 - Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного предкавказья в XVIIIXIX вв. - Армавир, 2001.

Великая 2001 - Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII - XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001.

Великая 2001а – Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. - Армавир, 2001.

Великая и др. 1992 - Великая Н.Н., Даутова Р.А., Хасиев С.-М.А. Представления и обряды казаков и вайнахов, связанные с жилищем // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1992. - С. 61-76.

Вернадский 1927 - Вернадский Г. В. Начертание русской истории. - Прага, 1927.

Ветухов 1901-1907 - Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова// В кн.: Русский филологический вестник. - СПб., 1901 - 1907.

Вико 1994 - Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации. - М. : Рефл-бук, 1994.

Виноградов 1907 - Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. 1. - Живая старина, 1907, вып. I. Вып. 2, 1909, вып. I. Вып. 3, 1909, вып. IV;

Виноградов 1950 – Виноградов Б.С. Повесть Л.Н.Толстого «Казаки» и народное творчество гребенского казачества // Известия Грозненского областного научно-исследовательского института и музея краеведения. Вып.2-3. - Грозный, 1950. - С. 112–144.

Виноградов 1957 – Виноградов Б.С. Этнографический материал в повести Л.Н. Толстого «Казаки» // СЭ. - 1957. - № 3. - С. 33–43.

Виноградов 1959 – Виноградов Б.С. Кавказ в творчестве Л.Н. Толстого. - Грозный, 1959. - С. 157–172.

Виноградов 1996 – Виноградов В.Б. «Уголок России, отчий дом...» Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. – Армавир;Кизляр, 1996.

Виноградов 1999 - Виноградов В.Б. О ранних этапах формирования терско-гребенского казачества // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». – СПб., 1999.

Виноградов 2001 – Виноградов В.Б. Несколько слов о численности чеченцев и исторических границах Чечни во второй половине XIX - начале XX века // Вопросы северокавказской истории. - Вып.6. Ч.1. - Армавир, 2001.

Виноградов и др. 1997 - Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. Очерки об исторических группах старожильческого населения Среднего Притеречья. - Армавир, 1997.

Виноградов, Нарожный 1999 - Нарожный Е.И. О ранних этапах формирования терско-гребенского казачества // Казачество как фактор исторического развития России. Тезисы докладов. - СПб., 1999. - С. 73–75.

Волков 1896 – Волков Н.П. Песни гребенских казаков // ТВ. - 1896. - №№ 28, 29, 34.

Востриков 1904 - Востриков П.А. Станица Наурская // СМОМПК. - Вып. 33. - Тифлис, 1904.

Востриков 1904а - Востриков П.А. // СМОМПК. - Вып. 23, Р.2. -Владикавказ, 1904.

Востриков 1907 - Востриков П.А. Поверия, приметы и суеверные обычаи наурцев. - СМОМПК. - Вып. 33. Р. 2. - Владикавказ, 1907.

Голованова 1994 – Голованова С.А. К вопросу о развитии самосознания казачества // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова. - Армавир, 1994. - С.23-25.

Голованова 2000 – Голованова С.А. Южнороссийское казачество как историческая система (проблемы методологии) // Про-

блемы социокультурного развития Северного Кавказа: Социально-исторические аспекты. - Армавир, 2000. - С.33–43.

Голованова 2001 – Голованова С.А. Географический фактор в самоидентификации гребенского казачества // Вопросы северокавказской истории. Вып.6. Ч.1. - Армавир, 2001. - С. 26–36.

Голованова 2001 - Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. – Армавир : Издательский центр АГПИ, 2001.

Гребенец 1909 – Гребенец Ф.С. Из быта гребенских казаков // СМОМПК. Вып. 40. - Тифлис, 1909. – С. 9–47.

Гребенец 1915 – Гребенец Ф.С. Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем // СМОМПК. - Вып. 44. - Тифлис, 1915.

Гребенская…1914 – Гребенская песня. Записал Ф.П. Панкратов // ЗТОЛКС. – Владикавказ. - 1914. - № 13.

Гребенцы в песнях 1895 – Гребенцы в песнях: сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями / собр. Ф.С. Панкратов. - Владикавказ, 1895.

Григорьев 2002 - Григорьев А. Песни гребенских и терских казаков (по материалам фольклорной экспедиции в ст. Калиновской ЧИАССР). – Ставрополь, 2002.

Григорьев 2004 - Григорьев А.Ф. Песни гребенских и терских казаков (записано в станице Калиновской Наурского района, ЧИАССР). – Ставрополь : СГПИ, 2004.

Григорьев 2011 – Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). – Ставрополь : Возрождение, 2011.

Григорьев 2014 - Григорьев А.Ф. Анализ проблем воспитания культуры межнационального общения народов Ставрополья и Северного Кавказа // KANT. – 2014. - № 1 (10). – С. 91 – 95.

Григорьев 2014а - Григорьев А.Ф. Возрождение нравственных ценностей в обществе – основа российской государственности // KANT. – 2014. - №3 (12). – С. 114 – 117.

Григорьев 2014б - Григорьев А.Ф. Роль казачества в вопросе межнациональных отношений: вызовы – задачи – перспективы//Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений : материалы Всеросс. (с международным участием) научно-практической конференции. - Славянск-на-Кубани, 2014. – С 42-46.

Григорьев 2014в - Григорьев А.Ф. Концепт реки Терека в системе этнических констант гребенских казаков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2014. - №10, Ч.2. - С. 98-100.

Григорьев 2014г - Григорьев А.Ф. Специфика религиозно-мифологических верований и представлений гребенских казаков // KANT. – 2014. – № 1 (10). – С. 95 – 100.

Григорьев 2015 - Григорьев А.Ф. Феномен этномузыки в культуре межнационального общения народов Северного Кавказа // KANT. – 2015. - № 2 (15). – С. 21-24.

Григорьев 2015а - Григорьев А.Ф. Роль традиционной культуры народов Ставрополья в системе воспитания духовно-нравственных ценностей: проблемы и противоречия // KANT. – 2015. - № 3 (16). – С. 11-16.

Григорьев 2015б - Григорьев А.Ф. Теория и практика народного художественного творчества. - М : Миракль, 2015.

Григорьев 2015в - Григорьев А.Ф. Песни терских казаков. - Ставрополь : Ставролит, 2015. – Выпуск 1. Станица Калиновская.

Григорьев 2015г - Григорьев А.Ф. Концепт Кавказских гор в фольклорном сознании гребенских казаков //KANT. – 2015. - № 1 (14). – С. 45-47.

Григорьев 2016 – Григорьев А.Ф. Историко-антропологические аспекты автохтонной парадигмы этногенеза гребенских казаков: гипотезы и аргументы // KANT. – 2016. - № 3 (20). – С. 11-16.

Григорьев 2016 - Григорьев А.Ф. Песенный фольклор как средство ретрансляции культурно-исторического и духовного наследия этноса //Современные тенденции развития науки и образования : сборник научных статей Международной научно-практической конференции /под ред. А.Ф. Григорьева. – М. : МИРАКЛЬ, 2016. – С. 19-23.

Григорьев 2017 - Григорьев А.Ф. Историософия гребенских казаков в этнической картине мира – Ставрополь : Ставролит, 2017.

Григорьев 2017а– Григорьев А.Ф. Антропоморфизм и метафоричность в песенном фольклоре гребенских казаков // KANT. – 2017. - № 3 (24). – С. 82-87.

Григорьев 2017б - Григорьев А.Ф. Сохранение традиционной культуры народов Ставрополья как духовно-нравственная основа противодействия терроризму среди молодежи // Современные тенденции развития науки и образования : сборник научных статей Международной научно-практической конференции /под ред. А.Ф. Григорьева. – М. : МИРАКЛЬ, 2017. – С. 8-14.

Григорьев 2017в «Национальный электронный депозитарий ценностей этнокультуры народов Ставрополья “Возрождение”» как сохранение традиционной культуры народов многонационального Ставрополья // KANT. – 2017. - № 4 (25). – С. 82-87.

Григорьев 2018 - Григорьев А.Ф. Метафоричность этносознания в историософии гребенских казаков// Терский сборник/ колл. авторов. – М. : МИРАКЛЬ, 2018. – Вып. 3. – (С.399-449)

Григорьев 2018а - Григорьев А.Ф. Песни терских казаков : сборник песен. - Ставрополь : Ставролит, 2018. – Выпуск 2. Станица Червленая.

Григорьев 2019 – Григорьев А.Ф. Хронотоп в мифопоэтике песенного фольклора гребенских казаков // KANT. – 2019. - № 1 (31). – С. 82-87.

Гриценко 1969 – Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // АЭС. - Т.3. - Грозный, 1969.

Гумилев 1965 - Гумилев Л. Н. Хазарские погребения в дельте Волги// "Сообщения Гос. Эрмитажа", 1965, вып. XXVI.

Гумилев 1967 - Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М. : Наука, 1967.

Гумилев 1974 - Гумилев Л.Н. Хазария и Терек // Вести. ЛГУ. – 1974. - № 24.

Гумилев 1974а - Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани // Русская литература. – 1974. - № 3.

Гумилев 1974б - Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I) // Вестник ЛГУ. – 1974. - № 6, вып. 1.

Гумилев 2002 - Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. - СПб. : Азбука-классика, 2002.

Гумилев 2007 - Гумилев Л: Н. Этногенез и биосфера Земли. - М. : Айрис - пресс, 2007.

Дударев 1993 – Дударев С.Л. К вопросу об истоках феномена казачества // Пути возрождения Терского казачества : тезисы докладов Региональной научно-практической конференции. - Кизляр, 1993.

Единый сохранный фонд ….. 2010 - Единый сохранный фонд аудиозаписей РФТКиСКС «Возрождение». – Ставрополь, 2010.

Елеонская 1917 - Елеонская Е. Н. К изучению заговора и колдовства в России. Шамординская Пустынь, 1917, вып. 1.

Еремин 1990 – Еремин Н.М. По Указу Петра. Археолого-этнографические и историко-культурные очерки станицы Шелковской. Шелковская, 1990.

Еремин 1997 – Еремин Н.М. Станица Червленная времен М.Ю. Лермонтова и ныне. - Губкин, 1997.

Записки… 1914 №2 – Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914 №2.

Записки… 1914 №3 –- Записки Терского общества любителей казачьей старины. - Владикавказ, 1914. - №3.

Заседателева 1974 – Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – начало XX века). Историко-этнографические очерки. - М., 1974.

Заседателева 1984 – Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI - XIX веке // КЭС. Т. VIII. М., 1984. - С. 38–60.

Заседателева 1984а – Заседателева Л.Б. Специфика культурно-бытового уклада северокавказского казачества конца XIX – начала XX века // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. - Краснодар, 1984. - С. 131–154.

Заседателева 1985 – Заседателева Л.Б. Традиционная и современная свадебная обрядность русского населения Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1985. - С.19-34.

Заседателева 1988 – Заседателева Л.Б. Обычаи и обряды детского цикла у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Традиции и новации // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1988. - С. 95–104.

Исторические сведения… 1912 – Исторические сведения о Гребенском казачьем полку // ЗТОЛКС. - Владикавказ, 1912. - № 4. - С.29–52.

Исторические песни … 1960 - Исторические песни XIII – XVI веков // под ред. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1960.

К. 1885 – К. Гребенцы (из заметок и воспоминаний гребенца) // - ТВ. -1885. - №№ 83, 86, 87, 89, 92, 96, 100.

Кабанов - Кабанов А.С. Певческое искусство терских казаков станицы Наурской Чеченской Республики http://www.culture.ru/objects....publiki

Кавказ… 2010 - Кавказ: культы, легенды, предания. – Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2010. - Вып. V.

Караулов 1900 - Караулов М.А. Говор станиц бывшего Моздокского полка Терского казачьего войска // Русский филологический вестник. – Варшава, 1900. - № 3-4.

Караулов 1907 – Караулов М. Говор гребенских казаков // СМОМПК. Вып.37. - Тифлис, 1907. - С. 103–109.

Караулов 1912 - Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и в настоящем. – Владикавказ, 1912.

Караулов 2002 - Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. - Пятигорск, 2002.

Карпинский 1897 – Карпинский М. Русский былевой эпос на Тереке // сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1897. - Вып. 22. Отд. 3.

Карпинский 1898 – Карпинский М. Несколько протяжных и скоморошных песен, записанных в ст. Червленной // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1898. - Вып. 24.

Карпинский 1900 – Карпинский М.П. Гребенские казаки и их песни // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1900. - Вып. 27. Отд. 4.

Кембелл 2004 - Кембелл Дж. Мифологический образ. - М., 2004.

Козлов 1988 – Козлов С.А. О появлении русского казачества на Тереке // Вестник Ленинградского университета. Сер.2. История, языкознание, литература. Вып.3. - Л., 1988. – С. 92–95.

Козлов 1990а – Козлов С.А. Взаимоотношения терско-гребенского казачества с северокавказскими народами (2 половина XVI - XVII вв.) // ИСКНЦВШ. - 1990. - № 4. – С. 33–39.

Козлов 1995 - Козлов А.И. Казаки нация, сословие? // Возрождение казачества: история и современность. - Новочеркасск, 1995.

Козлов 1996 – Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества.- СПб., 1996.

Кондаков 1999 - Кондаков Н.В. Русская культура: краткий очерк истории и теории. - М., 1999.

Косвен 1961 - Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. - М., 1961.

Криничная 1995 - Криничная Н.А. О взаимодействии этнокультурных традиций: к методике полевых и теоретических исследований // Сохранение и возрождение фольклорных традиций : сб. тр. Вып.6: Русский фольклор в инокультурном окружении.- М., 1995.

Кушева 1981 - Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII века. Ч.II Источники и их характеристика. - М. : АН СССР, 1981.

Л.Н.Толстой… 1961 – Толстой Л.Н. на Кавказе в записях современников / подготовка текстов, вступительная статья и примечания Б.С.Виноградова) // Труды ЧИ НИИ ИЯЛ. - Т. III. - Грозный, 1961.

Лапин 1985 - Лапин Б. Русский музыкальный фольклор и история. - М., 1985.

Леви-Стросс 1985 - Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М. : Наука, 1985.

Листопадов 1949 - Листопадов А. М. О складе былин северных и донских // Листопадов А. Песни Донских казаков. Т. 1 ч. 1. - М. : Музгиз, 1949.

Лотман 1994 - Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века).- СПб. : Искусство-СПБ, 1994.

Лурье 2004 - Лурье С.В. Историческая этнология. - М. : Академический Проект ; Гаудеамус, 2004.

Магическая поэзия народов… 1989 - Магическая поэзия народов Северного Кавказа : сб. ст. / отв. ред. А. М. Аджиев ; сост. Х. М. Халилов. – Махачкала, 1989. – 160 с. – В надзаг.: Даг. фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы.

Малявкин 1891 - Малявкин Г. Станица Червленая // Этнографическое обозрение. – 1891. - № 50.

Малявкин 1891 – Малявкин Г. Станица Червленная // ЭО. - 1891. - №№ 1–3.

Малявкин 1891 - Малявкин Г. Станица Червленная, Кизлярского отдела Терской обл. // Этнографическое обозрение. - 1891. - Кн. 8., № 1. - С. 128 – 129.

Малявкин 1891а - Малявкин Г. Казачьи верования и суеверия // ТВ. – 1891.

Малявкин 1892 – Малявкин Г. Как пошло на Руси казачество (казачье предание) // ТВ. - 1892. - № 1.

Марахтанова 2007 - Марахтанова Г.Н. Народно-певческая традиция терского казачества: автореф…. канд. искусствоведения. – М., 2007.

Мининков 1992 - Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории. - Ростов-на-Дону : РГУ, 1992.

Песни Терека …. 1974 - Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков (Публикация текстов, вступительная статья и примечания Ю.Г. Агаджанова) / под ред. Б.Н. Путилова. - Грозный, 1974.

ПМК – Полевые материалы экспедиций Кабанова А.С. в ст. Червленную (информаторы: Морозов К.Л., Миронов Т.Р).

Пожидаев 1915 – Пожидаев В.П. Старины терских казаков // СМОМПК. - Тифлис, 1915. - Вып. 44. Отд. 2. - С. 85–169.

Полевые …. 1965 - Полевые материалы ТЭЭ МГУ, 1965.

Путилов 1946 – Песни гребенских казаков / публ. текстов, вступ. статья и комментарии Б.Н. Путилова. - Грозный, 1946.

Путилов 1946а - Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. - СПб., 1994.

Путилов 1948 - Путилов Б.Н. Исторические песни на Тереке / под ред. Б.Н. Двинянинова. - Грозный, 1948.

Путилов 1953 – Путилов Б.Н. Кавказская война в песнях терского казачества // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.5. - Грозный, 1953. - С.62–71.

Путилов 1976 - Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического фольклора. – Л., 1976.

Ржевуский 1888 – Ржевуский А. Терцы. - Владикавказ, 1888.

Рогожин 1893 – Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей станицы Червленной // СМОМПК. Вып. 16. - Тифлис, 1893. - С. 57–67.

Рудиченко 2005 - Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии : дис. … докт. искусствоведения. – Ростов/Д., 2005.

Сборник материалов 1881 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т.1. - Тифлис, 1881.

Соколова 2004 - Соколова М.В. Мировая культура и искусство. – М. : Академия, 2004.

Старинные исторические песни 1852 – Старинные исторические песни, сохранившиеся у гребенских казаков // Кавказ. -1852, 18 окт. - № 63.

Статистические монографии… 1881 – Статистические монографии по исследованию Терского казачьего войска. - Владикавказ, 1881.

Статистические таблицы…1890 – Статистические таблицы населенных мест Терской области. Т.I. Вып. 2. - Владикавказ, 1890.

Сулаев 2019 - Сулаев В.В. Славный, вспышный, быстрый Терек : сборник песен. – Невинномысск, 2019. – 129 с.

Терек вспышный. Песни гребенских казаков (записано в станице Гребенской ЧИАССР) / сост. Белецкая Е.М. - Грозный ; Екатеринбург, 2007.

Ткачев 1910 – Ткачев Г.А. Откуда вышло Гребенское войско и где было первоначальное место его поселения // ТВ. - 1910. - №№ 67, 69, 76, 78, 90, 110, 111, 114.

Ткачев 1911 - Ткачев Г.А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. – Владикавказ, 1911.

Ткачев 1912 – Ткачев Г.А. Станица Червленная. Исторический очерк // СОЛКС. – Владикавказ, 1912. - №№ 7–12.

Ткачев 1912а - Ткачев Г.А. Станица Червленная. Исторический очерк. Вып. 1. – Владикавказ, 1912.

Толстой 1961 - Толстой Л.Н. Казаки (Кавказская повесть 1812 года) // Собр. соч. в 20 т. Т. 3. – М., 1961.

Толстокорова 2014 – Песни терских казаков станицы Лысогорской: сборник песен/составление, нотирование, предисловие, примечание Е.В. Толстокоровой. – Ставрополь : Эверест, 2014 – 164 с.: нот., ил.

Фольклор терского казачества / Песни гребенских казаков / публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б.Н. Путилова. - Грозный, 1946.

Чеботарева 1968 – Чеботарева В. Г. Современное состояние традиционного казачьего фольклора на Тереке // Учен. зап. / Чечен.-Ингуш. пед. ин-т. - Грозный, 1968. - № 27. Сер. филол. Вып. 15. - С. 59–76.

Чирков 2003 - Чирков Ю. Вдоль по линии Кавказа/ Традиционные песни терских и гребенских казаков/. - С-Пб., 2003.

Чирков 2004 - Чирков Ю. По морю было Хвалынскому/ Традиционные песни терских и гребенских казаков/. - С-Пб., 2004.

Чирков 2007 - Чирков Ю. Прости звезда/ Традиционный казачий романс/. - С-Пб., 2007.

Чирков 2005 - Чирков Ю. Горы вы кавказские/ Традиционные песни терских и гребенских казаков/. - С-Пб., 2005.

Чирков 2008 - Чирков Ю. Терек Горынович /Песни гребенских казаков/ Вып 1. Фонд казачьей культуры. - С-Пб., 2008.

Чирков 2008: вып 2 - Чирков Ю. Терек Горынович /Песни гребенских казаков/. Вып 2. Фонд казачьей культуры. - С-Пб., 2008.

Чирков 2009 - Чирков Ю. Ой, орел, ты орел /Традиционные песни казаков Кавказской линии Дагестана/. - С-Пб., 2009.

Щуров 1987 - Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. Исследования. – М., 1987.

Щуров 2018 - Щуров В.М. Жанры русского музыкального фольклора. - М. : Музыка. – 2018. - В 2-х частях: Ч. 1 - 392 с. Ч. 2 - 656 с.

Юдин 1915 – Юдин П.Л. Из-за старой веры // ЗТОЛКС. - Владикавказ, 1915. № 13. - С.5–33.

Сведения об авторе

Григорьев Анатолий Федорович, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор культурологии Международной Академии Наук (Сан-Марино), академик Российской Академии Естествознания, заслуженный деятель искусств Чеченской Республики, член Союза композиторов Российской Федерации, заведующий кафедрой музыки и социально-художественного образования ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», Ставрополь, Россия.

Главный редактор научного рецензированного журнала KANT (ВАК). Сфера научных интересов: теория и история традиционной культуры терско-гребенского казачества, проблемы сохранения и возрождения культуры, теория и практика музыкального образования, музыкальное исполнительство. Автор более 150 научных и учебных публикаций. Mail: grig.26rus@gmail.com

Grigorev Anatoly Fedorovich, doctor of Cultural Studies, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Cultural Studies of the International Academy of Sciences (San Marino), academician of the Russian Academy of Natural Science, Honored Artist of the Chechen Republic, member of the Union of Composers of the Russian Federation, Head of the Department of Music and Social and Artistic Education of Gin "ST," Editor-in-Chief of the scientific peer-reviewed journal KANT (VAC). Sphere of scientific interests: theory and history of traditional culture of Tersk-Grevensky Kazacks, problems of preservation and revival of culture, theory and practice of musical education, musical performance. He is the author of more than 150 scientific and educational publications. Mail: grig.26rus@gmail.com

Научное издание

Григорьев Анатолий Федорович

АРХИТЕКТОНИКА ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА ТЕРСКО-ГРЕБЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 09.06.2020 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,52.
Тираж 500 экз. Заказ 88

Отпечатано в типографии ИП Тимченко О.Г.
Идентификатор - 6044707
355000, РФ, г. Ставрополь, ул. Тухачевского, 26,
ИНН 263401442118

Телефон/факс (8-86-52)42-64-32
ideya_plus@mail.ru